

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Правительство Новосибирской области

Редакционная коллегия:

Б. Л. Аюшеев (Улан-Удэ)

А. Б. Байбородин (Иркутск)

Б. Я. Бедюров (Горно-Алтайск)

Т. Г. Четверикова (Омск)

Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)

А. В. Кирилин (Барнаул)

Э. И. Русаков (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Н. М. Закусина (Новосибирск)

Е. Ф. Мартышев (Новосибирск)

А. Ф. Косенков (Новосибирск)

В. С. Никифоров (Новосибирск)

Владимир Титов (ответственный секретарь)

Виталий Сероклинов (зав. отделом прозы)

Марина Акимова (зав. отделом поэзии)

Михаил Косарев (зав. отделом критики)

Дмитрий Рябов (зав. отделом публицистики)

Главный редактор: М. Н. ЩУКИН

3/2016

Содержание

ПРОЗА

- Виорель ЛОМОВ. Неодинокий Попсуев.** Роман-мозаика. *Окончание.* ...3
Марина НЕКРАСОВА. Пршгнду. Рассказ. 82

ПОЭЗИЯ

- Вячеслав ТЮРИН. Приметы беспробудного кочевья.** Стихи. 77
Евгений КОНОВАЛОВ. «Многоногое чудище джаза...» Стихи. 116
*«Еще земное чуть печалит...» Александр ПРАВИКОВ,
Кристина КАРМАЛИТА, Дмитрий БЛИЗНЮК,
Борис ПОЗДНЯКОВ, Александра ГЕРАСИМОВА.* Стихи. 120

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Переписка Н. Н. Яновского и В. П. Астафьева. 1980—1991.** 126

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Владимир СЕДЫХ. В экспедиции.** 161
Владимир НИКИФОРОВ. Плеск кембрийских морей.
О Геннадии Прашкевиче. 173

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Издано в Сибири.** 180

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Григорий ГАПОНОВ. Григорий Густавович Ликман.** 186

- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г. Главный редактор, директор-руководитель ГБУ «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Виорель ЛОМОВ

НЕОДИНОКИЙ ПОПСУЕВ

Роман-мозаика*

И я попал в конце посылки!

На следующий день после премьеры одной из первых поздравила Попсуева главбух Валентина Семёновна. В огромных глазах ее стояли слезы. Безнадёжно влюбленная в Сергея, она до этого скрывала свои чувства, но, потрясенная спектаклем и судьбой поэта, о котором она ничего раньше не знала, не спала всю ночь и решилась заглянуть в каморку главного инженера. Взяв Попсуева за руки, Валентина Семёновна сумбурно выразила свой восторг, трехкратно, как заклинание, произнесла одни и те же слова, и, прощаясь с ним, сказала, что в расчетной ведомости за этот месяц ему начислена «просто громадная» сумма. Главбуху было очень приятно, что Попсуев узнал об этом из ее уст.

— Столько у нас еще никто не получал. Но я бы лично отдала вам зарплату всей труппы!

— А какая сумма? — любопытствовал Попсуев.

«Куртку на барахолке куплю. Или джинсы».

— Я лучше напишу, — прошептала Валентина Семёновна, оглядываясь на дверь.

Она аккуратно вывела крохотными циферками сумму.

— Валентина Семёновна, вы не ошиблись? С двумя ноликами?

— Нет-нет! Хватит на «Жигули»! У вас ведь нет машины?

— А, позвольте, откуда деньги? Клад нашли?

— Но как же, Сергей Васильевич, вы же по контракту Эркюль Савиньен, подданный Франции, а ему полагается... сами знаете сколько.

— А-а... Эркюль. Признаться, вылетело из головы.

— Деньги привезут сегодня.

Попсуеву было неудобно перед другими артистами получать такую сумму, поэтому в кассу он пришел после всех. Кассирша поздравила Сергея с успехом и выдала ему причитающееся, вместе с табулькой. Денег было на треть больше обычного. Аккурат на одну штанину от джинсов.

---

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2016, № 2.

Однако Валентина Семёновна экзальтированная особа... «Жигули»! Надо же, а он раскатал губу...

Вспомнив довольное лицо Ненашева, поздравлявшего его с триумфом, Сергей поспешил в бухгалтерию.

— Получили? — радостно спросила Валентина Семёновна.

— Да, огромное вам спасибо! Покажите, пожалуйста, мою строку. Порадуюсь, так сказать, официозу.

— Вот. — В строке стояла сумма, в сто раз превышавшая только что полученную Попсуевым.

— Валентина Семёновна, голубушка, отксерьте мне эту страничку. Хотя бы только мою строчку. Я ее в рамку, внукам буду показывать!

— Ой, Сергей Васильевич, должностное преступление делаю! Меня Илья Борисович убьет! — Тем не менее главбух сделала копию.

— Я ваш вечный должник, Валентина Семёновна! Куплю жигуль! Эх, прокачу! — Попсуев выскочил из кабинета. Перегнув ксерокопию, он оторвал строку со своим начислением и сунул полоску вместе с табулькой в нагрудный карман.

«Надо попрощаться с Изольдой», — подумал Сергей и зашел в ее уборную. Та обрадованно поздравила его еще раз с успехом.

— Какой же ты молодец, Сергей! Выжал из роли все, что можно.

Попсуев замотал головой:

— Нет, не смог... и вряд ли сыграю как надо. Так, неудачная поемь Буратино и Пьеро. Где поэт? Как сыграть поэта? Стать его стихом? Фальшь и бравада. И где боец? Подлость как была, так и осталась. Подумаешь, поугал призраков шпагой...

— Уймись, волнения страсти. Тебе бы в театральные критики идти. Перемудрил, Серёжа. Поглядел бы ты на женщин, как они ели тебя глазами. Такого мужика подарил им. Разве у тебя провал? Грандиозный успех! Или не осознал еще? Оценишь, оценишь свои первые лавры. Без них в театре нельзя.

— Театр, театр... — бросил Попсуев. — Любите вы тут носиться со своим театром! Ты когда-нибудь была в больнице или на кладбище?

— Была. — Взор Крутицкой погас. — И не раз. И что?

— Да ничего...

— Радуйся! Ты являешь зрителям их грехи, и они излечиваются от них.

— Брось! Я им показываю не их грехи, а мои, наши грехи, театральные, и заражаю ими. А ведь нет ничего вернее моей и только моей, а не чьей-то, даже Сирано де Бержерака, жизни. — Попсуева стала забирать злость. — Вот что я, моя радость, решил. Пока не разменял жизнь на десятки ролей, уйду отсюда.

— С ума сошел? В свой триумф?! Слушать не хочу!

— Не хоти. Что тебе не нравится? Поступок вполне в духе Сирано. Да и Буздееву надо восстановить свое реноме. Подамся в бизнес, есть предложение. Там бабки, сколько заработал — все твои. А то в театре тени да фата-морганя. Не деньги, а призрак отца Гамлета.

«А как же я?» — мог бы прочитать Попсуев во взоре актрисы, но он был потрясен очередной человеческой подлостью и слишком озабочен рефлексией. Но при этом уже научился лицемерно прятать свои переживания.

— Не прощаюсь. К Илье Борисовичу надо заглянуть.

Через пару минут Попсуев вошел в директорские хоромы. Илья Борисович выкатил из-за стола:

— Сергей Васильевич, дорогой! Как же я рад видеть вас! Вы вчера произвели фурор!

— Это не я, это вы сотворили чудо! — произнес Попсуев.

— Я? — насторожился Ненашев.

— Конечно! Привести театр к торжеству идей!

— Серёженька, надо отметить наш успех. — Директор достал бутылку коньяка с деликатесным приложением. — Буль-буль, сладкий звук, слаще оваций, не правда ли?

— Позвольте, рапиры? — Попсуев удивленно смотрел на скрепленные клинки, точно впервые увидел их. — Ах какие клиночки! Особенно этот, можно? — Сергей снял одну рапиру, взвесил ее в руке. — Девятьсот грамм, самое то, не правда ли? Французский. Семнадцатый век. А какой эфес. Вычурный несколько, но по руке. Словно под заказ. Замечательное оружие. Не пробовали фехтовать?

— Мне это надо, Серёжа, фехтовать? И без фехтования голова кругом идет. Да и, признаться, от холодного оружия мурашки по телу. Ну, за успех?

— Погодите, Илья Борисович. Минутку. Вы правы. Оружие хоть и холодное, но так горячит кровь. Порой кипишь во время поединка. А кипеть нельзя. Вы-то это знаете. Хотите — удивлю вас? Ведь я еще и фокусник.

— Да? Не знал. Но догадывался. Вчера вы нам показали фокус. Пусть знают теперь народные и заслуженные, что такое настоящий талант!

— Вот рапира. — Попсуев протянул Ненашеву клинок. — Сыграйте мне что-нибудь на ней.

Илья Борисович с недоумением уставился на главного инженера.

— Но я не умею играть на рапире.

— Но я прошу вас... — Засмеявшись, Сергей извинился: — Это так, разминка. Посылка впереди. Итак, фокус. Подбросьте любой листок. Ненужный.

Ненашев взял листок со стола, подбросил.

— Низковато. Надо повыше статью. Попробуйте с кресла, лучше со стола.

— Эх! — Ненашев, обожавший эксцентрику и сам не чуждый лицедейства, снял туфли и взобрался на стол. — Ловите!

Попсуев пронзил падавший лист.

— А теперь бросьте сразу два листка! — Нанизал и два листка.

— Три!

— Серёжа, вы кудесник! Скажу Андрису, чтобы этот трюк ввел в спектакль. Он же вызовет восторг у знатоков фехтования.

— Таких, как вы... — пробормотал Сергей.

— Что? — не расслышал Ненашев.

— Усложняю задачу. Нанижу маленькие листочки! — Попсуев протянул директору две полоски. Тот, не глянув в них, подбросил их вверх.

Сергей — с возгласом «Ты, подлость! Вот тебе!..» — неумовимым движением пронзил обе бумажки острием рапиры. Илья Борисович зааплодировал. На лице его был неподдельный восторг. Попсуев поднял рапиру к лицу Ненашева:

— Это что?

— Как что? — не понял тот.

— Снимите. Что там написано?

Ненашев, улыбаясь, снял с острия полоски левой и правой рукой, посмотрел в них и сразу же изменился в лице.

— Ну?

— Это, Сергей Васильевич, брак. Бракованный документ. — Он потряс копией. — Бухгалтерия часто ошибается, приходится переписывать. — Он снова потряс, но уже табулькой.

— Брак, говорите?.. Я с браком хорошо знаком. Много с ним боролся. А еще больше — с бракоделами. — Жало рапиры уперлось в горло Ненашеву. Тот выкатил глаза, запрокинул голову и от страха потерял дар речи.

— «Вы отступаете... Вот как! Белее полотна вы стали? Мой друг! Какой же вы чудак: ужель вы так боитесь стали?» — Сергей декламировал с наслаждением: — «Я покажу тот знак, что был мне дан: мой рыцарский султан». — Кончиком рапиры Попсуев царапнул Ненашева по белой шее, бережно положил клинок у ног директора и от себя добавил: — Молчите? Ваша карта бита. Я вижу страх. Теперь мы квиты. — И Попсуев с поклоном покинул кабинет директора Современного театра. Навсегда.

«Qualis artifex pereo!» — «Какой артист погибает!»

В туршоппе

Какое-то время Попсуев жил на даче, ловил рыбу, собирал грибы — и когда перестал без конца повторять одни и те же слова, «весь мир — театр», решил ехать в город и искать работу. В понедельник он спешно шагал на первую электричку. На мосту невольно задержался, поравнявшись с бесхозными штанами и туфлями. Где же хозяин?.. В легком голубовато-белесом тумане, как на японской картинке, вырисовывалась треугольная лодчонка с одиноким рыбаком в треугольной шляпе (его, что ли, одежда?), а в других местах было пусто или просто ничего не видно. День только-только разогревался, и в воздухе порхали бабочки света. Ни комаров, ни оводов, ни мошки. Сергей перегнулся через перила и посмотрел под мост. На подмостках спал, свернувшись в калачик, мужик в ру-

башке и в советских еще черных трусах до колен. От него шел пар, легкий, как сон. «Русь! Ты сама как сон!» — Попсуев поежился и ускорил шаг.

Сергей плюхнулся на сиденье возле окна и закрыл глаза. И хотя свободных мест было завались, напротив уселась парочка, тоже вроде как из «Машиностроителя». Покемарить не удалось, так как дамочка попалась слишком уж говорливая. Не умолкая ни на минуту, она напористо болтала обо всем на свете, даже о том, что должен чувствовать синьор помидор, точнее, *обязан*, раз он помидор. «Женщина в любой разговор привносит модальность, к которой относится легко, как к парфюмерии. Бедный муж».

— Нет, в самом деле, представила: я — помидор! Вот такой вот! — синьора встала, не без грации изобразив куст помидора.

Спутник кивнул, соглашаясь, что да, помидор действительно такой. «Сколько энергии в ней, — думал Попсуев. — Откуда? Ведь два выходных билась за урожай. А впереди рабочая неделя».

— Я тут, палка тут, не дотянуться. А расти-то надо. Кряк! Перегнулась, вниз башкой! — Дачница, вдруг и впрямь перегнувшись, уронила верхнюю часть туловища до пола. — А ведь я ему сколько говорила: воткни палку возле самого куста! Воткни палку! Показала, как... Нет! Втыкает в тридцати сантиметрах! Я ему: ря-ядом, ря-ядом! Нет! В полуметре воткнул, какая тут хребтина выдержит?

Речь шла, как понял Попсуев, о муже синьоры, полной бестолочи, и о ветке помидора. Рассказчица еще пару раз привскочила, демонстрируя нюансы взаимоотношений треугольника она—муж—помидор. Сергею стало неприятно от этих подробностей. Дачница напоминала жирную, прожорливую, ловко ломающую туловище гусеницу.

Притерпевшись к растительной болтовне, Попсуев задремал было, как вдруг тема дала резкий зигзаг и перекинулась, совсем как изломанный помидорный стебель, на круизы по Европе и Африке.

— Представляешь, в Египте, в этой дыре, так можно отдохнуть... и всего ни за что! А шмотья там, а золота — горы! Просто бурты золота. Тут дыни, а тут золото. Дешевле нашего раз в пять!

— В пять? — подал наконец голос и ее спутник.

— Ну в четыре... Да и вся эта ботва, арбузы с финиками и прочей фигней, просто тьфу, копейки!

— Была, что ль?

— Да, в туршопе. Два раза.

Попсуев приоткрыл глаз и еще раз оглядел соседку: типичная челночица с развитыми руками и природной способностью счета в уме в свою пользу.

— Духи арабские, небось, тонкая штучка? — спросил спутник. — «Шанель» посрамят?

— Какой «Шанель»? У бедуинов фишка — запах верблюжьей мочи.

— Как пирамиды тебе?

— А никак! Груда булыжников. Будто ГЭС строили. Камни да камни. Столько навалили — страсть! Делать было нечего. Знаешь, сколько в пирамиде камней? Не поверишь... нет, ты послушай: шесть мил-ли-о-

нов тонн! Тут шесть кирпичей не поднять, а там — шесть миллионов тонн! Представь, вместо общества была бы пирамида! Все вдруг сошли бы с ума и сто лет таскали валуны!

— А чего, не таскали?

— Таскали, а пирамиды где? Не, махина. Чтоб обойти, полчаса надо. Спутник вздохнул.

«Пирамиды, помидоры — близкие слова, — думал Попсуев. — Зачем нам пирамиды, когда важнее помидоры?»

— Говорят, фараоны как-то заговаривали их? — произнес спутник.

— Не фараоны, жрецы.

— Одна холера. А еще болтают, кто побывал в них, тот того...

— Чего — того? Кобелирует?

— Ну... того, с приветом становится. А то и коньки отбрасывает.

— Брехня! Я — с приветом?

— Нет, ну ты-то какой привет...

— Вот! Брехня. Может, их кого и берет, а нашего брата ничем не возьмешь. Даже дустом! — рассмеялась она.

— Да, у нас и крепостное право не прижилось, а у них там одно рабство.

— У нас не Пугачёв — так Пугачёва, — ни с того ни с сего ляпнула попутчица. — Запугали всех.

Попсуев даже выпрямился от удовольствия.

— Что, никакой мистики? — обратился он к ней.

— Какой мистики? — переспросила челночница, приглядываясь к новому собеседнику. На это ей хватило ровно две секунды.

— О загробном царстве... и вообще...

— Почему — никакой? Была. Клавка Сазонова... Клавку Сазонову знаешь? — обратилась она к попутчику. Тот кивнул. — Клавка Сазонова подцепила там какого-то чучмека, копия наш Пушкин, может, грузин или туркмен, их там полно, как на рынке, и поехали они кататься на коляске по городу... ой, забыла... Фригида, что ль?.. Не то... Нет, по Фургаду... Не помню. И вот он катал ее, катал, сволочь, по каким-то рынкам, лавкам, закоулкам, подарки всякие дарил, ручку гладил, в глазки заглядывал, и все вдоль Нила, все вдоль Нила!.. Да, Фургада! Вспомнила. Там от него никуда не деться, куда ни ступи — всюду Нил, будто и нет ничего больше. По барам водил, а потом Катька вдруг очнулась — сидит возле бурта с дынями, прямо на земле, в руке паспорт, в другой — ломоть дыни... и ни сумки, ни подарков арабских, ничего! Представляете? Ни копыя! Хорошо, народ у нас жалостливый, не даст помереть с голоду. Вот это мистика, а вы говорите!

Попсуев согласно кивнул головой.

— Бывает. Доверять иностранцам... — поддержал он беседу.

— Да какой там иностранец-засранец! Я его потом встретила в городе, так сделал вид, что не признал меня.

«А ты, наверное, и есть та Клавка-Катька», — подумал Сергей и спросил:

— Пишут, там параллельный мир? Нет?

— Почему... был. Был такой. С Сироткиным пошла как-то... Сироткин — технологом работал в десятом, тоже челночит, — пояснила она спутнику. — Делать-то больше нечего. Времени пропасть. Оно там от жары, что ли, просто разбухает, время их. Вот как ноги от ходьбы. Пухнет, пухнет — и час годом кажется. И тоже зашли куда-то, там какие-то масла в пузырьках, много-много, и дешево, зараза, как йод. Нет, есть и дорогие, но на них денег не хватит. А потом опомнилась, уже в гостинице. Удивительная страна!

«Пить надо меньше», — подумал Попсуев.

— Может, тепловой удар?

— Да нет, что-то другое. Скорее всего... этот... вот его параллельный мир. — Она кивнула в сторону Попсуева, как представителя параллельного мира. — Помню, что танцевали, закусывали... А что потом — ничего не помню. Пелена.

«А чего это я никогда в Египет не ездил? — подумал Попсуев. — Чего там кроме пирамид? Красное море, сфинкс, финики? Надо бы смотреться».

— А как местные? — спросил Сергей.

— Да как везде. Иждивенцы или шоферы. Зубы кизяком чистят.

— И как в эту туршопу попасть? — спросил Попсуев.

— Да запросто! В турагентстве у ЦУМа. Дешевле, чем в Турции.

Прочитав несколько книг о пирамидах, Сергей загорелся желанием побывать на них. Ему вдруг показалось, что они приоткроют ему загадки его жизни. «Постигну их тайну», — с легкой, очень легкой иронией подумал он, пошел в турагентство и по путевке, на которую ушли все театральные деньги, полетел в Египет.

По легкомыслию Попсуева угораздило прилететь в страну пирамид и фараонов в июле. Жара стояла изматывающая. От кондиционера знобило и саднило горло. Отключив его, оказывался в печи. Минуты обращались в часы, часы в сутки, а сутки вообще не кончались. От уличного зноя спасало лишь море, мягкое и прозрачное. Но не просидишь же в нем весь этот проклятый туршоп! Встретить бы эту помидорную даму! Перегнул бы ее пару раз.

«Какая дичь, какая нелепица для русского человека пирамида! — через пару палящих дней, еще не побывав в Гизе, думал Попсуев. — Бессмысленная постройка — ни помолиться, ни укрыться от врага. Зачем она нам? Что толкает нас просто так в иной мир, в чужую вечность, к иным богам? Они же не примут нас или примут за врагов. Куда лучше наши храмы. Пирамида вдавливают в землю, загоняет в подземное царство. Все прямолинейно, остроугольно, тяжело, а у нас — по-женски извилисто и красиво... и, как пламя свечечки, струится в небо».

Прочие туристы от таких мыслей были далеки. Они жили обычной нормальной жизнью отпускников или челночников и грузились исключительно материальным.

Поездка в Гизу стала сущим кошмаром. Вместе с группой Попсуев выехал в час ночи в автобусе без кондиционера. Потом весь день болтался под палящим солнцем, не врубаясь, чего видит и слышит, семь часов возвращался в этом же автобусе из одного пекла в другое. Пирамиду и музей запомнил плохо. Так — камни, артефакты, иероглифы. Он трижды проклял экскурсию вместе с гидом и повелительницей помидоров. Хорошо, что назавтра летел домой.

Суд

Лысый, загорелый до черноты здоровяк в жилете и колоколообразной юбке на каркасе привел Попсуева в темное помещение неопределенных размеров и без видимого потолка. После уличного пекла прохлада показалась райским блаженством. Страж туго обмотал Сергея узкими льняными полосками, повязал ему на глаза черную повязку, положил на гранитную скамью и сказал:

— Жди и молчи. Когда повязку снимут, станешь отвечать сорока двум богам, называя каждого по имени. Пропустишь бога — умрешь. Солжешь богу — умрешь. Утаишь от бога — умрешь. Умрешь — ключевое слово. Задай мне вопрос.

— Если не ответишь — умрешь?

— Хохмишь, чужеземец? Что осталось тебе... Уважаю. Дарю амулет Уаджат, глаз Гора. Да поможет он тебе! Спрашивай.

— Что отвечать твоим богам? — спросил Попсуев. При всей своей завидной способности не теряться в незнакомой обстановке и не паниковать по пустякам, он ощущал ужас не только всеми фибрами души, но и каждой клеточкой тела. Все в нем замерло и оцетинилось в предчувствии конца. Самое жуткое в этом было то, что он не понимал, что происходит и кто враг. Сергей не узнавал себя: «Покорный, беспомощный, жалкий! Ведь ничего не стоило самому связать этого кабана. Постой, или на мне уже была веревка?..»

— Это ты должен был узнать до того, как попал сюда. Не читал «Книгу мертвых»? Не вина, а беда твоя. Далек ты от наших богов, но и своим не близок. Слушай. Да зачтется мне, как акт милосердия... В Зале Двух Истин тебе дадут последнюю возможность избавиться от дурных дел. Будешь созерцать лик Бога, владыки Двух Истин, и лики сорока двух богов. Сначала обратишься к Владыке со словами... назову лишь некоторые, на все уже нет времени, да и незачем: «Вот я пришел к тебе. Я принес тебе правду, я отогнал ложь для тебя. Я не причинял никому страданий. Никого не заставлял плакать... Я никому не причинял боли... Я не развратничал... Я чист, я чист, я чист, я чист!» Потом каждому из богов, называя его, скажешь: «О Широко Шагающий, вышедший из Гелиополя, я не грешил... О Ломающий Кости, вышедший из Гераклеополя, я не говорил лжи... О змей Уамемти, дошедший из места казни, я не прелюбодействовал... О Творящий Несчастье, вышедший из Урит, я не гневался... О Горяченокгий, вышедший из сумерек, я не лицемерил...

О Владыка Лиц, вышедший из Надеффта, я не был вспыльчивым... О Рогатый, вышедший из Асьюта, я не болтал... О Соединитель Ка, вышедший из города, я не делал различия между собой и другими...» Всего сорок два бога, запомнил? Потом скажешь всем богам: «Слава вам, боги! Я знаю вас. Я знаю ваши имена. Вы не скажете о моих грехах этому Богу, в свите которого вы состоите... Вот я пришел к вам. Я без греха, без порока, без зла, без слабостей. Нет того, против кого я бы сотворил что-нибудь...»

Насладившись собственными словами, конвоир продолжил:

— Не торопись с ответами, несчастный! Тебя не будут тянуть за язык. Тем более что он окаменеет у тебя от страха. Боги готовы выслушивать тебя хоть целый год. Им там все равно делать нечего. Как скажешь все, храни в дальнейшем молчание. Осирис решит твою судьбу. И не думай, что удастся провести богов. Такого еще не было в истории суда! Потому что у тебя перед этим вырежут сердце и положат его на чашу Весов Истины. Это детектор лжи — полиграф по-вашему. На другую чашу положат страусиное перо богини Маат. Не думай, что это будет перо курицы Файоуми. Ничего нет земного в суде Осириса! Стрелка все время должна показывать равновесие обеих чаш. Моли хотя бы своего бога, чтобы она не отклонялась от вертикали ни на один градус. Весы тут же изобличат твою ложь или сомнение. Будешь безгрешен — тебя отвезут в ладье и через проход в скалах на западном берегу Нила под Абидосом доставят в загробный мир Дуат, именуемый также Херет-Нечер. Там на полях блаженства бога Солнца Ра, на полях мира Хотеп тебя ждут те, кто попал туда и кто еще хочет видеть тебя. Зря не переживай, ты все равно не попадешь туда. Перевесит сердце, наполненное грехами и жестокостью, а оно перевесит, тебя в одной из двенадцати пещер Дуата сожрет зверь Амаит — клянусь, ты такого еще не встречал. Ведь это и будет сама богиня справедливости Маат, только в образе льва, крокодила и бегемота. Чем больше свинства ты совершил на земле и чем больше соблазнил женщин, оставив их несчастными, тем с большим аппетитом будет тебя жрать Амаит. Душу же твою истяжут и сожгут вместе с твоей тенью в пламени одного из озер. Боль будет, мука будет, но ты заслужил это...

— Но как же! — заорал Попсуев. — Это абсурд! Какой суд, если у меня до суда вырежут сердце?! И где присяжные?!

Страшный крик разбудил Сергея. Вопль рвался из груди его, а вслед ему сочился чужой голос:

— Самое тяжелое — пустое сердце...

Мокрый от пота Попсуев сидел на кровати, взглядом пронзая пространство гостиничного номера. Визави сидел господин совершенно дикого вида с безумно горящими глазами. «Зеркало!» — ударило в голову Сергею, отозвавшись в сердце, и он в изнеможении повалился на спину.

Стали слышны журчащие голоса в коридоре и сработавшая сирена автомобиля под окном.

Балерина Ксения Всеславна

В самолете Попсуев оказался рядом с симпатичной моложавой женщиной. Тут же познакомился с ней, стандартно подарив короткую розу. Звали ее Ксенией Всеславной, она была бывшей балериной. Сергей даже вспомнил, что видел ее фотографию в оперном театре.

— Я не знаю, кто построил эти пирамиды: боги, люди, инопланетяне, титаны, рабы, фараоны... — не умолкал Сергей. От радости, что вырвался из ада, Попсуев не мог остановиться. А еще от отчаяния, что не может говорить этого своей единственной и недоступной вовеки женщине.

Балерина не вслушивалась в слова попутчика, но все равно ужасно устала от звука его голоса. После бессонной ночи, которую она промучилась со сломанным кондиционером, ей хотелось спать. «Господи, да заткнется он когда-нибудь?» — в отчаянии спрашивала она себя. Но что-то мешало ей оборвать зануду.

— Не это главное, — продолжал тот. — Что такое пирамида? Вы обратили внимание, она похожа на воронку, обращенную раструбом к земле. Знаете, почему? Чтобы люди слышали богов. Человек глух, как пробка; только в пирамиде он и может услышать голос вечности.

— А зачем? — зевнула артистка. — Это ж не Хворостовский. Да и куда ее девать, их вечность?

— Вечность предупреждает...

— Ой, надоело! Все предупреждают, куда ни глянь, везде «Минздрав предупреждает»! И так мелко!

— Вечность предупреждает от суеты. Вот сфинкс — это вечность. Через него жрецы сотни лет посещали параллельный мир. Казалось, все будет незыблемым. Увы. Знал бы сфинкс, что придет время, когда варвары станут точить сабли о его лицо!

— Подремлем, а? — вырвалось наконец у балерины.

«Странный такой... Вроде и мужик как мужик, но одни пирамиды и сфинксы на уме».

«Тебе бы только работать ногами», — подумал Попсуев, уловив ее настроение. Однако подремать не получилось. Позади две пассажирки шумно обсуждали личную жизнь.

— А мне понравились арабы. Смугленькие, верткие. Чего не выйти за такого...

— Возвращайся и цепляй... потолще который.

— Ага, засандалит в пустыню, буду на скотном базу спать.

— Ну, мать, в их халифатах бабы в миндале и сахаре живут. Парфюм век бы вдыхала — не выдыхала. А фаллосы, ты видела их фаллосы?!

— Не вгоняй в краску.

— У них даже название длиннее, чем у нас, в два раза.

— Ну да?

— Да, не знаешь ты жизни...

Балерина, закрыв глаза, улыбалась.

— Вы где работаете? — спросила танцорка, когда самолет сел. — На заводе? — страшно удивилась она, не задав больше ни одного вопроса.

Попсуев не захотел признаться, что он безработный. И пустой, так как все деньги сожрала поездка. Как богиня Маат.

В автобусе они тоже оказались рядом.

— Вы любите танцевать? — спросил Ксению Всеславну Сергей.

— Конечно, — оживилась балерина, — очень! Хотя порой и ненавидела. Впрочем, это все в прошлом. — Она кокетливо поиграла глазами. — Мне повезло с театром, партнерами, репертуаром.

— А со зрителями?

— И со зрителями. Со зрителями — больше всего. Наш зритель больше всего любит балет!

«Ваш зритель...» — не произнес Попсуев. Сколько ей, сорок?

— Встретимся вечером? — спросил он и тут же получил согласие.

Ксения долго не могла понять, придуривается попутчик или не узнал ее. Как можно не признать, если их дачные участки были напротив друг друга, через улочку! Даже как-то поздоровались. И в то же время она могла поклясться, что видела его еще где-то. Причем недавно, чуть ли не в театре. Наверное, на экскурсии, успокоила она себя, но червячок остался.

— Вы что, не узнали меня? — произнесла наконец она, когда автобус остановился возле агентства «Аэрофлота».

— Я? Вас? Я с вами не был знаком.

— Однако же, сударь, я ваша соседка по даче. Наискосок от вашего участка. Сотый домик. До встречи, Штирлиц! Вечером признаете?

— Вас, группенфюрер, не признать! — воскликнул Сергей.

«Где же деньги взять на кабак? — размышлял он, поднимаясь к себе. В квартире был нежилой дух. — Похоже, не приходила. Надо мириться».

Деньги удалось перехватить на недельку у приятеля Кольки Орехова. Попсуев поспешил на встречу с Ксенией к ресторану «Центральный». Сергей вручил балерине короткую розу и провел в отдельный кабинет, забронированный по телефону.

— Наша хтоническая жизнь, Ксения Всеславна, — начал интимный разговор Попсуев, уютно расположившись в кресле, — в корне отличается от другой, небесной. Просто небо и земля.

— Какая жизнь? — спросила балерина, не зная, улыбаться или сердиться, и теряясь в мыслях, о чем это он. А так мужик в норме. Молодой, конечно, но, чувствуется, ранний. Точно, в театре видела!

— Хтоническая, — повторил Сергей, — принадлежащая к подземному миру, Аиду, Тартару, Дуату.

— Это там, у них. А у нас как?

— У нас — пекло, тартарары. Там общая кухня для всех.

— Бывали? — поддержала Ксения иронию кавалера.

— Бывал, но не в нашем. В египетском, — серьезно ответил тот и рассказал свой сон, когда его притащили в темницу, связали и собирались вырезать сердце.

— Ужас какой! — воскликнула балерина. — На самом деле было?

— А вы как думали?

— А я боюсь всякой мистики. Не верю ей, но боюсь.

— Оттого, видно, и боитесь, что не верите, — предположил Попсуев.

— Сегодня чему и кому можно верить?

— Да хоть мне, — сказал Сергей, разливая коньяк. — Предлагаю не чиниться, по имени и на «ты».

Балерина испытующе посмотрела на молодого человека. Еще пять лет назад она одернула бы нахала, но мудрость, пришедшая с годами, уже не позволила сделать это.

— Тогда выпьем на брудершафт, — произнесла она, подняв бокал.

— А я знаю, Ксения, что ты подумала, — выпив и поцеловав балерину в губы, сказал Попсуев. — Нахал, ты подумала.

— Ну как вас не похвалить, Сергей?

— Не нас, а меня. Сладка твоя мне похвала. Сладка, как мед, как пахлава. Пусть губы коньяком горчат, меня они не огорчат... Что закажем?

От небрежно брошенного экспромта Попсуева Ксения оттаяла, размягчилась, словно и не было у нее семи лет одиночества.

— А мне все равно! — сказала она. — Тебе на вечер карт-бланш. Верю!

— И вверяю, — добавил Сергей, пригласив сударыню на танец. От близости ее гибкого, послушного тела закружилась голова, пришла рифма к «карт-бланш» — Дюманш, любовница Сухово-Кобылина, а от толчков крови почувствовал, как просыпается в нем дремавший *другой*.

Из записок Попсуева

В Египте человека называли скотом бога Солнца, а в священной корове Хаттор греки и римляне признали Афродиту и Венеру. Отголоски этой веры донеслись и до России, где жрица богини любви называют телками. Точно так же на наших кладбищах цыганские мавзолеи — не что иное, как осколки величественных египетских пирамид. И вообще, об их стройной геометрии мироустройства, как земного, так и загробного, у нас напоминают сегодня спорадические потуги по восстановлению государственности да хаотические мысли о душе и смерти. На России угасала не одна древняя культура. Как птица Феникс, они потом делали попытки возродиться, и возрождались, более-менее удачно, но снова успокаивались на ее безграничных просторах, на которых не раз и не два можно возродить Землю и спокойно похоронить все человечество...

Маркетолог «Египсиба»

Вскоре после возвращения Сергея из Египта появилось интервью Шебутного с Попсуевым.

— Что вас сильнее всего потрясло в Египте? — задал вопрос журналист.

— Пирамида Хе, — скупое ответил турист, почему-то оборвав слово. Интервью заняло вместе с фотографией полстраницы во вкладыше воскресного выпуска «Вечерки». На фото был песок, небо, два человека, один с черным лицом, второй с белым, два дромадера, пирамида вдали. Подпись была: «Сергей Попсуев и экскурсовод Абу-Симбел». Вторую половину страницы занимала статья того же Шебутного о выдающихся мистиках современности. Из контекста следовала явная чепуха, что и Попсуев из их числа.

Неделю мистик жил на подсосе. Когда денег не осталось даже на пиво, ощутил в себе чудовищную злость. Все утро он бродил по городу и напряженно думал, что делать. Ничего путевого не пришло в голову. Оказавшись неподалеку от Нежмаша, вдруг понял, что ходил не по городу, а болтался внутри себя. А там пусто, ловить нечего. Сергей поймал себя на том, что ищет взглядом на асфальте монетки. Но какие монетки, не было даже бутылочек: куда ни глянь, одно лишь битое стекло — символ девяностых. Диккенс, «Разбитые надежды»... У кого же перехватить денюжку? К Ореху податься?..

Колька Орехов, бывший боксер, «крышевал» частников в Заводском районе. Когда Сергей во второй раз пришел к нему, тот пригласил его в подручные:

— Нам спортсмены нужны, для барахолки. Клиентуры немерено, и все с баблом. У тебя башка на плечах, а не груша, так что жалеть не будешь.

— Подумаю, — пообещал Сергей, весьма пораженный, как неузнаваемо изменился за полтора года его знакомый. В первый раз в полутемной комнате он не обратил на это внимания, точно невидимый художник зачернил колер лица и загрубил его черты.

Думай не думай, а идти все равно было некуда, делать нечего. Не на завод же возвращаться! Денег Орех дал, но Сергея по инерции занесло еще и к Алику Свиридову. Тот усадил гостя за пиво с копченой мойвой.

— Чем занят? — поинтересовался Свиридов.

— Да пока ничем, — сказал Сергей. — Из Египта вернулся.

— И как Египет?

— Пекло жуткое.

— Пекло, это точно, — согласился Свиридов. Потом, помолчав, спросил: — А нет желания смотаться в Египет еще?

— До ноября — нет. Пусть жара спадет.

— В ноябре так в ноябре. Хочешь в моей фирме работать, замом по маркетингу? «Египсиб», «Египет-Сибирь».

— Почти Транссиб! — засмеялся Сергей.

— Окладец дам для поддержки штанов и поглощения пива, плюс пять процентов от сделки.

Сергею предложение понравилось, и хотя пять процентов особо не впечатлили, согласился. Надо было организовать обмен сибирских медведей на нильских крокодилов. Юридические вопросы, банки, бухгалтерию

Свиридов брал на себя, так же как и поставку бурых медведей из глубин Сибири.

— Охотники, егеря, таможенники, СЭС схвачены. Тебе в Египте надо выйти на поставщика крокодилов, крышу ему организуют от нашего посольства. Предложишь компаньону мишек. С собой возьми фильм про нашу Олимпиаду с мишкой. Ну и сопровождать будешь груз смотрителем-кормителем.

Сергей слушал «хозяина», а сам думал о том, что неплохо смотаться еще разок в колыбель цивилизации, не спеша и не по такой жаре ползти по пирамидам, проехаться вдоль Нила и, если получится, наварить еще и бабки. У него в голове несколько дней неотвязно вертелась мысль о сибирской пирамиде «Пирсиб». О чудесах, связанных с пирамидами, Сергей вычитал в книгах, появившихся на развалах.

«Денежек наварю и займусь чем-нибудь...» Чем — Попсуев не знал. Точно не спортом, не заводом, не театром и не бизнесом. Бизнес был ему противен своей природой. Для Сергея всегда мерилom любого дела была польза для людей. Бизнес же основывался исключительно на принципе сообщающихся сосудов. Свою мощну там можно было набить, только опорожнив чужую. И никакое лицемерие вокруг этого не могло сгладить хищническую суть предпринимательства: обогащение на обеднении, возвышение на унижении, процветание на гибели.

Эзотерические мысли

В пятницу Попсуев хорошо потрудился на участке. Все прибрал, разложил по местам, вынес на мусорку хлам, починил калитку, перекопал в зиму грядки, подвязал надломленную ветку яблони. Татьяна, с которой он вновь сошелся, работала во вторую смену и должна была приехать завтра утром. Сергей вытащил на крыльцо кресло, укутался в плед и долго глядел в небо, любясь угасанием света и переливом красок, пока совсем не стемнело. Ночью в мыслях появляется глубина, соразмерная с небом. Попсуев ощущал себя вполне комфортно: с Танькой мир, сынок уже ходит, держась за его палец крохотной ручонкой. У Сергея в эти минуты сладко сжималось сердце.

Глядел-глядел Попсуев в небо и вдруг стал искать Сириус. Недавно прочитанная книга о пирамидах не давала покоя. Он зашел в домик, нашел книжку и раскрыл ее на карте звездного неба. Потом нашел карту пирамид. «Если наложить, один к одному выходит. На Колодезной надо найти свою звезду, и тогда моя пирамида обретет свой изначальный смысл. Чего ехать в чужие земли, — думал Сергей, — под чужие небеса и звезды, дышать чужим воздухом, пить чужую воду? Энергия неба везде одна и та же, так как небо общее для всех».

Выразить словами то, что было за этой последней мыслью, Сергей не мог, но чувствовал, как глубоко, как бездонно это нечто. Дух захватывало от восторга при одной лишь попытке проникнуть в эту глубину.

Со Свиридовым ничего не выгорело. В середине октября Попсуев не без приятности провел целую неделю в Египте. Ахмет, на которого Сергея вывел чиновник, сокурсник Свиридова, оказался хорошим экскурсоводом. Впечатлили воистину сказочные будни. На рассвете, когда тихо и прохладно, по Нилу скользят быстроходные барки-дахабии, лают павианы над рекой, молча молятся грифы, лова разведенными крыльями солнечное тепло. Дромадер лежит на коленях, его выючат два чело-века. Высушенные солнцем бедуины чистят зубы золой кизняка (откуда помидорная дама узнала об этом?). А дневная пыль, секущий песок и порывистый ветер зобаа не помеха, когда едешь в машине. И какие краски! Золотое шитье в тени обращается в черный орнамент. Зеленые, как трава лебеда, иероглифы проросли из чернозема веков. Глядя на них, Сергей думал: как было все тут несколько тысяч лет назад, так и осталось. А мы за десять лет сменили порошок «Мятный» на «Поморин», «Поморин» — на «Блендомед». У бедуинов жизнь растекается по координате икс, вдоль земли, а нас несет вдоль игрека, в зенит. Бежим от земли, но в нее возвращаемся...

Несмотря на кажущийся хаос, почему-то слово «порядок» больше других подходило этой стране. Видимо, наложил отпечаток Древний Египет. Сергей не раз вспоминал жуткий сон, в котором была геометрия правдоподобия. «Порядок может быть только в геометрическом государстве».

— Можно? — услышал Сергей женский голос, скрип калитки и шаги. — Вижу огонек. Дай, думаю, зайду. С возвращением.

— Садись, Ксюша. Рад тебя видеть. — Сергей обнял соседку, чмокнул в щечку, усадил в кресло и укрыл пледом. — Чайник включу. Может, ликер?

— Спасибо, чай. Твои спят? — спросила Ксения Всеславна.

— Завтра приедут. На смене.

— Хорошо, правда? Тихо. Но иногда слышен городской шум.

— Он навяз в твоих ушах за неделю. А я тут уже день и не слышу.

— Я сегодня Египет вспоминала, жару, головную боль, наше знакомство... Египет создан для встречи мужчины и женщины.

— Да не только Египет. Знаешь, на что я обратил внимание там? Боги-мужчины на барельефах всегда в движении, шаг вперед. А женщины — стоят. Даже в ладье мужчина шагает. Думаешь, случайно? Мужчина делает шаг, завоевывая метр пространства, а женщина обустроивает его.

— Мужчина так же и женщину завоевывает: шагнет на метр — и она его.

— На метре не поместится. Надо сразу два шага сделать.

— Второй — жениться? — Ксения испытующе посмотрела на Сергея.

Попсуев рассмеялся.

— Как крокодилы? — спросила гостя. — Полюбил?

— Что ты! Глазки жуткие, пасть отвратная, панцирь. Менять наших мишек на эти торпеды — ни за что! И Свиридову сказал: «Только через мой труп. Уж лучше завезти в Сибирь анаконду и пираний».

— А он?

— Он мне: «Да ты уж сразу южноамериканских муравьев запусти! Они ползут полосой и по пути все сжирают. От деревень остаются скелеты людей и животных. Не хочешь сотрудничать, верни израсходованные денежки и задаток, который оставил Ахмету. И тогда делай что хочешь».

— А ты? — спросила Ксения, но Сергей ушел от ответа.

— Ты знаешь, Ксюша, я вычислил, что на нашей Колодезной есть вход в Дуат, я говорил тебе о нем. Пирамида нужна.

— О господи, зачем?!

— Да мало ли зачем... — пожал плечами Попсуев. — Ты только не думай, что я свихнулся или придуриваюсь. Все это слишком серьезно.

Посидели еще с полчаса, поговорили о последних событиях в стране и мире, о балете «Анюта». Сергей проводил соседку до ее калитки и вернулся домой. Общение с Ксенией наполняло его всякий раз радостью, которой не было больше ни с кем. Он был благодарен ей за то, что она тогда после ресторана разрешила проводить ее до дома, но к себе не впустила. Отчего дом ее не разрушился, а превратился во дворец, в котором находится королева.

Из записок Попсуева

Как сладко, не мучаясь угрызениями совести, дремать, забыв обо всем, что было, есть и будет; покоиться в мире внутри самого себя, в гармонии с миром, что вокруг. Этого нельзя достичь, но если вдруг достигнешь, даже на краткий миг, обретаешь истинное наслаждение, какое знает, наверное, лишь свет в капле воды, свисающей с листочка...

Возвращение

Когда Попсуев потерял всякую надежду устроиться на работу с приличным заработком, а Татьяне на заводе и вовсе перестали выдавать деньги, Свиридов стал все настойчивее и грубее требовать возврата долга, сначала по телефону, а потом прислал двух братков. Парни оказались знакомыми и предостерегли Сергея, чтобы не тянул с возвратом. Попсуев собрался уже идти к Ореху, как раздался телефонный звонок. Звонил Дронов. Без реверансов и предисловий непотопляемый начальник отдела кадров Нежмаша пригласил Сергея руководителем группы в НИЛ. Попсуев поблагодарил, сказав:

— Подумаю, — и хотел уже положить трубку, как в ней другой голос произнес:

— Дай-ка мне... Здравствуйте, Сергей Васильевич! Это Диксон, Яков Борисович. Узнали? Не стану утомлять вас долгим разговором. Бебеев больше не работает у меня. А вам я хочу предложить руководство новой группой, весьма перспективной. Вы же понимаете, что недоразумение меж нами возникло не по моей вине. Кстати, место моего зама пока вакантно...

— Хорошо, — неожиданно согласился Попсуев. — Одно условие: доктор прописал съездить на воды почки промыть.

— Как, Савелий Федотыч? — послышалось в трубке. — Путевку организуешь в Железноводск?

— Да не вопрос!

— Договорились, Сергей Васильевич! Жду вас.

«И поделиться радостью не с кем! Танька на смене, Дениска у бабки Аси!» Сергей в возбуждении походил по кухне, попил чай с сушками. Мысли мешались. Взгляд его скользнул по книжному шкафу. Вынув «Мертвые души» и «Человека-невидимку», он лег на диван и стал перелистывать их, вспоминая текст, вглядываясь в иллюстрации. Воображение переносило из викторианской Англии в николаевскую Россию, а ум соглашался: это была эпоха... Листал, листал, думая о том, как хорошо и уютно было героям внутри своих книг, и закемарил...

* * *

«Где это я?» — соображал Попсуев, оглядываясь по сторонам.

Он оказался на незнакомой тесной улочке; прямо на него шла женщина в шляпке, по бокам дети. Было сыро, промозгло, с белого неба валилась тяжелая пена — редкие крупные хлопья снега, как холодные поцелуи. Попсуев встал под навес. Женщина с детьми прошли мимо, не задев его. Порыв ветра сорвал с женщины шляпку, полисмен подхватил ее, протянул даме, и тут на них едва не наскочила пролетка. Полисмен стал кричать на извозчика, велел идти за ним в участок.

Повернувшись в другую сторону, Попсуев увидел большой магазин, швейцара в ливрее, вывеску «Omnium». Да, это отсюда он вышел только что, раздосадованный, простуженный, с комком в груди и в горле. Зачем вышел в эту сутолоку, где каждое мгновение могут сбить с ног люди в каких-то театральных костюмах и нереальные конские экипажи? Будто Современный театр дает человеческую комедию прямо на улице. Чем раздосадован он? «А, не смог ничего подобрать из одежды, вернее, не успел... Ну и крохобор ты, старина Герберт! Чего не приодел Невидимку? Выпихнул беднягу на улицу в чем мать родила. Теперь расхлебывай твое скупердьяйство!» Он вдруг понял, что видит себя со стороны (хотя и невидим), одновременно являясь героем Уэллса и самим собой, Сергеем Попсуевым.

Не рассчитав расстояние до фонаря, Сергей сбил себе плечо, саданул по фонарю кулаком и сбил еще и кулак, от бессилия что-либо изменить. «Да где же это я? — никак не мог он взять в толк. — Скорей ищи пристанище, Попсуев, пока не отбросил копыта на этой промозглой стрит, как последний бродяга!»

Остановившись возле пролетки, покинутой извозчиком и поглаживая лошадь по шее, он стал раздумывать, не вскочить ли на пролетку «за шесть гривен» и не промчатся ли на ней в пригород (там легче будет найти приют)... Или уж не привлекать внимания (ведь все равно остано-

вят взбесившуюся без кучера лошадь) и топать своим ходом? Вот только куда — в центр города или вернуться к трущобам?

Вдруг почувствовал, как на плечо легла влажная горячая тряпка. Он в испуге оглянулся — лошадь облизывала его пораненное плечо, глядя ему в глаза своими красивыми карими глазами. «Она видит меня», — подумал Попсуев.

Подошел извозчик и ни с того ни с сего стегнул лошадь кнутом.

— Чего зубы скалишь, принцесса? — бросил он кобыле по-английски, точно та не поняла бы и другого языка, и забрался в пролетку. Попсуеву передалась боль лошади, он вырвал у извозчика кнут и крест-накрест перетянул его. Тот в ужасе заорал.

Лошадка понесла пролетку по улице, а кнут продолжал еще какое-то время извиваться и щелкать в воздухе. Прохожие шарахнулись в сторону от взбесившегося, хрипло дышавшего кнута. Кнут полетел в сторону и разбил стекло лавочки.

— Черт! — воскликнул кнут по-русски. — Неужели порезался?

Улочка мгновенно опустела. Лишь один полисмен застыл, не решаясь подойти к свернувшемуся змеей кнуту. А когда мимо него пролетели ругань и чихание, оставляя на мостовой капли крови, и вовсе зажмурил глаза от суеверного страха.

Попсуев же устремился прочь с этой проклятой улицы, где он, похоже, был явно лишний. «Надо было вскочить дурню на пролетку, чего раздумывал? Накинул бы на себя какую-нибудь тряпку, там лежали мешковина, брезент, укутался с головой — и кому я нужен? Да и зачем укутываться, все равно невидим. Разве что согрелся бы. Домчал бы до пригорода, а там дач пустых — любую выбирай, хоть до лета живи. И с пропитанием не было бы проблем. Какие-никакие крупы и консервы все оставляют, соль, сахар, макароны, чай, кофе, картошку в яме... Не пропаду».

Пожалуй, так и стоит сделать, решил Попсуев, лавируя между прохожими и передразнивая неповоротливых граждан; за этим делом он понемногу и согрелся. Нужно взять какую-нибудь телегу и махнуть за город. Только дожждаться вечера. В потемках — оно верней. Найдет лавчонку со жратвой и лежанкой, отдохнет от всей этой кутерьмы.

Попсуев попытался восстановить события последних нескольких часов — и не смог: в голове была каша, да и быстрая ходьба пробуждала не воспоминания, а предлагала варианты грядущего. Налетев на толстого мужчину, он машинально извинился и пошел дальше, оставив гражданина посреди тротуара с выпученными глазами: его раньше никогда не толкал воздух, извиняясь при этом по-иностранному.

«Колоды, тюфяки! — Медлительность, неспешность граждан раздражали Попсуева. — А куда я спешу, куда бегу, от кого и зачем?» Мелькнула мысль: не бросить ли все к чертовой матери и вернуться к прежнему облику, когда все видят тебя? Но как вернешься, когда все пути отрезаны: дом-то сгорел вместе с аппаратом.

За поворотом легла неожиданно тихая чистая улочка, в начале которой располагался покоем трехэтажный отель, не пять звездочек, но оно

даже лучше. Швейцар в ливрее, хоть и смахивал на пирата из «Острова сокровищ», был, однако, весь преисполнен важности и даже величия. Особенно впечатляла шляпа.

Повезло: подкатил экипаж с кругленьким гражданином и двумя саквояжами цвета хаки. Приезжего встретили, Попсуев пристроился за ними и проскользнул следом в гостиницу. Хорошо, перестала сочиться кровь, порез оказался неглубоким. Попсуев уселся в кресло: после улицы тут было тепло, и уже одно это располагало к ленивому любопытству.

Пока приезжий беседовал с портье, Попсуев с удовольствием огляделся, обратив внимание на подробности, которые интересуют обычно женщин. У приезжего был здоровый цвет лица, очевидно от свежего воздуха и свежей пищи, а у портье — белые зубы. Приезжий почему-то раздражал своим обликом Попсуева. Он кого-то сильно напоминал ему. «Ну и тип», — думал Сергей. Тип пару раз обеспокоенно оглянулся назад, в точности фиксируя место пребывания Попсуева. Сергей не удержался и подмигнул ему.

Но вот приезжего повели наверх, прошел следом и невидимый и непрошенный гость. Приезжий на лестнице обернулся и посмотрел сквозь Попсуева. В его маленьких глазах было недоумение.

— Вот сюда, — показали ему номер.

Ожидания не обманули Попсуева. Номер из двух комнат на втором этаже был достаточно просторным, пока не натопленным, в спальне стояла широкая кровать, тумба с зеркалом и платяной шкаф, а в гостиной буфет, столик и диванчик, располагавший ко сну. Этот отрадный факт, наличие в номере дополнительного спального места, настроил Попсуева на мажорный лад. Он даже полюбовался видом из окна, хотя, откровенно, любоваться особо было нечем: дома, крыши, трубы.

Расположившись так, чтобы хозяин номера случайно не задел его, Попсуев стал наблюдать за ним.

Однако и пренеприятный же тип! Странно даже, что незнакомый человек вызывает такую антипатию. В нем чувствовалась закваска проныры средней руки. Но проныра пронырой, а что же так отталкивает в нем? Да глазки, в которых снуют, замирая на минуту-другую, разные мыслишки, выкрашенные одним липким цветом: «Мое»!

— Что такое? — пробормотал приезжий. — И тут голуби? — Он открыл окно и выглянул: — Никого. Странно. Эс ист зельтам.

«Ба! Да это Ненашев! Вот так встреча!» — От всколыхнувшихся воспоминаний Сергей едва не окликнул Илью Борисовича, но хорошо, что удержался. Попсуев замер, чтобы не беспокоить понапрасну чуткую особу. Надо потерпеть немного, все равно его куда-нибудь унесет.

Целый час Ненашев распаковывал саквояжи, раскладывал по полочкам белье, коробочки, шкатулки, перекладывал в сервант бутылки и кульки. Это время показалось Попсуеву вечностью, хоть и довольно занятно было наблюдать за старым знакомым. Сергей старался только не смотреть на него в упор, чтобы не будоражить лишней раз его чувства.

Труднее всего было удержаться от чихания. Один раз он не вытерпел и, зажав нос ладонью, чихнул, но мужчина почему-то не обратил на это никакого внимания. Наконец Ненашев все разложил, привел себя в порядок и покинул номер. Перед тем, как закрыть дверь, с подозрением осмотрел обе комнаты.

Попсуев достал из серванта бутылку ликера и сделал из горлышка три больших глотка. В это время приоткрылась дверь (видимо, приезжий прислушивался за дверью к звукам в номере) и послышалось восклицание:

— О майн гот!

Глазам хозяина номера предстала его бутылка португальского ликера, без всякой опоры висящая в воздухе под углом тридцать градусов вниз горлышком, а также несколько невесомых сгустков с ликером, издающих булькающий звук, на глазах теряющих очертания и цвет и медленно оседающих вниз. В ужасе мужчина вытер платком пот со лба и закрыл дверь. Потом дверь вновь открылась, и Ненашев зашел в номер.

Бутылка стояла в серванте!

Илья Борисович на цыпочках подошел к серванту, достал бутылку, внимательно осмотрел ее, припоминая, сколько в ней оставалось ликеру, покачивая головой, пальцем потер стекло, рассеянно оглядел помещение и в задумчивости удалился, теперь уже окончательно.

«Надо быть осторожнее, — ругал себя Попсуев, — зачем мне неприятности, давно ли был на улице! Здесь можно будет перекантоваться до вечера, а потом даже с шумом покинуть номер, пусть Ненашев потом рассказывает всем, что жил в доме с привидениями. Трупша позабудется. А хорошо бы Изольде привет передать! Жаль, нельзя, еще Кондратий хватит Илью Борисовича. И без того, наверное, при слове *Сирано* в туалет бежит».

Сергей подошел к зеркалу и удивился, не увидев в нем себя. «Себя-то я вроде как должен видеть, — подумал он, — ведь я ж не привидение». От усталости хотелось спать, и вдруг он понял, что вполне счастлив. Именно счастлив, ему спокойно и радостно. Чего еще надо? Он не рискнул расположиться на диванчике, забрался в свой закуток и забылся там.

Очнулся, хоть и не до конца, он от слов: «А чего вы тут, Павел Иванович, скрючились? Полезайте-ка на перинку, повыше-повыше, косточки-то деревянненькие, небось, оттайте с дороги, ножки-то протяните, что вы все калачиком-то? Взбирайтесь-взбирайтесь...»

Полусонный, как ребенок, Попсуев долго карабкался на какие-то тюфяки. Откуда-то слышались женские голоса, какое-то время они, как куриное клохтанье и куриные же перья, плавали около него: «Павел Иванович... Павеливанович... павелива-анови-ич... а-е-и-а-о-и... а-а-а», — но вскоре растаяли, и он уснул.

Очнулся на перинах, под потолком низенькой комнатки, весь мокрый от пота. «Натопили как... Взопрел весь. Кто же это меня раздел всего? — удивился он. — А, сам... от жары». Внизу в косых солнечных лучах из квадратного окошка вспыхивали пылинки и плавали перья. Заглянула бабенка, крепкого сложения, остроглазая.

«Она не должна меня видеть», — решил Попсуев и поднялся во весь рост, но стукнулся головой о потолок, не удержался и скатился с кровати на пол, гукнувшись коленками об пол. Бабенка вскрикнула и выскочила в сени. «Надо же, — подумал Попсуев, — ее, должно быть, взволновала моя статья. Ну как от бабы скроешь статью, коль ей пришлось пред нею встать?»

* * *

Сергей очнулся и никак не мог сообразить, где он. Наконец понял, что уже утро.

— Проснулся? — зашла Татьяна. — Ну и спать ты горазд! Будила, не разбудила. Опять во сне кричал.

— Знаешь, кого я во сне видел? Ненашева. Все такой же проходец.

— Проходимцы не меняются. Свою не видел? Девчата встретили как-то, говорят, осунулась, бедняжка... Вставай, девятый час уже. Я за Дениской. — Шаги Татьяны были слышны, пока не хлопнула подъездная дверь. И потом, казалось Попсуеву, он слышит ее шаги и даже видит, как она идет по двору, переходит дорогу, подходит к остановке троллейбуса...

И вдруг Сергей буквально подлетел над кроватью.

— Да что же это я! Ведь меня в НИЛ берут! — проорал он в открытое окно давно скрывшейся с глаз Татьяне.

Черная нитка

Железноводск понравился Сергею, но покидал он курорт с ощущением занозы в душе. Не потому, что провел три недели один как перст (он даже был рад этому: пил воду, вышагивал по терренкуру вокруг Железной горы, старательно принимал грязи, клизмы и ванны), а из-за двух неприятных эпизодов. Дней за пять до отъезда задумавшись он шел тихой улочкой, пиная камушек с таким чувством, будто это был его почечный камень. Обратил внимание на тощую кошку, которая, как собака, грызла мосол. Попсуев долго смотрел на нее, думая о том, что это он сам, только в кошачьей ипостаси. Прошел мимо дома, где Лермонтов провел свою последнюю ночь перед дуэлью, повторяя слова Печорина перед его дуэлью с Грушницким (Сергей помнил их со школы): «И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый мальчик, другие — мерзавец!.. И то и другое будет ложно».

«А что есть истина? Интересно, тогда были бездомные кошки?.. А была ли дуэль?.. Мишель так и не разобрался в самом себе, а я? Что делал бы я, оказавшись на месте Лермонтова?» — подумал с тоской Попсуев и в момент, когда в памяти стала всплывать строка поэта «И в небесах я вижу Бога», услышал:

— Извините, не подскажите, как пройти к «Дубравушке»?

— Вон туда, вниз.

Женщина поблагодарила, и они вроде бы направились каждый своим путем.

— Послушайте, — вдруг снова обратилась к нему она. — Вас можно на минутку? Извините...

— Да. — Сергей подошел к ней.

— Вы русский? — неожиданно спросила она.

— Да.

— Точно?

— Точно.

— На итальянца похожи... В церковь ходите?

— Иногда.

— В последний раз давно были, — утвердительно сказала незнакомка. — В нашу не ходили.

— Как сказать... — слукавил Сергей, удивляясь, что разговор не раздражает его. Случись он две минуты назад и будь на месте этой женщины любая другая... «Нашу церковь... А что ж тогда про “Дубравушку” спрашивала?»

— А я гречанка. На вас порча. Порча и сглаз.

— Что?

— Сильная порча и сглаз. Вы же сами замечали, что у вас не все получается. Вроде все хорошо идет, а потом — бах!

— Замечал.

— Я вижу, — предупредила возможный вопрос гречанка. — Мама ворожила. Ушла и этот дар передала мне, вместе со своей расческой. Вы думаете о Толе. Он для вас означает многое.

— Да, Анатолий — мой друг. Приятель, — уточнил Сергей. «Свиридов, что ли? Ну да, Алик — Анатолий».

— Ну вот, — удовлетворенно произнесла женщина. — Приятель. Друзей нет у вас. А в вашей семье или среди знакомых есть женатый вторым браком?

— Есть.

«Кто бы это? Опять Свиридов!» — подумал Сергей.

— Вот там и сглаз. Вам сильно завидовали.

Попсуева взяло за живое: «Кто же это мне так завидовал, что наслал порчу? Та невзрачная? Но почему?» Этот вопрос возник не в нем самом, а словно извне ввинтился в мозг. «Опять другой?»

Гречанка была в добротной кожаной куртке, изящных сапожках. Прикид неплохой у менады...

— Попробую свести грязь с вас. — Менада достала из сумочки черное компактное Евангелие, выдернула из связки черных ниток одну. — На нитке завяжите три узелка.

Попсуев завязал. Она взяла нитку, помяла ее в пальцах, скатала в комочек, шепча что-то, вернула.

— Зажмите в кулак. Сейчас я помолюсь... и как скажу, посмотрите: если узелки развязались, сняла с вас порчу и сглаз. Вечером в семь часов сожгите нитку, а завтра сходите в нашу церковь и поставьте восемь свечей Казанской Божьей матери... Вы, конечно, святую воду в церкви не брали...

— Не брал.

— Вот... Значит, и воду взять. Три дня пить и умываться ею.

Сергею было уютно в воркующем обволакивающем голосе ворожеи.

— А теперь повторяйте за мной... — Она стала нашептывать слова то ли молитвы, то ли заклинания, спросила его имя, проговорила его три раза, произнесла и другое имя — Мария: — Это мое имя.

Попсуев, мало чего понимая, повторял за нею.

— Посмотрите на нитку, — кончив, сказала она.

Сергей разжал кулак, разгладил нить. Узелков не было!

— Запомнили? — Мария повторила еще все, что должен был сделать Попсуев в церкви и дома.

Сергей хотел поблагодарить, но Мария упредила его:

— Благодарить не надо. А чтобы все сбылось, надо двадцать долларов дать.

— У меня десять.

— У вас еще есть, — сказала Мария. — Нужны две купюры.

Сергей вынул из кармана наличность:

— Наши.

— Ничего, — сказала гречанка и без всякого смущения изъяла самую крупную банкноту. — Только никому не говорите, а то могут помешать.

Мария попрощалась, блеснув цыганскими глазами.

Попсуев перебирал в памяти все слова гречанки, сомневаясь в искренности ее слов.

«Неужто лоханулся? Поделом! — думал он. — Все у нее было заготовлено: и Евангелие, и нитки в нем, и эта нитка без узелков в кулаке. Фокусница! Разве очищают за баксы? Хм... а куда же делся камушек?»

К вечеру Попсуева разобрала икота, которую он не мог унять ничем. «Вот и развязка скоро», — подумал он. К семи часам икота стала невыносимой. От нее содрогалось все тело, и ничто не могло ее ни снять, ни утишить. Нитка вспыхнула, и по ней пополз, как по бикфордову шнуру, огонек. Положив нитку на раковину, Сергей смотрел, как она догорает и от нее ползет запах, как от свечи. Остаток нити Попсуев смыл в раковину. «Нет, это не та нить, на которой узелки, — подумал он, — та была черней и ровнее. Хотя она мяла ее в пальцах...» Зная подноготную многих фокусов, Попсуев мухлежа «гречанки» не заметил.

Икота мучила Сергея до полуночи, пока он, вымотавшись вконец, не принудил себя уснуть. Утром икота не вернулась, и Попсуев забыл о случившемся и о том, что ему следовало сходить в церковь. Вспомнил через пару дней, когда на экскурсии в Кисловодске зашел в почти восстановленный Никольский собор. Экскурсанты ставили свечи, взирали

на иконы и купол, перешептывались, и это не было похоже на молитву Господу. Сергей купил две тоненькие свечи, спросил у служки, куда их поставить «за упокой». Тот указал на квадратный столик у распятия перед крестом. Свечи не ставились, оплавлялись, изгибались, оседали, чернели, гасли.

«Да что же это? Что же?!» — Чувствуя спазм в горле и подкатившие рыдания, Попсуев, оставив свечи незажженными, выскочил из храма. Весь вечер он ходил убитый, каясь в том, что так редко вспоминал о почившей двенадцать лет назад матушке. И сожалея, что не помолился о ней в храме. Об отце Сергей не вспомнил, как и тот не вспоминал о нем уже десять лет.

А еще через пару дней в толкотне тесного аэропорта в Минводах Попсуев забыл свои курортные огорчения и помнил лишь лермонтовские места, в которых ответа на вопросы, мучившие поэта и его героя, тоже не нашел. Но и они, эти воспоминания, уже не грузили его, так как в мыслях он уже был в работе, которая ждала его три недели. Надо было уменьшать брак в десятом цехе и отрабатывать аванс.

Из записок Попсуева

Однако, Свиридов — гад. Прислал трех «менеджеров» разбираться со мной. Ладно бы по-вежливому. Нет, ножички достали, полезли в шкаф. Я спросил:

— Знаете, что Сирано с сотней таких, как вы, сделал?

Они:

— Кто такой?

— Сейчас покажу! — сказал я.

Показал. Алюминиевый багет пришлось сорвать, он неплохо в руку лег. Двоих в больничку отправил, а третьему сказал:

— Если Алик захочет поправить свое здоровье, жду его. Но долг не верну, уговора не было такого.

Сеанс магии с переодеванием

В ночь с четверга на пятницу Попсуеву приснилась незнакомая женщина. Она пахла летним дождем, отчего было беспричинно радостно, как в детстве. Всю пятницу Сергей провел в страшной рассеянности. Ничего не ладилось, все валялось из рук.

Утром в субботу Попсуев проснулся на рассвете тяжелый и разбитый. Выпил кофе, написал записку: «Я на рынке» — и вышел из дома. Возле подъезда от ночного дождя образовалась лужа. Вдохнул сырой, с гнильцой и легким запахом псины, воздух сентября. Постоял, прислушиваясь к звукам. Было пасмурно, с деревьев падали капли, шлепая или звонко булькая. Перешел дорогу и побрел по парковой аллее. Асфальт был устлан трупами и полуживыми крысами, которые еще шевелились и издавали сиплый чавкающий звук. Оторопь взяла его, пока он не понял,

что идет не по крысам и их трупам, а по разбухшим от дождя большим серым листьям.

Усталость пудовыми гирями висела на ногах. Попсуев не мог отделаться от мысли, что все, чем он занят был в этот год, лишено всякого смысла, даже борьба с браком в десятом цехе. Победа над ним уже в принципе не несла ничего нового. Грядущее представлялось скучным и серым. Непонятно, чего добиваться в жизни и зачем. Денег? Женщин? Славы? А может, добродетели? Без бессмертия?..

Сколько помнил себя Сергей, ему всегда казалось, что в нем есть дар, который может вершить чудеса. Его часто охватывал восторг от мысли, что он может сделать то, что не может больше никто. Ради корысти? Нет. Удивить кого-то? Тоже нет. Занестись над другими? Вряд ли... Скорей всего, он занимался этим бездумно, его вел восторг жизни. А еще (он в этом не хотел признаться самому себе) его вела по жизни вера в сокровенный мир, где все не так, все лучше и чище, светлее и радостнее. Тот мир, стало казаться ему, расположен в нем самом, туда легко попасть, как в парк с прудом и оркестром, и там все по любви и по совести...

Попсуев свернул в переулочек. Мимо проскакала девочка, одетая полетнему, по-летнему же крутя скакалку. Это была та самая девочка, Сергей не сомневался: маленькая, белобрысая, носик востренький, глазенки пуговками... Он посмотрел ей вслед и налетел на столб. На столбе висело объявление о том, что известный маг, некий Адам Баранов, академик международных академий, разгоняет тучи, проливает дождь, сдвигает время, меняет ширину радуги, высоту солнца, радиус Земли.

«Странно, — подумал Попсуев, сдирая тем не менее листок, — такой ас, а объявления расклеил по столбам...» И надо же было такому случиться: днем он услышал выступление мага по городскому радио. Хорошо поставленным голосом тот из Венеции озвучил информацию со столба. Как-то не вязалась Венеция с гондолами и телеграфный столб в Вяземском переулке, но странным образом они были соединены. А когда голос стал рваться и слабеть из-за эфирных колебаний, искусник сказал:

— Это пустяк. Сейчас поправлю. Несколько мгновений вашего терпения. — И действительно, несколько секунд что-то хрипело и щелкало. Послышалось: — *No un problema nella mia camera... La doccia non funziona* («У меня в номере проблема... Душ не работает»), — а потом голос зазвучал снова внятно и напористо.

В конце интервью Баранов назвал время и места, где он будет давать представления, а также сообщил о наборе учеников в первую международную школу магов. Планировались два выступления чародея на ТВ, пресс-конференция, сеансы излечения слабоумия и СПИДа, а также консультации депутатов областной думы. Маг рассчитывал пробыть в Нежинске две недели, а потом периодически посещать город. На вопрос, как он поправил эфирную связь, Баранов ответил:

— Об этом я буду рассказывать на своих выступлениях. Кто пожелает учиться в школе, сами прекрасно справятся с этим. Через полгода, максимум через год.

После этого Попсуеву будто специально подсовывали информацию о маге: на радио, по ТВ, в газете, в автобусе, на столбах и заборах, на книжных развалах. Внимание стало работать выборочно, но как пылесос. Попалась фотка Баранова: чернявый мужчина с проседью, выпуклыми глазами, бородка клиншком, чистый высокий лоб. Внешность яркая, неординарная, но, как ни странно, не запоминающаяся: отвел взгляд от фото, и уже не вспомнить, какая. Сергей никак не мог освободиться от мыслей о маге, правда, больше скептических. Даже приснилась какая-то чужь.

Попсуев изучил сорванное со столба объявление. Первое выступление должно было состояться через два дня. За это время Сергей услышал о маге раз десять и стал досадовать на себя, что всю жизнь мечтал научиться чему-то необычному, представился случай, а он раздумывает.

Попсуев направился во Дворец культуры, загадал цифру «7» (он прочитал где-то, что это знак ангела, символ удачи) и сел в седьмом ряду на седьмое место. Огляделся. Публика была самая обычная, как на любом концерте, хотя такого не должно было быть: сеанс-то совсем не рядовой. К удивлению своему, Сергей чувствовал волнение. Судя по снимку и голосу, должен был предстать перед глазами не совсем обычный человек.

Так и случилось.

Адам Баранов явился в черном костюме с блестками, отчего Попсуеву вдруг стало тоскливо. Сергей не задавался вопросом, зачем эта искристость, но мишура смущала. С артистом вышли два ассистента. Они таскали с места на место столик, стулья, суетились, то ли подчеркивая основательность мастера, то ли пытаясь перенести на провинциальные подмостки знаменитое «Варьете».

Маг начал как положено — с гипноза. С публикой по-другому нельзя: сначала надо мозги одурманить, а потом уже и прояснять. И начал не с показа, а с баек. Рассказал о трех встречах с Вольфом Мессингом, как тот проводил свои сеансы с Гитлером и Сталиным. В кабинет Сталина, уверил Баранов, Мессинг попал, одурачив охранников, и вождь-де сам наблюдал за этим. Не верилось, хотя и охватывал сладкий восторг: а вдруг правда?!

После вступления, наметившего недоступную высоту темы, Баранов спросил:

— Ну что? От слов к делу? — и хлопнул в ладоши.

Зрители отозвались бурными аплодисментами.

Иллюзионист продемонстрировал незамысловатые фокусы, а потом загасил парафиновую свечку в десяти шагах от себя, зажег ее, надо понимать, глазами, снова загасил. Дуй он изо всех сил, вряд ли задул бы на таком расстоянии. А если все ж таки и задул, как тогда зажег? Погасить можно разными способами, хотя бы силикатным клеем, предварительно капнув им в лунку. Но зажечь... Может, микробатарейки?.. Вполне вероятно. И так пять или шесть раз кряду.

Свечку унесли.

На сцене появился здоровенный амбал, с ним пять молодцев в камуфляже. Амбала маг легко повалил на пол, опять же взглядом или чем-то невидимым, а молодцев не подпустил к себе, оставаясь невозмутимым,

как рыба. Те с ревом бросались на невидимое препятствие между ними и магом, но так и не смогли прорвать его. Впрочем, рев можно было устроить и за пару бутылок, из-за которых совсем недавно сносили милицейские кордоны, ларьки, а потом снесли и всю страну.

Снискав доверие зрителей, Баранов стал угадывать числа, слова, имена, даты, угадал все, а завершил на радостной ноте:

— Весьма рад, что в зале нет ни одного одержимого. С порчей, сглазом — есть, и много, вон там, там, там... чуть ли не каждый второй. Приходите, господа, на мои сеансы. Один-два сеанса, и я освобожу вас от любого недуга.

Когда его попросили назвать все-таки, кто конкретно из присутствующих нуждается в лечении, хотя бы в первом ряду, чародей стал указывать:

— Вот, вот... Вы, вы... Да почти все, — правда, тактично не стал показывать, на ком поселились лярвы, а на ком пристроился сглаз или порча. — Методика лечения одна, хотя у всех и разный уровень энергетики. Так что думайте и решайтесь, прежде чем идти ко мне. Может, кому-то с этим добром жить легче? — пошутил он.

Публике, наглотавшейся Булгакова, а в последние годы и его последователей, пишущих о всякой чертовщине, хотелось за сеансом магии тут же получить и его разоблачение. Разоблачения не последовало, разве что артист разоблачился и явился во втором отделении без блесков, в светлом костюме и стал рассказывать о йогах, продвинутых и просветленных людях, о пути, восхождении и прочем. Это было занятно, разве что уже сугубо теоретически и не так веско, хотя и усиливало эффект сказочного, но вполне доступного освоения магической техники.

Баранов показал, как правильно дышать и очищать весь организм. Надо было по очереди вдыхать через одну ноздрю, а выдыхать через другую. При этом ноздрю нельзя было зажимать пальцем, а только чистым платочком. Попсуеву, как и большинству зрителей, это показалось лишним. А потом все повторяли за наставником, перебиравшим четки, незамысловатое «О-ом-м... О-ом-м... О-ом-м...». Попсуев вспомнил закон Ома, представил, как по организму течет ток, но никакого электричества в теле не почувствовал. А ведь в теле не один ом, а вся тысяча будет.

Граждане расходились с сеанса с блестящими глазами и многозначительностью во взоре. Будто каждый узнал что-то такое, чего не знал больше никто.

На запись в школу магов Попсуев пришел заблаговременно и неприятно удивился, что оказался в хвосте. В коридоре, судя по разговорам, собрались преимущественно эскулапы. Неужели среди них есть маги? Ничего волшебного Сергей ни в ком не заметил. Серая масса, как на рынке. Однако говорили шумно, сыпали именами, латынью, терминами — не только медицинскими, что были на слуху, но и теми, которых Сергей отродясь не слыхивал — рамками, чакрами, кундалини, эгрегорами.

Как всякий грамотный человек, Попсуев имел представление о некоторых болезнях и методах их лечения, и этого ему хватало, чтобы не спе-

шить по любому поводу к докторам. Еще он знал, что врач лечит больного препаратами или скальпелем. Здесь же получалось все гораздо сложнее: за счет искусственных построений возводились сказочные дворцы, что невольно вызывало почтение — ведь мы если не презираем, то уважаем все, в чем не разбираемся. Однако получалось, что эскулапы не верили в то, что каждый день делали, раз пришли сюда. И хотя вид у них был самый затрапезный, зачастую болезненный, глаза горели, как у сумасшедших. «Они сами хотят излечиться, — догадался Попсуев. — Ведь, чтобы лечить, надо быть здоровым».

Рядом властвовал жилистый мужичок, которому, казалось, все ни почем. Он сверкал глазами, упруго шагал по коридорчику, свысока поглядывая на всех, и смахивал на рехнувшегося бонапартика, правда, российского разлива. Емуне хватало в руке лишь подзорной трубы, а на башке — треуголки.

— Каково?! — вскрикивал он, ни от кого не требуя ответа.

С синеватым отливом девица рассматривала фотографию лысого здоровяка на мягкой книжной обложке. Глаза ее то туманились, как у рыбы, то вспыхивали восторгом от одного заглавия: «Секреты здоровья и красоты. Книга девятая».

Помимо лекарей были и интеллигенты иных профессий. Все напоминало зоопарк. Суетливый молодой человек, похожий на вертишейку, учитель или экскурсовод; солидные, как гусыни, дамы — домохозяйки или чиновницы; высокомерные, смахивающие на верблюдов личности — адвокаты или психотерапевты. Все ждали своей очереди. И, похоже, каждый не сомневался в успехе. Странно, что у этих по сути своей просителей было столько гонора. Многие из них тем не менее выходили из кабинета в явно расстроенных чувствах, но к ним деликатно не приставали. Везунчиков и так было видно, они были окутаны облаком тайны, из-за чего к ним тоже не хотелось бросаться с расспросами.

Бонапартик скрылся в кабинете, и общее внимание привлек мужчина дородный, в годах. Он вальяжно повествовал о последних течениях философской и религиозной мысли. Мэтр не бил на внешний эффект, каждое слово его и жест были выверенны, продуманны, убедительны. Удивляло обилие имен, биографий, учений, которые, разумеется, отличались чем-то друг от друга, но в общей куче — ничем. Почти обо всем этом Попсуев слышал впервые. Профессор повествовал в полной уверенности, что и прочие досконально знают предмет. Достав из портфеля альбомчик с фотографиями, он стал показывать свои фотки на фоне святынь и кипарисов. «А это — Учитель. И это...» — показывал он сначала на мужчину в белом, а потом на мужчину в желтом.

«Учителя же не фотографируются, — подумал Попсуев. — Странно... Да и как может быть сразу несколько учителей? В любой начальной школе учитель один. И не переспросишь».

Знарок сыпал без пауз. Но вот и его очередь. Здрава подбородок, зашел. Через десять минут вышел, презрительно поглядывая на пол и на двери.

— Мне тут делать нечего! — бросил он, проходя мимо Попсуева.

Неужели зарубили профессора, а может, ему и впрямь тут делать нечего?

Через десять минут дошла очередь и до Попсуева. С легким волнением зашел. Возле открытой форточки толстый лысый мужчина курил красный «Bond», держа сигаретку в щепотке. За столом сидел тоже лысый парень атлетического телосложения, похожий на амбала, которого повалил взглядом на сцене маг, он записывал результаты «кастинга» в общую тетрадь. Парень с видимым усилием водил невесомой ручкой, затерявшейся в его толстенных пальцах. Казалось, он впервые взял ее в руки.

Выпустив клубы дыма и поплевав на сигарету, мужчина выкинул ее в форточку и представился. К своему разочарованию, Попсуев услышал, что самого мага нет, прием ведет ассистент Баранова доцент психиатрии Жучкин, кандидат медицинских наук, член академии с длиннющим и ничего не говорящим названием. Внешний вид ассистента и его манеры как-то не вязались с образом мага, но не все же красавцы, решил Попсуев. Хотя он почему-то был уверен, что люди, посвятившие себя магии, — необыкновенные люди. Не ангелы, конечно, но внутренне и внешне близко к ним. У ассистента были мятые брюки, несвежая рубашка, на шее — невыбритый клочок.

Жучкин заметил взгляд Попсуева и пояснил:

— Ваш город не оригинален: нет горячей воды, — как будто он, словно студент, стирал свою единственную рубашку в раковине.

— Второй месяц, — подтвердил Попсуев, подумав: «Разве не одни лишь оригиналы собрались сейчас в этом месте?»

— Вот видите. У вас тут повышенная живучесть населения. Это хорошо. Более здоровый контингент получится. С правилами знакомы? Где-нибудь обучались? Заканчивали курсы?

— Нет, впервые.

— Медик?

— Нет.

— А... педагог.

— Нет, технарь. Работаю на заводе.

Ассистент не смог скрыть своего удивления. Он с любопытством пригляделся к Попсуеву, будто нашел в нем ответ на мучивший его вопрос.

— Что, и курсы не заканчивали? Школу нетрадиционного лечения?..

— Нет.

— Сами пробовали лечить? Колдуны, знахари в роду есть?

— Нет. Чистый лист. *Tabula rasa*, чистая доска. — Попсуев понял, что зря пришел, но что-то удержало его от того, чтобы попрощаться. — Это препятствие?

— О, табула-вокабула... Нет-нет, это не препятствие. Главное — интуиция, карма... Встаньте ко мне спиной, как на медосмотре, — сказал ассистент-доцент, жадно затянувшись новой сигаретой. — Смотрите в угол, закройте глаза. Я сейчас буду показывать на пальцах цифру, до де-

сяти, а вы должны угадать. Сосредоточьтесь... Сосредоточились? Вижу, что сосредоточились.

Попсуев напрягся. Попробовал «увидеть». Ничего не виделось.

— Ноль, — сказал он.

Жучкин шумно задышал за спиной.

— Сейчас я нарисую на листке геометрическую фигуру. Не оборачивайтесь. Закройте глаза... — Слышно было, как ассистент шуршал листком, провел, не отрываясь, линию. Снова затянулся сигаретой: — Ну?..

Попсуев попытался представить. Представилось что-то безразмерное. Серое, унылое. В принципе, все безразмерно: линия, круг...

— Круг.

Жучкин крякнул.

— Так, последний тест. Попробуйте воспроизвести то, о чем думаю.

Попсуев замер. Десять секунд, двадцать... ничего! У него зачесалась шея. Он терпел еще несколько мгновений и судорожно почесался.

— Молодец! — шумно выдохнул за спиной ассистент и кинулся к почти погасшей сигарете. — Все три теста на «отлично». Редкая удача. Один из ста. Даже среди продвинутых. Пока вас двое таких. Все правильно: ноль, круг, почесали шею. Поздравляю! Запишемся.

— У меня рублей нет... — произнес Попсуев, и ассистент-доцент сник, как сдутый мяч. — Сто долларов устроят?

— Конечно же устроят, голубчик! — вновь округлился Жучкин, делая пометку в тетради. Попсуевская записка исчезла в сейфе. — Первое занятие завтра с семи до десяти вечера.

Окрыленный, Попсуев вернулся домой. По дороге он ломал голову над тем, куда мог деться бонапартик. Из кабинета не выходил, как испарился. Прощел сквозь стены? А может, вообще?..

Первый шаг на пути к могуществу

Лекции проходили в конференц-зале Института повышения квалификации Минздрава. Учащихся, не считая блатных, было две сотни, в основном врачи, а также продвинутые представители других профессий. В зал пропускал Жучкин; амбал сверял фамилии с записью в тетради, ставил крыжички.

У Попсуева остался осадок после вопроса Татьяны — во что обойдется семейному бюджету продвижение главы дома к тайному могуществу. Она впервые проявила интерес к тому, за что Сергей никогда перед ней и вообще ни перед кем не отчитывался. Он с досадой ответил, что обучение проводится бесплатно, некий фонд оплатил курсы и аренду помещения.

— Какой фонд? — спросила Татьяна, а в глазах ее были искорки: «Врешь!»

Было пять минут восьмого, когда из-за кулис появился маг в строгом костюме с бабочкой. Он сдержанно поприветствовал слушателей, прошелся взглядом по рядам и довольно изрек:

— Одержимых нет.

А затем отчасти повторил свое выступление на представлении, только без фокусов и отгадывания имен. Амбалов не валял, но свечу в пяти метрах от себя зажег, задул, снова зажег и снова задул.

В перерыве учащиеся, светло глядя друг на друга, чаще других проносили слово «продвижение», но, похоже, толком еще не вникли, куда предстоит двигаться.

Попсуев перестал чувствовать иронию к самому себе, но к окружающим она осталась. «Они привыкли двигаться в очередях и по службе, — думал Сергей, — и полагают, что и дальше будет то же. А путь будет другим, на него попадут только двое... Нехорошо противопоставлять себя, но так приятно!»

На заключительном часе Баранов показал первые упражнения, которые надо было разучивать дома, как гаммы. Усвоить их можно было только путем многократного повторения и необыкновенной концентрации воли, которой у большинства учеников нет априори. Тем не менее педагог заверил, что воля появится после многих месяцев (или даже лет) упорного труда по самосовершенствованию и продвижению.

Под занавес маг объявил свое сокровенное имя, Омма Нипад Мехум, тайну которого обещал открыть осенью на втором курсе обучения. «Оттуда и тот О-ом-м, — подумал Попсуев. — Это ж мы к нему звали, как к богу».

Домой Попсуев приехал около одиннадцати, так как после занятий Жучкин выдавал слушателям пропуск под роспись все в той же общей тетради. Сергей ощущал избыточное возбуждение, как в дни ответственных соревнований. Татьяна смотрела телевизор. За чаем Сергей рассказал ей, стараясь не быть излишне эмоциональным, о первом занятии.

— Чему-нибудь конкретному обучал? — спросила Татьяна.

— Обучал. Завтра покажу.

Дождавшись, когда жена уснет, Попсуев вылез из-под одеяла, взял бумагу, клей, фломастеры и прошел на кухню, затворив за собой дверь. Нарисовав на листе два концентрических круга по блюду и пуговице, Сергей зачернил площадь между ними, приклеил «бублик» к картонке и повесил на стенку. Сел на табуретку и стал пристально, до рези в глазах, всматриваться в него. Минут через пять вокруг бублика появился слабый колеблющийся ореол, исчезающий при движении глазного яблока.

«Главное — концентрация внимания», — услышал Попсуев голос мага. Глаза резало, но Сергей собрал всю свою волю, пытаясь усилить яркость и площадь светлого пятна вокруг черного бублика. «А ведь это пятно можно фокусировать, — думал он, стараясь изгнать из себя и эту мысль, — перенести на любой предмет и поджечь, как свечу! — Корона исчезла. — Не надо отвлекаться на пустяки». Попсуев снова сосредоточился, но на этот раз бублик засветился только минут через десять. На сегодня хватит. Взял конспект лекций («Ежедневно упражняться по пять — семь часов»). Нарисовал еще один бублик и повесил его рядом с первым. Теперь можно усложнить задание. Скажем, правым глазом

поджигать левый бублик, а левым — правый, перемещать огни, собирать их.

«Лазер! Это же глазной лазер, — возбудился Сергей; оба бублика погасли одновременно. — Опять отвлекся!» — чертыхнулся Попсуев и включил чайник. Глаза слезились и чесались, и он сделал себе чайный компресс.

В пять утра Сергей лежал на кровати и думал о том, что теперь у него появился смысл жизни и все отошло на второй план. Попробовал уснуть, но от усталости и перевозбуждения не смог. Встал и до семи утра занимался упражнениями.

Пора было идти на работу. Проснулась Татьяна.

— Ты чего это такой?

— Какой?

— Взлохмаченный. Не спал?

— Плохо.

— А это что за кольца?

— Вечером покажу фокус, — пообещал Сергей.

Дальнейшие шаги. Тупик

Следующее упражнение по усилению магнетизма взора состояло в том, чтобы научиться видеть второй план предмета. За ним были и другие пласты, составлявшие в совокупности суть вещи. Чтобы постичь это, надо было снять слои один за другим, как слюду.

Первой раздвоилась труба на крыше дома. У нее появилась сероватая тень-призрак, которая исчезала, как только Попсуев переставал фокусировать на ней свой взгляд. Затем стал двоиться телеграфный столб, кошка на подоконнике. Сергей не мог избавиться от иронии: «Неужто и Россия раздвоится, если сфокусировать на ней взгляд?» С очередным упражнением Попсуеву пришлось попотеть. Он никак не мог поднять глазами в воздух клочок бумаги. Бился над этим Сергей больше недели. В конце концов бумажка поднялась, и Сергей переместил ее взглядом на холодильник. Но стоило ему моргнуть, и листок тут же вернулся на стол.

Куда трудней было идти по улице с закрытыми глазами. На работу Попсуев шел тихой улочкой с перекрытым дорожным движением. Он намечал сто метров тротуара и старался пройти их, «разглядывая» путь внутренним взором. Поначалу спотыкался, даже растянулся на ровном месте, но потом стал угадывать дома, деревья, людей, может потому, что уже хорошо изучил эту улицу.

Однажды Сергея окликнул женский голос, и он, еще не обернувшись, «увидел», как со двора вышла женщина в темно-зеленом костюме и коричневых туфлях с дочкой в желтом плащике и красных ботиночках. Именно в этих нарядах они и предстали перед ним! У Попсуева был такой ошалевший вид, что женщина невольно улыбнулась и переспросила:

— Который час?

Весь день Сергей провел в эйфории. Все ему нравилось, все удавалось, все получалось... и все были милые, даже Сидорчук, сжегший генератор.

Вечером Попсуев понял, что можно фокусировать не только взгляд, но и время. Рассуждал Сергей так: «Иногда перед глазами мелькнет картинка, а через минуту станет реальностью. Это происходит оттого, что время, как конус света, захватывает не только текущие мгновения, но и ушедшие и грядущие. Если не сосредотачиваться на настоящем, периферией зрения можно увидеть то, что произошло или произойдет с тобой. Для этого надо расфокусировать восприятие времени, размыть настоящее».

После этого Сергея словно прорвало, он стал «видеть» дорогу на достаточно большом протяжении, проходил целый квартал уверенно, отмечая внутренним взором новые предметы. После каждого «видения» он открывал глаза и убеждался, что не ошибся и на этот раз.

На занятии маг дал задание: сосредоточиться и попытаться мысленно попасть туда, куда сильнее всего хочется в этот момент.

— Только не в буфет, — пошутил Баранов, — он уже закрыт.

Смешок помог снять лишнюю нервозность слушателей. Попсуев ослабился, почти задремав, представил, как он взлетает... и взлетел. Бесшумно скользнул под потолок, вылетел над проспектом, над мостом (еще подумал: «Зачем над мостом? Напрямик быстрее»), свернул, скользнул над рекой, нашел сверху свой дом и непонятно как попал домой, почему-то на кухню. Никого не было, но слышался шумок. Скользнул мимо зеркала, обратив внимание, что в зеркале он не отразился. Заглянул в спальню и отшатнулся: ему показалось, что в спальне были двое, на кровати!

Попсуев пришел в себя. Увидел сидящих слушателей с закрытыми глазами. Маг сидел на стуле и скучающе глядел в зал. Сергей попытался сосредоточиться, но не смог. «Не может быть! — вертелось у него в голове. — Но как же не может, если сам видел!»

Он едва дождался конца занятия, ничего не воспринимая и даже не слыша. Выскочил, поймал такси и через четверть часа вбежал домой. Там никого не было.

Попсуев обследовал квартиру, но ничего в глаза не бросилось. На столе лежала записка: «Меня вызвали во вторую смену». Выпил рюмку водки, хотя это и не приветствовалось уставом школы магов, и от пережитого стресса тут же уснул. Проснулся ночью. Рядом спала Таня. В ее позе, в дыхании не было ничего нового, *чужого*. Дня два Сергей провел, забыв о своем видении, потом оно вдруг вспыхнуло в нем, он пытался разумно объяснить его и не смог. Конечно, это могли быть всего лишь мысли, но смущало одно — *видел*.

С каждым днем Попсуевым овладевала все большая потребность в уединении и тренировках. Даже на работе в оставшуюся после обеда четверть часа Сергей садился в кресло и, закрыв глаза, представлял, как он «летает» домой. Если он «видел» там Татьяну, вечером говорил ей, что знает, чем она занималась днем, и иногда угадывал.

Попсуев тренировался с упорством, с каким он когда-то вышагивал и выпрыгивал сотни километров с клинком в руке и рвал им несчетное число раз ватное чучело. Много сил Сергей отдал занятиям по угадыванию предметов рукой. Сначала брал два разнородных предмета (скажем, ластик и ключ или сливу и прищепку) и часами водил над ними рукой, пытаясь ощутить разницу в цвете, плотности, размере, геометрии. Затем, завязав глаза, стал мучить себя определением количества предметов, высыпая их из коробки на стол. Три дня Сергей пытался взглядом вынуть из коробка спичку и поджечь ее, но та не вынималась. И вот вроде стало получаться. Чтобы не отвлекаться, он не вышел завтракать. Наконец вытащил спичку и уже поднес ее к коробку, чтобы чиркнуть, как зашла Таня. Ее мало волновали успехи Сергея на поприще магии, но заводские проблемы интересовали.

— Брак снизил?

— Пока нет, — ответил Сергей.

— Что так? Много сил отдаешь магии?

— Да! — И в сердцах бросил: — А что ты понимаешь в магии?

Татьяне стало не по себе от горящих глаз мужа и его отрешенности от мира. Это состояние было хуже физического истощения, так как непонятно было, чем его поправить.

— Ты бы хоть рассказал, что делаешь, в каких видениях реешь, в каких краях обретаешься? — спросила она с невольной подковыркой. — Не забыл, вечером идем к бабушке?

— Не забыл! — отмахнулся Попсуев.

Татьяна пожалала плечами и вышла. С некоторых пор Попсуева стали напрягать ее просьбы сходить в магазин или сделать что-нибудь по дому. Он хоть и с досадой, но исполнял их, однако сегодняшнее напоминание о вечернем вояже к Анастасии Сергеевне вывело его из равновесия. «Опять поздравления, болтовня, жратва!» Сергей попытался повторить свой успех со спичкой, но тщетно. Весь день не проходил приступ раздражительности и ничего не клеилось. Еще один выходной коту под хвост! Жена, правда, занималась по дому и просьбами ему не докучала.

В гостях Попсуев страдал от того, как бездарно пропадают драгоценные минуты и часы, которые он мог посвятить самосовершенствованию.

— Я не пью, — перевернул он рюмку. — Совсем.

Никто и не настаивал, отчего Сергей почувствовал еще большую досаду на всех. Он со злобной нетерпимостью реагировал на все, о чем только ни заходила речь. Анастасия Сергеевна с недоумением поглядывала на внуку, но та делала вид, что не замечает ее беспокойства. Попсуев видел все это, отчего злился еще сильнее. Поняв, что идет вразнос, он извинился и ушел.

Жена пришла поздно, заплаканная, а Сергей, слегка удовлетворенный тем, что ему все же удалось еще раз достать спичку, раскаивался, но не знал, как извиниться перед Таней за злобное состояние, которое непонятно откуда взялось в нем. И постель вновь помирила их.

В результате долгих утомительных упражнений Попсуев научился, хоть ненадолго, внушать себе добрые мысли, приводить себя в состояние ступора и расслабления, регулировать пульс и давление, очищать мысли и внутренние органы разноцветными потоками космической энергии. Всякий раз после удачно проведенного упражнения Сергей с чувством глубокого удовлетворения смотрел в зеркало и улыбался самому себе, правда, как чужому человеку.

В конце обучения Попсуев встретил на рынке бонапартика и радостно воскликнул:

— Куда вы делись? Как сквозь пол провалились! Правда, что ль, сквозь стены ходите?

Бонапартик с двумя сумками овощей обалдело смотрел на Попсуева и не мог взять в толк, кто этот сумасшедший гражданин.

— Извините, обознался, — пробормотал Попсуев, видя, что бывший абитуриент магической школы не хочет признать в нем ученика чародея. «Жалкий завистник, добытчик, серость!»

Вычитав у Кастанеды, как его герой ползал по землянке в поиске места силы, Попсуев досконально изучил свою квартиру. Просканировал ее с помощью рамки и маятника — обручального кольца на нитке, а также своим внутренним видением. Последнее Попсуеву удалось, как ему показалось, лучше всего. Он четко установил энергетические прямоугольники, положительные и отрицательные полюса и стал расставлять мебель и кровати так, чтобы воздействие на организм было самым благоприятным и оздоровительным.

Татьяне в конце концов это надоело. Ладно подушка на восток, хотя ей больше нравилось на запад, — ее достали не подушки, а муж. Когда Сергей занимался теоретическим совершенствованием, от него вреда было меньше, чем обычно, но когда он стал практически невменяемым, взвилась:

— Ты тут разбирайся с чакрами, а я пока поживу у бабушки! — заявила она и ушла.

Зачет по курсу состоял в том, что ассистент-доцент спрашивал у слушателей, что такое «чакры», «кундалини», как поэтапно перейти в состояние левитации. Попсуева Жучкин и вовсе не стал ни о чем спрашивать.

— А, это вы. Ну и как вам наш курс? Вижу, все прекрасно усвоили. Не буду ничего спрашивать. Зачет. Посobie приобрели? Прекрасно. Готовьтесь, осенью, думаю, сдадите экзамен на «отлично». Пригласите следующего.

Не открыв рта, Попсуев получил зачет. «Наверное, на экзамене будут гонять», — подумал он.

Лето прошло в неустанных тренировках. В трамвае и в метро Попсуев с любопытством, иным, чем полгода назад, изучал лица пассажиров. С удивлением, даже с удовлетворением он отмечал, что ни на одном из них нет не то что печати, а даже слабенького отпечатка интеллекта, как на картинах Босха или Любарова. Ни в одном лице не было тайны и того,

что поэты называют «светом». На всех физиях, даже молодых и упругих, как пыль, лежала озабоченность и усталость.

Попсуев решил довести себя до идеального состояния. Что он будет делать в этом состоянии, Сергей не задумывался, но был уверен, что настанет его день. «К нему я должен подойти во всеоружии, — убеждал он самого себя. — Я должен стать незаменимым на своем месте, пусть это место и маленькое, но оно будет расти вместе со мной, и я понадоблюсь очень многим».

Однажды Попсуев увидел, как трое парней избивают щуплого сверстника. Сергей равнодушно прошел мимо, а потом задумался: почему остался безучастным? Ведь заметил, не испугался, не спешил куда-то. Когда Попсуев осознал, что его не трогает больше чужая боль, он решил, что с ним случилась беда. Незаметно его будто подменили. Все то, что прежде волновало, не находило отклика и стало настолько чужим, что даже усилием воли нельзя было заставить себя сделать то, что раньше он делал инстинктивно. «Аристократ — это аристократ по инстинкту, — подумал Сергей. — Насильно себя аристократом не сделаешь, как и рыцарем. Вот что имела в виду Несмеяна. Почему во мне не осталось ничего здорового, ведь я только на это и был заточен?»

— Ну а теперь найдите какое-нибудь заболевание во мне, — попросил на экзамене осенью Баранов.

Попсуев со смятением понял, что не знает, как быть. То, чем он месяцами занимался, не понадобилось. От него не требовалось пройти с закрытыми глазами или зажечь взглядом свечу, а надо было элементарно поставить учителю диагноз. Всего-то поработать рентгеном. Своего состояния Попсуев не выдал, и это помогло ему мобилизоваться. Но и после этого маг не просматривался. Был абсолютно непрозрачен, черен и пуст.

— У вас нет заболевания, — после нескольких минут сосредоточенного созерцания пустоты произнес Попсуев.

— Так, — удовлетворенно откинулся на спинку стула учитель. — И как вы это увидели?

— Я представил атлас человека, и там все чисто, ни одного нарушения, ни в одном органе. А потом представил вас, наложил два образа, они совпали. И суперпозиция прозрачна.

— Отлично, — оценил маг.

Попсуев был разочарован. Он думал, что с получением диплома поднимется на очень высокую ступень совершенства. Во всяком случае, не ниже первенства Европы по фехтованию, которое так безжалостно украла у него судьба. Хотя прошло всего ничего, пробовал утешить себя Сергей, но разочарование было чересчур сильным. Сильнее всего его шокировало не то, что он не смог увидеть мага, а что сам маг не разглядел в нем его неспособности видеть! «Неужели кругом одно шарлатанство?! А с другой стороны, нужен ли я ему с моими способностями?» Попсуеву было тошно глядеть на свет божий. Ему вдруг стало нестерпимо стыдно за то, что он доставил столько горьких минут своим знакомым и, главное, Тане.

Но прошел день, Жучкин выдал слушателям дипломы и билеты на концерт для врачей и врачей в цирке с подписью и личной печатью Адама Баранова, после чего Попсуеву показалось, что он и на самом деле увидел, что у мага нет заболеваний, и поверил, что он прекрасный диагност.

Болезнь Зеро

Напряжение года не прошло бесследно. Попсуев чувствовал, что с ним творится неладное. То он не мог решить простенькую задачку, то забывал про неотложные дела, а то и вовсе путал время и место. Но на концерт для врачей Сергей пришел вовремя, нашел свое место. Его слегка удивило, что он не слышит своих шагов. Посмотрел себе под ноги. Там был не толстый ковер, а длинная волнистая трава, как на дне прозрачного ручья в фильме «Солярис». Он нагнулся и пощупал траву, оказавшуюся все же ковровым покрытием. На пальцы к нему залезла мокрица. Попсуев с отвращением стряхнул ее.

Концерт начался с традиционных глупостей шпрыхсталмейстера и двух клоунов. Они смешили, но было не смешно. Потом шли обычные цирковые номера, правда без слонов и собачек. В конце первого отделения Сергея пронзила тоска, и он решил уйти домой. Арена опустела, но из зала никто не вышел. Возник ведущий, зыркнул по трибунам.

— Дамы и господа! Паспорта захватили? Пройдите в фойе. Необходимо зарегистрироваться.

Попсуев вышел в фойе. Гардероб был закрыт. Он подошел к выходу, подергал двери: тоже закрыты. Сергей спросил у кого-то в синем костюме, где гардеробщицы.

— Будут к концу концерта, — сказал костюм.

Раздался звонок, тут же второй. Все потянулись в зал. Попсуев едва успел зарегистрироваться. Раздался третий звонок, и он поспешил на свое место. Ему показалось, что зрители вроде те же самые, но другие. Неуловимость перемены слегка встревожила его. Он обратил внимание на ряд опустевших мест. Странно, из цирка никто не уходил, двери-то закрыты...

Появился шпрыхсталмейстер, потоптался на месте, пощелкал в микрофон и забубнил. Наконец стало понятно, что речь идет о новой мировой язве, от которой, по оценкам ВОЗ, в ближайшее время мог погибнуть миллиард человек.

— С минуты на минуту мы должны получить данные!

— Простите, — обратился Попсуев к соседу справа. — Это он о чем?

Сосед пожал плечами и сделал крайне глупое лицо. Сергей посмотрел на соседку слева. Та читала программку, выковыривая из булочки орешки.

— Симптомы и течение болезни неизвестны, — донеслось до Попсуева.

Он пытался вникнуть в то, что говорит ведущий, но не смог. Соседка слева наморщила лоб, от напряжения у нее набухла жилка на лбу. Она вдруг пощупала себе лоб и обратилась к Сергею:

— А у меня ничего из этого нет! Что он говорит? Вот сами можете пощупать. — В глазах ее был страх. — Лоб, правда, горит... Да вы попробуйте рукой, попробуйте! Ледяной. Вроде и жар во мне, а я вся как лед.

Шпрехшталмейстер продолжал:

— Еще одним из признаков заболевания является одновременное присутствие в организме жара и льда. Человек пылает, а его озноб бьет. Однако этот признак типичен и для многих других заболеваний. У нашей же болезни, назовем ее болезнь Зеро, есть множество других признаков. Они, правда, противоречивы: никто не знает, например, как передается болезнь, и вообще, что это за болезнь.

Попсуев глянул на женщину слева, но ее уже там не было. Он вдруг почувствовал жар во всем теле. Горели ноги, руки, грудь, жгло сердце и в желудке, пылала голова. Все члены и внутренние органы горели врозь, а вместе пылал весь организм, как на костре. Сергей приложил руку ко лбу, он был как лед!

В этот момент все вокруг разом глянули на него и тоже судорожно приложили руки ко лбу, и у всех в глазах появилась тревога и растерянность. «Болезнь передается через страх», — подумал Попсуев. Радость, почти восторг, сменялась удивлением. Оно плясало блеском глаз, срывалось судорожно-оживленной фразой... и вот заметался по лицам, как пожар, ужас!

Такой точно ужас Сергей чувствовал и в себе. Ужас пришел к нему не столько от боли, жара и озноба, сколько оттого, что он не успел сделать что-то очень важное. Попсуев разом увидел глаза всех — в них была растерянность. Люди не были готовы к беде. Все думали, что беда летит мимо, а она попала в них. Посыпались вопросы, у многих стал заплетаться язык и дрожать голос.

— Что?.. Что?.. — то и дело переспрашивал ведущий. — Я вас не слышу!

Людей становилось все меньше. Кресла зияли страшными провалами.

— Мы уже сообщили главврачу, — сказал шпрехшталмейстер. — Всех вас, как контактирующих, для проведения экстренной превентивной терапии помещают в специзолятор на шесть дней. Никого не лихорадит?.. Провизорный освободили? — спросил он у кого-то на входе, тот подбежал, и они долго и отрывисто обсуждали возникшие проблемы. Слышалось: «Да-да, пастеурелла пестис... Угу, трисоль, преднизолон... Лихорадочный смех? У кого?.. Пять признаков? А стоит?.. Хорошо».

— Теперь послушайте, — шпрехшталмейстер снова обратился к залу, — пять признаков приближающейся смерти.

— Зачем мне знать эти признаки?! — раздался чей-то вопль.

— Приведите истеричку в чувство, — бросил ведущий в сторону.

Послышался звук хлопнувшей мухи. Голос смолк.

— Первый признак: больной воспринимает форму как звук. Второй: звук воспринимает как запах. Третий: запах — как вкус. Четвертый: вкус — как осязание. Пятый: осязание никак не воспринимается. Больной не ощущает прикосновения и полагает, что он умер.

Попсуев почувствовал не на уровне чувств, а на уровне чуть ли не потустороннего знания, как к нему прикоснулся кто-то слева. Он вздрогнул — рядом сидела соседка! «Значит, час назад я уже ее не видел?! А сейчас я что, уже умер... и снова вижу ее?» Соседка держала свою руку на его руке, но Сергей прикосновения не чувствовал. Полная атрофия. «Какое же тут спасение? — подумал он. — О чем он говорит, какие шесть дней, если за час через меня прошли пять признаков смерти?»

Ужасная тоска сдавила ему грудь, и тут он увидел разом весь зал. Зал был наполнен людьми. И все были теми же, но и другими. Из глаз их ушла тревога и растерянность, боль и ужас. На лицах радостное возбуждение, и Попсуев тоже невольно почувствовал его в своей груди.

— Повторяю еще для всех, — бубнил шпрыхштальмейстер. — Пятый признак состоит в том, что осязание полностью атрофируется. Больной не ощущает прикосновения и полагает, что он уже умер.

«Неужели я умер? — почти с любопытством подумал Попсуев. — Почему же мне тогда так радостно?»

И тут он очнулся на улице, неподалеку от цирка, который чернел пятном на синем небе. «Надо переживать не за весь мир, а за ближних, — почему-то подумал он. — Как там Танюша? Если мы будем переживать хотя бы за одного ближнего, спасем весь мир».

Мир ладно, а что спасло его самого, Сергей так и не догадался. Когда он понял, что в его уме явь мешается с вымыслом и что ему являются непонятные сущности, а реальные люди куда-то исчезают, он с жалобами на свое неадекватное восприятие действительности, галлюцинации и псевдогаллюцинации обратился в поликлинику. Оттуда Сергея, заподозрив шизофрению, направили в стационар, где после обследования и консультации психиатра предложили госпитализацию. Он согласился. После курса лечения и достаточно быстрого, удивившего врачей выздоровления больного выписали, назначив медикаментозную терапию и амбулаторные сеансы физиотерапии.

Через полгода Попсуев уже не помнил о своем былом нездоровье. Психиатр нашел в нем лишь обычные отступления от нормы, которые давно уже превратились у горожан в норму. Окружающие тоже не находили в Сергее ничего странного, разве что он не любил вспоминать о полутора годах, которые сам вычеркнул из своей жизни, и только резкость, с которой Попсуев прерывал любой вопрос на эту тему, свидетельствовала о том, что болезнь оставила в нем глубокий след. Единственное, о чем он говорил охотно и со знанием дела, это о целебных и некоторых других свойствах пирамид, которые можно использовать в хозяйстве.

«Попсуев на даче». Репортаж Шебутного

— Попсуев на даче, — сказали мне.

До Колодезной я доехал на электричке. Станцию называют также «сороковым километром», а местные — еще и Бездной.

— Почему Бездной зовут? — поинтересовался я у трех бабусь, что сидели на поваленном тополе. — Речку вброд можно перейти.

— Не в реке дело, — ответила одна из них. — Там дальше котлован есть, хотели руду добывать. Стали рыть, а им словно кто изнутри помогает. Сроют породу на пять метров, а провал в десять метров делается; сроют еще на десять, а он в полста становится; сроют на полста, а там уже и в полверсты дыра. Хотели с поверхности добычу вести, а тут надо шахты рыть. Вот и прикрыли лавочку. А место называли «без дна», Бездной.

Я поблагодарил и направился в общество. Попсуев усадил меня за стол и за час с небольшим приготовил свое фирменное блюдо чахохбили, которое вряд ли кто делает лучше даже на Кавказе. Поговорили о Бездне. Обычно ироничный, мой собеседник неожиданно серьезно заявил, что «неразработанный карьер и впрямь вход в бездну, на тот свет».

У Сергея в садоводческом обществе появилось несколько приятелей. Одним из близких стал его сосед Перейра, настоящее имя которого забыли десять лет назад, когда он вернулся из загранпоездки в дельту Амазонки. Тогда после бразильского сериала «Рабыня Изаура» с очаровательной Луселией Сантуш в заглавной роли все дачи тут же превратились в фазенды, хотя дачники фазендейрами так и не стали, потому, быть может, что еще не доросли до мерзостей сеньора Леонсио. Перейру называли иногда Наумом, хотя он был Иннокентием. *Наум* прилипло к нему из-за привычки все время говорить «мне вот тут на ум пришло». Прилипло и прилипло, так же как и Перейра.

Сошлись они позапрошлой осенью. После копки картофеля Перейра приуныл: вся картошка уродилась курживая и в проволочнике. Урожай был приличный, шестьдесят три мешка, из них на продажу пятьдесят, но как, скажите, столько продать? Как нарочно, год выдался замечательно урожайный на картофель. Наум засаживал картошкой не только половину своего участка, а отвоевал еще несколько соток у природы возле реки (землица там черная, как смола, а уж пушистая!) да от работы брал соток пять-шесть.

Четыре мешка заказал Попсуев. Когда зашел разговор о цене, Сергей спросил:

— Как на рынке, ведрами?

— Ага, ведерками. Как на рынке, — согласился Перейра, пообещав привезти картошку прямо к дому Попсуева.

Действительно, привез. Выгрузил возле овощехранилища четыре мешка.

— Сколько ведер? — поинтересовался Попсуев.

— Тридцать ведерок, — шмыгнув носом Перейра, доставая емкость, похожую на детское ведерко. — Я еще подкинул по половинке ведерочка в мешок.

— Это что ж, в мешке восемь ведер?

— Не ведер, а, как правильно ты сказал и как мы договаривались с тобой, а уговор дороже денег, ведерок.

Перейра стал отмерять картошку. Действительно, в мешке было восемь ведерок и еще чуток. Перейра не позволял ведерку переполняться и, если какая картошка выпирала сильно над срезом ведра, возвращал ее в мешок.

— Так можно и десять ведер намерить! — не выдержал Попсуев. — Ты еще картошины, как яйца, решеткой переложи.

— Ведерок, — поправил его Перейра, любовно манипулируя очередной картофелиной. В конце концов он и ее со вздохом вернул в мешок. — Не понял: а зачем яйца решеткой перекаладывать?

— Ты, Наум, случаем, не гомеопат?

— Не знаешь, что ли? Сварщик я.

— А чего это она вся точеная, в червоточинах? Электродом, что ли, ширял?

— А, это... Это так, отметины земли. Вроде родинки или оспинок.

— Не заразно? Не рак?

— Что ты! — замахал на него руками Перейра. — Экологически чистейший продукт. — Перейра не сводил с Попсуева экологически честнейших глаз.

Ведерок оказалось тридцать три.

— Видишь! — торжествующе произнес Перейра. — У меня как в аптеке! Клиент всегда прав.

— Это точно. Вот тебе за двадцать ведер, в мешок больше пяти не входит. Оно, конечно, проволочник как белковая добавка идет, но, уж извини, бесплатно. Подарок. Ты, случаем, ведерком своим в детстве куличики из песка не лепил?

Перейра ожидал, конечно, похожей развязки, не в такой, правда, откровенной форме и невыгодной для себя пропорции, но, прикинув, согласился и на нее, так как двадцать ведер за какие-никакие деньги — это все ж таки лучше, чем тридцать три ведерка, просто выкинутых весной на помойку. Да еще таскать!

— Ну и жулик же ты, Наум! — заметил при обмывании сделки Попсуев. — Такую говняную картошку хотел всучить по цене голландской. Сосед, называется!

— А она голландская! — возразил Перейра. — Говняная — это да, но районированная, нашего района. И никаких трансгенов и мутаций. В ней здоровье сибирской нации, клянусь мамой, с пальцами проглотить.

Зимой они пару раз побывали друг у друга в гостях, и каждый решил для себя летом дружбу скрепить окончательно и бесповоротно. До гроба. В переносном, конечно, смысле. Из-за болезни Попсуева дружба была отложена почти на год.

После рассказа о соседе Сергей показал мне свой цветник. В восстановленной теплице он выращивает роскошные гладиолусы, луковки

которых привез из Америки: «Джексонвилл голд» (Jacksonville Gold), «Берджесс леди» (Burgess Lady), «Джо Энн» (Jo Ann) и другие.

— Поставляете ко дворцу эмира? — пошутил я.

— Поставляю, — серьезно ответил он.

— Как настроение? — поинтересовался я, прощаясь с радушным хозяином. — Не мучает ли слава?

— Отлично! — признался Сергей. — Славы никогда не бывает много! Так же как и цветов!

От автора

Пожалуй, пора раскрыть небольшой секрет, который никто и не думал раскрывать пять лет. Под псевдонимом Кирилла Шебутного о Попсуеве писал... сам Сергей Попсуев. В пору своих изысканий на заводе Сергей принес несколько заметок на производственную тему в «Вечерний Нежинск». Материал случайно попал на глаза главному редактору газеты и заинтересовал его. Через два года Попсуев стал внештатным корреспондентом «Вечерки». Там у него появилась своя колонка. Где-то в 1993 году начался расцвет «желтой прессы», когда многие газетные полосы выкрасились в этот цвет активной жизненной позиции, смахивающий на детскую неожиданность. Сергей тоже опубликовал разоблачительные материалы о ряде лиц из ближайшего окружения мэра и губернатора. Поскольку газетные статьи никак не сказались на оздоровлении общества, Сергей перестал писать на эту тему.

Припозднившийся сосед

Перейра на электричку в 20:20 опоздал, следующая была только в 21:45, так что к своему обществу он добрался лишь к одиннадцати часам. День был будний, погода не баловала, в вагоне народу немного, и те пенсионеры да алкаши с бомжами. Где-то на полпути несколько граждан взяли друг друга за грудки и вышли в тамбур. С площадки донеслись шум, крики. Публика дремала. Не трогают — и славненько! Но все равно было тревожно. Перейра чувствовал себя неуютно.

На входе в общество мимо него из кустов ломанулось что-то темное, похоже — псина. Днем по городскому радио передали, что в соседнем обществе две собаки напали на дачниц, одну загрызли до смерти, а другой отгрызли руку. Перейра струхнул и на всякий случай безответно пнул тьму ногами. Пустота больно отдалась в спине. Пожалел, что не захватил с собой фонарик и не подобрал по пути палку или булыжник. На повороте к своей улочке прямо над ухом раздалось как гром небесный:

— Припоздился, сосед! Здорово!

Перейра глянул в сторону голоса и ничего не увидел: голос был, но без облика.

— Здорово... — пробормотал он и пощупал темноту рукой. В темноте ничего не осязалось.

— Я тут, — раздался голос свыше. — В гамаке. Из старого бредня. Классно придумал?

Перейра задрал голову — между двумя березами темнело что-то.

— Это ты, что ль, Валентин?

— А то кто же! — заржал тот. — Ворона! Кар! Кар!

— Да тихо ты! Разбудишь всех.

— Разбудишь их! — заорал Валентин и вдруг грянул: — Вечерний звон! Вече-ерный звон!

Перейра уже подходил к дому, когда поющему Валентину стали подпевать две или три собаки. Когда он взялся за калитку, ему показалось, что колыхнулась занавеска на окне. «Кто-то в доме!» — ударило в голову. Он замер, минут пять не отрывал напряженного взгляда от занавески, пока не заломило в затылке, а занавеска не расплылась темным пятном. «Что же я не взял фонарик?» — Делать было нечего, и он открыл калитку. — Забор надо делать с кольями, с колючей проволокой, калиткой на замке, рвом...»

Калитку он не закрыл, чтоб не скрипнуть, на цыпочках прошел к сараю и взял там кувалду, а потом подумал и прихватил еще серп. Обошел на цыпочках дом, пригибаясь под окнами, подолгу замирая от малейшего звука, идущего, как казалось, изнутри. Нет, вроде ничего не слышно. Затаив дыхание, он снял навесной замок, приоткрыл дверь, каждое мгновение ожидая нападения изнутри. Просунул руку с серпом внутрь, нашарил выключатель и включил свет. Свет разлился по дому. Перейра рванул дверь на себя и заскочил в дом.

Ни звука, только гулко кровь стучала в голове. И вдруг сзади раздался шорох, от которого он похолодел. Медленно, втягивая голову в плечи, взглянул в сторону шороха: бабочка билась о стекло!

Держа наготове серп и кувалду, заглянул в шкаф и под кровати. То же самое проделал на втором этаже, потом в чуланчиках под скатами крыши. В чуланчиках растратил последние нервы. Темно, если прятаться, так в них. От напряжения чуть не выпрыгнули глаза. Никого не было, а когда из зеркала на него уставилось чудо с чумными глазами, серпом и молотом, как на ВДНХ, Перейра криво улыбнулся ему.

Карлик и тени

Дело в том, что неделю назад в домике побывали незваные гости и напакостили как могли. Побывали не только в его доме, а и во многих по соседству. Взять ничего не взяли, лишь вывернули все из шкафов и перевернули вверх дном. Искали, понятно, выпивку с закуской, лекарства и деньги.

У Попсуева (там сейчас светило от телевизора окно), не найдя ничего, включили электроплитку, плеснули на притолоку керосин, подожгли и ушли тем же путем, что и зашли — через разбитое окно. Хорошо, не польхнуло. Керосин выгорел, оставив черные лишайи, а до пожара не дошло.

Такие же черные выжженные лишай остались у многих дачников и на душе. Была жара, сушь, и вспыхни пожар — не миновать беды всему обществу. Как водится в таких случаях, на втором этаже еще и навалили. Аккурат, сволочи, на середину покрывала.

* * *

Попсуев насмотрелся телевизора и, одурев от пустых передач, вышел подышать на крылечко. Шел двенадцатый час ночи. Тихо, никого, красота... Где-то заорал мужчина. Судя по направлению, силе голоса и тембру, а также отдельным словам, орал бывший его бригадир Валентин Смирнов. Ему лениво подгавкивали прирученные им два вольных пса. На остальных участках собаки молчали. У Валентина была разбитая в прошлом двумя женами жизнь, а в настоящем — две собаки, обе суки. Сук своих он называл девушками, а всех девушек — суками.

Во дворе под яблоней лежало что-то похожее на медведя. Кто это? Возле дома Перейры промелькнула тень. Иннокентий сегодня с утра уехал в город. Попсуев привстал над крылечком. Так и есть, кто-то шастает по огороду. Нагибается, замирает... прополз под окном... «Ну, паразит! — Сергей сжал кулаки. — Сейчас ты мне ответишь за все!» Тень исчезла.

Попсуев, замирая, всматривался и прислушивался к черноте пространства. Там что-то маячило. От напряжения свело шею и замерцало в глазах, он подумал было, что показалось, но тень вновь появилась, дернулась, исчезла.

Сергей прошел в сарай, отодвинул доску в стене и стал всматриваться в соседский двор. Вроде как прополз еще один — навстречу первому! Или показалось? Да сколько их там?!

В домике загорелся свет. Минут пять было тихо. Неожиданно дверь раскрылась и на крыльцо вышел карлик. Что за цирк? Приглядевшись, Попсуев понял, что это мужик на карачках. Лица не видно, но Сергею показалось, что тот смотрит ему прямо в глаза. Буквально впился в него взглядом!

— Ну иди, иди ко мне!.. — Попсуев нащупал кирпич. Фигура опять заползла в дверь, как в нору. Чего это он?.. Дверь закрылась. Послышался звук закрываемой щеколды. Свет погас.

«Что за карла? — соображал Попсуев. — Подождать, когда все ползут в дом? А сколько их? Позвать кого-нибудь? Кого, все спят... Валентина разве?»

Попсуев прислушался. Тихо. Валентин, похоже, угомонился. Его и не разбудишь сейчас. К Викентию податься? Без бутылки идти — не поймет. У сторожа кобель злющий на цепи, а сейчас наверняка отвязан. С псом у Викентия бессловесная связь: не успеет подумать, тот прет исполнять. «О! Так у меня же есть бутылка!» — вдруг вспомнил Сергей, вытащил ее из сумки и поспешил к сторожу.

Викентий

Викентий с вечера нервничал. Его достали жалобы дачников на произвол малолеток и бессилие властей. «Малолетками» называли парней с девками, которым делать было больше нечего, кроме как пить, ширяться да предаваться сильным желанием (по-немецки — trachten), а под «властью» имелись в виду, понятно, полномочия сторожа Викентия.

Викентий именно так и понимал свои права, так как председатель общества отвечал только за развал экономики общества, бухгалтер — за ее подсчет, а он — за практическую сторону вопроса и самую болезненную: растаскивание и уничтожение имущества граждан.

Охрана покоя граждан в последние год-два стала приносить одно лишь беспокойство, причем и зимой и летом. Если подвести баланс зарплат и ущерба для здоровья, получаются одни убытки. У Берендея с улицы Трех Лилий на днях сперли алюминиевую теплицу. Открутить не смогли, срезали ножовкой. Это у такого-то бугая — как только не боятся красть?!

— Я так и знал, — пожаловался тот Викентию. — Хотел ведь в гараж спрятать.

— Что ж не спрятал, раз знал? — спросил Викентий.

— Да...

— Это еще ничего, — стал утешать его Викентий, — погоди, тебе и крышу снимут. У тебя ж она тоже алюминиевая? Лестницы у них, наверное, большой не было. Не догадались у меня взять.

— Наверное, — вздохнул Берендей.

— Вот... А лестницу найдут — и крышу снимут. Сейчас всё снимают, что ты! Вон с бетонного блока почти все буквы совхоза «Имени XX съезда КПСС» сняли. Осталось «Имени X». Не дотянулись, наверное. А может, спугнул кто.

Шел Попсуев долго, так как спешил. Даже запыхался. Вот и домик сторожа. На выезде из общества, справа от Центральной улицы. У калитки лежит огромный пес, дышит — слышно за три дома. Из тех псов, что лают один раз. Лежит, голова на лапах, уверенный не только в себе, но и в Попсуеве — иди, мил человек, куда шел. Лампочка на столбе бросала размытый желтый конус света.

— К хозяину. — Попсуев показал псу бутылку.

Пес встал, потянулся, подошел к калитке, встал на задние лапы, передними на забор, обнюхал бутылку. Наклонив голову, он взял ее аккуратно в пасть. Сергей разжал пальцы, пес зашел на крыльцо, опять встал на задние лапы и надавил на дверь; дверь открылась. Пес скрылся внутри.

Попсуев ждал. Викентий мудро устроил, чтобы дверь открывалась вовнутрь. Пришлось как-то попотеть, выбираясь из заваленной снегом хаты. Через пять минут на крыльцо вышел Викентий. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, что он «хмур». Спустился с крыльца в сопровождении пса, подошел к позднему гостю, пригляделся.

— Помпей, пропусти, — кивнул и пошел в дом.

Попсуев осторожно прошел мимо пса. Викентий пил воду. Вытер ладонью губы, взял бутылку, стал изучать этикетку.

— Что привело?

— К соседу залезли, к Перейре. — Сергея вдруг взял сладкий озноб от предвкушения расправы с паразитами.

— Это хорошо, — одобрил Викентий, доставая с полочки два стакана. — К Иннокентию, значит, забралась? У него есть что взять. Я подозреваю тут двоих.

— А как же?..

— Обождут до утра. Чего впотьмах шарашиться? На зорьке и пойдем, как... как на рыбалку, — зябко хохотнул Викентий. — Ну, запечатаем!

Сморщившись, он выпил, пошарил рукой в столе, достал вареники в глубокой тарелке с синей каемкой, холодные, в застывшем масле.

— Закусывай, — подтолкнул тарелку к Попсуеву. Сам взял толстыми пальцами вареник и засунул его в рот. Долго разжевывал пятью зубами. — С творогом, не покупные. Моя делала. Сейчас помидорок пару сорву. — Викентий вышел. — А ты заходи в дом, чего прохлаждаешься?

Шумно дыша, зашел Помпей, скосил глаза на вареники. Сел напротив Попсуева и положил ему на колени тяжелую с крепкими когтями лапу. «Стережет, гад», — подумал Сергей.

— Хочешь? — Попсуев протянул вареник. Помпей аккуратно взял вареник крупными зубами и глотнул, не делая глотательного движения, вареник сам провалился ему в глотку.

— Ты аккуратней с ним, а то руку ампутирует, не поморщится, — сказал, заходя, Викентий.

— Я ему вареник дал.

— Вареники он любит.

— Может, потянем, чего ж так сразу? — спросил Попсуев. — До зорьки-то еще долго.

— Ничего, еще найдется. Скучать не будем. — Викентий махнул рукой в направлении холодильника. — Чего тянуть кота за хвост? — Он влил в себя стакан, как Помпей, не глотая. Задержав дыхание, понюхал локоть. Взял в щепотку вареник и отправил его в рот. — Во-от, заметно полегчало, — сказал он, светло глядя на Попсуева, и от полноты чувств предложил вареник Помпею. Пес не отказался. Сторож взял в руки пустую бутылку, посмотрел на этикетку, понюхал.

— Паленая. Теперь валяй подробности.

— Какие? — Сергей уже и забыл, зачем пришел к сторожу.

— Кто там к кому залез и зачем? По какой такой надобности?

— Надобность одна, — расслабленным голосом произнес Попсуев. Ему тоже полегчало. Он рассказал подробности.

Когда от второй оставалось еще по разу, Викентий выглянул во двор, полоски на горизонте еще не было.

— Ладно, пьем, и показывай, где это, — сказал сторож. — До света будем брать с поличным, по-партизански. Айда нижней улицей, Валентина прихватим. Для свидетельства. Полкан, на охоту!

— Он же Помпей?

— Когда охота — Полкан! Я его и называю по имени одного полкана, был у меня знакомый полковник, Помпей Хабибулович. Сгорел от спирта. Заживо. Фюйть — и нету, дымок один.

* * *

— Этот, что ли, дом? — спросил Викентий.

— Этот. Вон крыльцо.

— Крыльцо — погодь. Сперва к Валентину зайдем, чего это мы с тобой мимо его промахали? У него две дворняги, псовую охоту организуем! Как дворяне! «Особенности национальной охоты» видел? Ништяк! Ну вы, блин, даете! Помнишь? А-ха-ха!..

— Он обычно в гамаке спит, — сказал Попсуев. — Из старого бредня гамак соорудил.

Между березами в сетке никого не было.

— Снялся куда-то, — задумчиво произнес Викентий.

— С собаками?

— Да не, его псы попрятались, Помпея остерегаются. Где-нибудь тут.

— Руки вверх! — вдруг раздалось сзади. — Хэндэ хох, скинхеды!

Из кустов выскочили две собаки. Полкан-Помпей вздыбил шерсть и зарычал, но, признав своих девушек, притворно отвернулся. Те заластились к нему. Из кустов вышел Валентин с бутылкой в руке.

— Чего с ранья принесло? — откашлялся он. — Не спится?

— У тебя там что, осталось? — потянулся взглядом Викентий в сторону бутылки.

— Есть манехо. На глоток. — Он протянул бутылку, в которой было как раз на глоток, граммов сто семьдесят.

Викентий в раздумье поглядел на бутылку, на Попсуева, предложил тому бутылку, но рукой как-то в сторону, на отлет. Сергей отказался.

— Напрасно. — Викентий влил в себя, не делая даже одного глотка. — А-а... Напрасно, напрасно... — Сорвал две смородинки, поморщился.

— Бутылку мне. — Валентин забрал ее. — Тару собираю. На черный день. Тридцать две до двух тысяч осталось.

— Да-а? А где держишь ее, тару-то?

— Тебе скажи! В бункере. Вервольф. Две накоплю — и сдам! О, погуляем!

— Кислая у тебя смородина. Чего бабы носятся с ней?

— Витамины.

— Много они понимают. А мы ведь к тебе, Валентин. Айда орлов брать. У его соседа сидят.

— Залезли? — обрадовался Валентин. — Погодь, рубаху натяну.

Перейра спал беспокойно. Часа в четыре утра донеслись звуки со двора, замаячили три фигуры, причем две вертикальные, а третья, самая крупная, горизонтальная, вдоль земли. «Берут на грудь», — решил Перейра.

Фигуры постояли, о чем-то беседуя и глядя на его домик. «Идите, идите сюда!» — Перейра поиграл топором. Он с вечера натянул перед дверью леску. Леска, понятно, не спасет, но и трусливого отпугнет. Суньтесь, суньтесь!.. Это он придумал в прошлый раз и сам под леску всякий час подлезал.

Трое постояли и ушли. Перейра видел, как они миновали соседский участок — обнагтели вконец, ходят как у себя дома! Один вообще замер возле куста, паразит! Отливает никак? Потом вышли на дорогу и пропали в темноте, из которой бухнул пару раз пес. Минут десять было тихо. Перейра принял остаток и уснул.

Пробуждение его было ужасным. Во сне он попал в паутину, которую плел сам, запутался в ней до состояния куколки и вдруг будто темечком увидел, как на него спускается сверху кто-то мохнатый, а он не может пошевелить пальцем. Грохот разбудил его в тот момент, когда мохнатый сидел у него на шее и — он чувствовал это! — прицеливался клювом к артерии.

Перейра подлетел над кроватью, больно ударившись головой о крюк в стене. В момент выхода из сна мохнатый обдал его горячим дыханием, и Перейра понял, что это мохнатая собака-людоед. Стучали и колотили в два окна и дверь. Лаяли собаки, причем во множестве. Сердце Перейры колотилось громче кулаков.

Машинально открыл щеколду, понимая, что поступает неправильно, но по-другому из-за ответственности момента и мужского достоинства поступить не мог. Перед ним застыло несколько мужиков в агрессивно-настороженных позах. Лица хмуры, жестки, но и расплывчаты. Их окружала свора собак. Точно те, что погрызли людей. Никак суд Линча? Перейре показалось, что он весь почернел. Где же серп с молотом? Ведь я свой, свой!

Валентин с ревом пошел на злодея. Викентий ласково сказал Помпею:

— Полкаша, бери.

Громадный пес оперся лапами о плечи Перейры, возвышаясь над ним на целую собачью голову. «Это же тот, горизонтальный», — подумал Перейра.

— Да, твою мать! — в отчаянии тонко крикнул он, отступив на шаг назад.

Пес упруго упал на передние лапы и собрался повторить стойку, но Сергей вылетел вперед и гаркнул:

— Наум! Иннокентий! Перейра! Его нельзя!

Пес от крика Попсуева замотал башкой. Зато все прочие собаки зашлись в злобном лае. Через минуту, вырванное из сна, срывалось с цепей все собачье общество. Через пять минут сбежались соседи как минимум с десяти участков.

Сеансы святого Валентина

Первым, кого увидел Попсуев утром, был Валентин Смирнов. Судя по всему, он находился в приподнятом настроении, стоял посреди своего участка и улыбался.

— Привет, поэт! Чего лыбишься?

— Сочиняю рекламу. Заготовки в зиму делаю, «валентиновки» — ко Дню святого Валентина.

— Не знал, что в честь тебя день назвали!

— На огонек зайди под нашу кровлю, возьми рекламу — двигатель торговли! — проорал Валентин.

В середине девяностых годов реклама сделала Смирнова, оставившего завод, известным на всю округу как «нашего святого Валентина». Одной из первых запомнившихся населению «валентинок» стал слоган для фармацевтической фирмы по лечению мочеполовых расстройств: «Малая эрекция? Сделаем коррекцию!» Лозунг подхватили в женских коллективах и в начальной школе. Смирнову нравилось это словечко. «С вами доктор Елена Мальшева, — любил обращаться он к встречным девицам. — Поговорим об эрекции». Что удивительно, даже высоко-нравственные особы хоть и не обсуждали эту тему, но в ответ улыбались каким-то своим тайным мыслям.

Собственный словарь Валентин пополнял не только из радио- и телерекламы, но и из специальных книг, подаренных ему в начале поприща Попсуевым, и на семинарах, куда его приглашали в качестве популярного рекламщика. Смирнов свободно оперировал многими непростыми для разума граждан терминами эзотерики, как, скажем, эгрегор («душа вещи») и кундалини («энергия, сосредоточенная в основании позвоночника»). «Кундалини» стало вторым после «эрекции» любимым его словечком.

— Барышни! — часто могли услышать на остановке электрички три бабки, вечно сидевшие на поваленном тополе. — Хотите поднять кундалини?

— Это ты, милоч, лучше вон к ним обратись, — кивали те на мужиков, также вечно отдыхавших в придорожных кустах. — А мы свою не знаем, где опустить. Ты б нам лучше сказал, от комаров какое средство дешевле.

— Ванилин, барышни, ванилин! Да и где они, комары, нету их. Август пошел. Осталось-то два месяца — и зима!

Валентин подходил к мужикам:

— Здоров, мужики! Кундалини не желаете поднять?

— Два пузыря — чего хошь поднимем. Хошь кундалини, хошь мандалыни. Где?

— Да не мне, себе.

— А у нас и так настрой — выше некуда. Правда, Вась? А ты чего хотел-то? Выпить? Милости просим. Есть что для воссоединения? У нас общество на паях.

— Я к тебе чего пришел, — сказал Попсуев. — Дрель нужна.

— В сарайке возьми. Японская, с Владика привез. Эх, сколько друзей там оставил! Всех цветов, даже черного. С каждой мастью пил ее шнапс и, чтоб национальное самосознание не пограть, салом закусывал. Из-за дипломатии чего только не перепробовал! Собак, обезьян, какую-то хрень с клешнями... Что-то смородина в этом году осыпалась.

— Не, можно, конечно, и крысами питаться, но их даже коты не едят.

— Кот — самый разбалованный, самый никчемный на земле паразит. Пожрет — и яйца лижет. Мышей — и тех не ловит. Терпеть не могу котов. Я бы их, сволочей, всех вдоль моста повесил.

— Прямо Полиграф Полиграфыч.

— Не знаю такого. Думаешь, это я на них поклеп навожу? Были у меня коты. Один и посейчас шляется. Григорий по паспорту. Здоровый, сволочь, а палец о палец не стукнет. Весь в стихии диссидентского образа жизни. Работать хрен, только жрет да песни поет, а все недоволен. Раз прихожу с рыбалки, а кошек полон дом! Снял их где-то, привел, сам развалился в кресле, а те перед ним танец живота крутят. Я таким злым никогда не был. Так орал, что сам оглох. Кошки дверь вынесли, а мой, зараза, и не спешит, идет вразвалочку, все ему фиолетово, и хвостом играет, как мент палочкой. Я это воспринял как полное пренебрежение к нашей человеческой расе. И так он удачно на ногу пришелся, что потом летел через участок, как птица. С тех пор я ему отказал в доме. Но он наглый, залезет и где-нибудь да нага...

Вдруг Валентин замер.

— Погодь-ка. Вон он, гад! — перешел он на шепот.

Вдоль стены, вытянувшись в струнку, крался здоровенный кот. Валентин, схватив тяжелый, заранее припасенный сапог, пошел крадучись за «гадом», бросил что было сил, но не попал, так как кот за мгновение до этого кинулся в кусты. Сапог проломил штакетник и вылетел на дорогу.

— Убью, увижу еще! — заорал Валентин, насмерть перепугав как всегда незаметно возникшую Бегемотиху. Та в полуприсядь прошла метров десять, пока не пришла в себя и ответными воплями не стряхнула со смородины последнюю ягоду.

Никодим и Арья

Когда Никодиму Семёновичу, соседу Попсуева по лестничной площадке, было семь лет, тяжело заболела мать. Она болела и до этого, но тут вдруг в два дня ей стало совсем плохо. Мальчик знал, что болезнь —

это когда болит что-нибудь, зуб или живот, но когда у мамы лицо вдруг стало чужим, когда он спрашивал: «Мама, тебе больно?» — а она не отвечала, Никоша растерялся. Ему вдруг показалось, что он никому не нужен, и он чуть не заплакал. Он держал маму за вялую руку и не знал, что делать. Чем помочь ей, он не знал. Старался скорее сделать то, о чем просил отец, и делал это с серьезным лицом и поджатыми губами. Отец хлопотал возле матери, предлагая той для смягчения болей то кисель, то компот из жердел, но мама, исхудавшая и почерневшая, как ветка той же жерделы перед Покровом, покрытая испариной, бессмысленно глядела на него и только стонала.

Единственный врач жил на другом конце станицы. Отец дал деньги и, вытащив из сараюшки разбитый велосипед, послал сына за лекарством. Вихляя всем телом, мальчик закрутил педали. Доктор буркнул, что денег не хватает и уже ничто не поможет, но все равно дал бутылочку, написав на бумажке, как принимать лекарство. Никоша помчался домой, из последних сил вращая тугие пощелкивающие педали. На песке велосипед занесло, и мальчик упал. Флакон с лекарством разбился. На доньшке осталось лишь несколько капель. Никоша показал их отцу. Тот вскочил на велосипед и покатил к врачу. Лекарство опоздало. Мама умерла. Она лежала и улыбалась, будто наконец-то ей выдалась минута покоя, и ребенок подумал: «Вот взяла и ушла».

Мальчик вырос, служил в армии, после которой остался в Нежинске и до пенсии протрудился на Нежмаше. Его и по сию пору иногда мучают кошмары. Снится сон: он сломя голову летит за лекарством и боится опоздать. Бешено крутит педали, а они стопорят, и ему приходится продавливать их всем своим весом, прокручиваются, и он грудью бьется о руль; и снова на повороте, где на дороге песок, заносит заднее колесо, и он падает, падает, падает... А потом ему, упавшему, протягивает руку мать, а он чувствует, как скользит куда-то в пропасть, что позади него, но не смеет подать матери руку.

Больше всего Никодим Семёнович страдал оттого, что его никто не любил. Так ему казалось. Мама мало говорила ему о своей любви, ей было просто некогда, но он до семи лет ощущал ее любовь беспрестанно, как летнее тепло, даже когда солнца нет. Вместе с ней ушло и это мягкое тепло. До сих пор память о том тепле сохранилась в нем и согревает его в его затянувшемся одиночестве.

Жил Никодим Семёнович бирюком, хотя на работе со всеми, в том числе и с женщинами, был в ровных приятельских отношениях. Однажды (ему тогда не было еще и пятидесяти) он шел с работы с тридцатилетней Ольгой, разведенной и оттого жизнерадостной. Он на нее имел виды, о которых та, скорее всего, не догадывалась, но, узнай, не возражала бы. В парке к ним подбежал кокер-спаниель, попрыгал возле Ольги и Никодима Семёновича, потом возле мамаша с ребенком. Малыш с радостным изумлением глядел на собачку, пока его мама не сказала хозяйке песика:

- Да придержите же свою собаку!
- Жизнерадостный кокер, — сказала Ольга.

- Слышала, малыш спросил про него: «Она любит меня, да?»
- Понятно. Ребенку не хватает любви.
- С возрастом мы предпочитаем любить, а не быть любимыми.
- А разве это не одно и то же?
- Да как сказать?..

Этот пустяковый, на первый взгляд, разговор помешал развитию более близких отношений. Никодим Семёнович хотел, чтобы избранница его сердца была не просто любима им, а и сама любила его.

В шестьдесят лет Никодима Семёновича проводили на пенсию, пожелали ему здоровья, долгих лет жизни, надали ненужных подарков, а друг из Института генетики доктор Гвоздилин вручил плетеную корзинку, издававшую визг. В корзинке оказался трехмесячный поросенок.

— Это карликовая свинья, мини-пиг, чистоплотнее кошки. Вот пособие, тут все: кормление, дрессура, купание, развитие. Свинк-сыщик, круче комиссара Мегрэ. Опиум, марихуану за версту распознает. Гриб-артишок в центре Земли чует. В Израиле мины ищет...

— Да я не иду марихуану и мины... — растерялся Никодим Семёнович.

— Вот и отлично, будет чем на пенсии заняться!

Никодим Семёнович души не чаял в своей питомце. Выгуливал, мыл в корыте, кормил с рук. Свинка была не очень крупная, с довольно смышленным рыльцем. Жила она на кухне, в специально отведенном для нее месте, любила смотреть телевизор, предпочитая первый государственный канал, а в последнее время — «Культуру». Никодим Семёнович называл свинью Арьей Петровной, а остальные — просто Арьей.

В квартире, понятно, был беспорядок. Знакомые давно уже прозвали это жилище свинарником, но терпеливо ждали, когда Никодим Семёнович пригласит всех на шашлычок или на мясо в горшочках. Каково же было всеобщее разочарование, когда узнали, что тот на старости лет стал вегетарианцем. В сердцах прозвали Никодима Семёновича свинтусом, а свинке подарили шелковый бантик в розовый горошек — в память о разбитых надеждах.

— У мира один девиз: «Жизнь, отданная еде», — убеждал по телефону Никодим Семёнович журналиста Кирилла Шебутного. — Но мы не должны уподобляться этому. Нам нужен иной мир. Не тот, — он ткнул пальцем в слегка облупившийся в трещинах потолок, словно журналист мог видеть его, — а другой, — и он широко повел ладонью перед собой, этим полукругом фактически исчерпав площадь прихожей однокомнатной хрущевки.

Журналист почему-то брал интервью по телефону, и Никодим Семёнович, мало интересовавшийся городскими сплетнями, через час узнал от Попсуева, что этот Шебутной — известная в городе личность.

— Журналиюга, — сказал Сергей. — Знаю его. Обо мне писал несколько раз. Выспросит по телефону, это у него манера такая брать интервью, что ему надо, все ему расскажешь как на духу, а он напишет чего

отродясь не было. И знать не знаешь, кому идти морду бить. А он, может, с тобой в одном подъезде живет.

— Да что же он опубликует такого, — спросил Никодим, — за что надо морду бить?

— Да что угодно. Вот напишет, что сожительствуешь с Арьей.

— Брось! — оторопел Никодим.

— Запросто. Сейчас и не такое пишут. Не читал, что ли?

— Не, в нашем подъезде он не живет. Тут такие не живут.

— Ага, много ты знаешь... К хряку Арью не водил?

— Что ты! Она сама невинность.

— Невинность спокойно переносит?

— Как всякая высокоморальная особа.

— Девятнадцатый век, — вздохнул Сергей. — У моего знакомого тоже свинья есть, он в пригороде живет, в своем доме. Как-то ее к хряку свозил в люльке мотоцикла. А потом замучился: только к мотоциклу направится, свинья в люльку лезет. И не выгонишь, огрызается.

— Моя не такая.

— Тургеневская девушка, — согласился Попсуев.

Шебутной в «Вечерке» поместил заметку «Никодим и Арья — вместе пять лет», с фоткой, на которой была запечатлена «свинячья парочка». Когда Шебутной фотографировал его, Никодим Семёнович вспомнить не мог.

В пятницу Попсуев пригласил Никодима Семёновича на дачу. Из-за коротеньких ножек Арью пришлось посадить на площадку, чему она шибко не противилась. На полпути зашли контролеры, и их с большим трудом удалось убедить, что свинье намордник не нужен, так как она не лает и не кусается.

— Помню, в восьмом классе, — сказал Попсуев, когда контролеры отстали, — я до смерти напугал киоскершу. Вредная была: к киоску подойдешь, вечно гонит, как воришку. Взял я копытце свиное, вложил в него рубль и протягиваю в окошко — дайте, мол, конвертик. Она-то конверт подала, а потом потянулась к деньгам, глянула да как заорет! Меня самого оторопь взяла. Дунул от киоска, не помню как. Потом его за версту обходил, пока киоскерша не сменилась.

— Ты нам, Сергей, больше таких историй не рассказывай. Видишь, Арья пригорюнилась? Растревожил ты ее. Не надо больше так, у нее тонкая конституция. А то про копытце чересчур трагично.

— Да это ее контролеры смутили своей черствостью. Из другого века они.

Взяли и съели

— Какая у тебя дача! — восхищался Никодим. — Я ведь за всю жизнь не был ни на одной даче! Как-то все город, город... А по путевке поедешь, там все равно не так. Суета... Какой воздух, простор, тишина!

Свинка же и вовсе блаженствовала. Розовая и жизнелюбивая, как детище Рубенса, Арья Петровна то гуляла по участку кругами и подрывала землю, где ей заблагорассудится, то громко чавкала, вырыв какой-нибудь корешок, сидя на заду и поблескивая глазками. После обеда она любила поспать под скамеечкой на веранде. Блаженный покой Арьи был нарушен лишь единожды: в субботу мимо участка проехали два молодых человека на велосипедах, увидели свинку, спешились и поманили: «Кис-кис-кис! Хрюша, покажи личико!» Доверчивая Арья подошла к ним. Один из парней тихо приоткрыл калитку и попытался схватить свинку, но недооценил силу животного. Арья с пронзительным визгом вырвалась, цапнув его зубами за руку.

— Ах ты, сволочь! — вскрикнул парень, и в это время из домика на шум вышел Попсуев.

— Чего надо? — спросил он, подойдя к калитке.

— Шоколаду! — ответил парень, пряча руку за спину.

Вышел Никодим. Парни сели на велосипеды и, матерясь, уехали.

Об этом инциденте тут же забыли, так как наступил чудный летний вечер. Сергей с Никодимом уселись на скамеечке и, потягивая пиво, неторопливо передвигали шахматные фигуры. Игра носила непринципиальный характер, оттого разрешалось возвращать ходы и даже начинать партию по новой. Часто противники советовали друг другу сделать тот или иной ход, а то и передохнуть пять минут и набраться сил. По ходу игры они выяснили, почему Арья обходит подворье по часовой стрелке, а не против. Никодим Семёнович объяснил это особым устройством свиного вестибулярного аппарата, который не позволяет не только опрокинуть свинью на спину, но и заплутать её на местности. А Попсуев приплел, что свиней в географических путешествиях вместо компаса использовали Геродот и Страбон.

— Вот уеду в город без нее, она найдет дорогу, придет к дому, — сказал Никодим Семёныч.

— Да не уедешь ты без нее, жалко станет.

— Это другое дело. А так можно было бы провести эксперимент.

— Лучше не надо. Сожрут еще. Не люди, так собаки. А вообще-то животные более приспособлены к жизни, чем мы думаем о них. Во время Первой мировой одного английского солдата родной кот нашел... знаешь где? Покинул Англию, пересек Ла-Манш, добрался до Соммы — и к хозяину напрямик в окоп. Надо про кота Валентину рассказать.

В это время к Попсуеву пришла соседка слева Нина Семёновна.

— Здравствуй, Нина, — сказал Попсуев. — Сядь где-нибудь, мы сейчас партейку доиграем, пару минут.

Глянула Нина Семёновна туда-сюда: скамейка занята, сбоку есть место, но под ней свинья лежит; села на табуретку.

Послышался скрип калитки. Пришел Михаил Николаевич, сосед справа. Принес что-то, завернутое в клочок газеты. Стал разворачивать. Думали, махорку достанет курить.

— У меня тут сюрприз показать есть. Всем показываю. — Он достал небольшой металлический предмет на стерженьке.

— И что это? — взялась Нина за предмет. — Медальон?

— Зуб!

Нина отдернула руку и сплюнула. Удовлетворившись произведенным эффектом, Михаил Николаевич пояснил:

— Мешал. Вертится, вертится — ни поест, ни закусить. Я его и так пробовал взять, и эдак, и пассатижами — никак!

Шахматисты и Нина содрогнулись, оцупали щеки.

— Хотите... быть расскажу? — задумчиво произнес Миша, заворачивая зуб в газетку. — Зуб-то вот тут был, — раззявил он рот, показал одну из дырок во рту. — Два раза рвал. Не шел.

— Ну и что? — не вытерпела Нина.

— Да вот, такая вышла быть. Не шел... — помолчал и продолжил: — Потом вспомнил... в календаре прочел, как зубной врач протянул нитку от зуба пациента к дверной ручке и кричит: «Следующий!» И я ниткой его привязал к двери, головой дернул, он и вылетел. Ничуть не больно. Так, сукровица чуть-чуть. Жене говорю: хочешь, кулон подарю? Взяла в руки, разглядывала его, разглядывала. Станный, говорит, предмет, кто такой? Зуб, говорю, вот кто. Тьфу, сказала. Не приняла подарка. Вон, до сих пор орет...

Действительно, на их дворе было беспокойно. Бабка кричала соседке через дорогу об очередном проступке деда. Правда, слышалось чаще не слово «зуб», а «паразит».

— А ведь он вполне еще ничего. Нитку продел и носи. О, блесит.

— Вставить не пробовал?

— Пробовал. Не ставится. Чего ты хочешь, не мой, вот и не ставится. Два дня в кармане таскал, пока не решил: раз не мой, так уж тогда подарок или экспонат. Подарок вон не приняла, — махнул рукой в сторону своего дома.

— Экспонат пойдет, — сказала Нина, два раза посещавшая музей, краеведческий в Нежинске и Исторический в Москве. — Там за стеклом очень даже прилично будет выглядеть.

— Ладно, пойду дальше показывать, — откланялся Михаил Николаевич.

Шахматисты приступили к эндшпилю, а Нина Семёновна снова уселась на табуретку. Поглядела на игроков, потом на свинью — холеная, с бантиком, лежит, ноги выставила свои свиные из-под скамейки, — встала и с обидой бросила:

— Я потом зайду.

— Заходи, заходи... — пробормотал Попсуев.

— Миша приходил, сдурел, зуб выдрал, ходит и всем показывает, как медаль. А сосед и вовсе сбрендил, — пожаловалась Нина супругу. — У него теперь свинья живет, так на скамейку и не сядешь: оне отдыхают!

— Да это приятель его Никодим со свиньей приехал к нему в гости.

— Одна холера. Вот к нам кто корову привезет, я ее что, под образа помещу?

В воскресенье Сергей и Никодим проснулись поздно. Вышли, потягиваясь, на крыльцо. Денек обещал быть прекрасным.

— А где Арья? Арьяшка! — позвал Никодим Семёнович.

Искали полчаса. Свинки нигде не было.

— Под домом глядел? В баньке? — спросил Попсуев.

— Глядел... Нету.

Крайне удрученный, Никодим сел на скамейку и забормотал:

— Пропала Арьяшка, пропала детка...

Попсуев не хотел верить в непоправимое:

— Надо по радио объявить. После двух в конторе бухгалтерша будет.

Бухгалтерша прочитала по бумажке:

— Товарищи садоводы! Кто видел свинку с голубым бантиком в розовый горошек, просьба сообщить в правление общества или по адресу: Цветочная, сто пять, за вознаграждение.

Уже ближе к вечеру к Попсуеву заглянул Валентин.

— Чего стряслось? — спросил он. — Ты чего, свиноферму развел? Это хорошо, в зиму сало будет, к моим «валентиновкам»!

Сергей приложил палец к губам, увел Смирнова за угол и рассказал ему о случившемся.

— Не шуми. Для Никодима это трагедия. И я себя чувствую крайне паскудно. Пригласил отдохнуть — и такое... Не дай бог, что случилось с Арьей...

— Пойду поищу. Все равно делать нечего. Викентия с его псом сблатую.

— Постой, и мы с тобой, чего сидеть и ждать!

Викентий надел на Помпея поводок и повел искателей по закоулкам общества. Уже стемнело, когда он привел их на южную оконечность острова.

— Чую, тут, чую, тут! — несколько раз произнес сторож. — Я тут наблюдал за одной парочкой...

Чутье не обмануло старого охотника. На поваленном клене у анкера сидели два парня. У столба стояли два велосипеда. Горел костерок.

— А вон они. Стой-ка, я один. Подержите пса. Полкан, сидеть!

Парни молча смотрели на мужиков. Викентий подошел к ним. Под фонарем было светло, и видно было, что парни особо не напуганы. На шее одного из них был повязан бантик в горошек. Он встал и сделал шаг навстречу сторожу.

— Чего надо? — спросил он.

— Шалим, ребята? — Викентий подошел к нему вплотную. — За шалости надо отвечать. Перед законом. А закон тут — мы.

Парень ткнул рукой сторожу в лицо, но тот легко отклонился и перехватил ее. Парень стал шипеть, материться, извиваться, как пойманный зверек, вырывать руку, лягаться.

— Да тише ты, озверел, что ли? — Викентий вывернул парню руку. — О, кастет. Что ж, дурь надо выбивать. Адекватным образом... так, сынок? Не ссы, разок всего. Зато память на всю жизнь. Орден тебе сейчас навесим. «От отечества, с любовью». Валь, берись, а вы того придержите...

Валентин взял парня за другую руку. Повернули его к столбу и, взмахнув им, ударили плашмя лицом и грудью о столб. Парень даже не вскрикнул. Потом отбросили его в сторону, как пустой мешок. Второй парень опустился на землю и, сжавшись, как зародыш человека, выставил вверх руку. Викентий схватил его за эту руку, Валентин за другую — и урок повторили. Первый парень, отплевываясь, сел, прислонившись к столбу. Викентий наклонился над ним, брезгливо, одним пальцем поднял его залитое кровью лицо вверх и произнес:

— Усек?

Парень что-то буркнул в ответ.

— Не слышу... Повторить?

Парень промычал:

— Не-ет...

— То-то. Урок окончился, звонок на перемену. Пошли отсюда. Кстати, Сергей, это они чуть не спалили твой дом.

Попсуев оглянулся. Один парень так и сидел возле столба, другой лежал.

— Ребята, не перестарались?

— У их родителей спроси, — ответил Викентий.

— Вот и я о том же, — не понял Попсуев. — Подадут в суд.

— Верховный? Или Высший? — усмехнулся Викентий. — Или в Гамбург? На кого — на себя?

Пирамида Хе

Попсуев очистил стол, разложив на нем лист ватмана, приколот его кнопками к столешнице и стал чертить пирамиду Хеопса в масштабе 1:300, со стороной основания и боковым ребром 0,768 метра и высотой 0,487 метра.

На расстоянии 0,162 метра от основания пирамиды, на одной трети общей высоты, Сергей начертил потолок с квадратным лазом посередине. «Тут будет холодильник. Потолок укрепим подпорками». На четырех листах поместились три проекции и аксонометрия. «Если увеличить в десять раз, в одну тридцатую от натуральной величины, вполне впишется в участок на место баньки, гаража, сараюшки и теплицы. Их придется снести, но ничего, машины все равно нет, будку потом на углу участка поставлю, а теплица и не нужна, пирамида заменит, все затраты окупит... Баньку жалко. Так в пирамиде днем и попариться можно будет! Там, как пишут, температура внутри поднимается выше пятидесяти градусов. Удивительно, что в такой жаре молоко не скисает и рыба не портится. Ближе к домику, конечно, и выше его, но ничего. Лес — не проблема. Чуприна

подсобит. Главное, восьмиметровый брус найти, на стропила. Пленкой затяну. Самое сложное — без гвоздей обойтись, чтобы не исказить поле. Пластмассовые саморезы, уголки нужны. Берендей достанет. Если что не так пойдет, Михаил Николаевич поможет».

За два дня Попсуев снес сарай, гараж, разобрал теплицу, сровнял грядки. Под стеной дома аккуратно сложил отдельно бревна, доски, рейки, планки. Гвозди, уголки, швеллеры, трубы свалил в кучу. Участок приобрел неосвоенный вид.

— Перестройку удумал, — кивала на его двор соседка Нина Семёновна. — Чего затеял? Дом справный был, все на своем месте. Эх, Марья, Марья, нашла, кому продать дом! Тьфу! И Таньки чего-то не видать...

— Может, виноградник решил разбить? — спросил не слишком крепкий умом ее супруг.

Когда Попсуев принялся за баньку, к нему заглянул председатель общества Яхонтов.

— Как поживаете, добрейший Сергей Васильевич? — из калитки задал председатель вопрос, не заходя во двор.

Попсуев ничего не ответил ему. Председатель потоптался, оглядывая разруху, вздохнул и ушел несолоно хлебавши.

— Похоже, того, *приехал* Попсуев, что у Денисыча дом купил, — констатировал Яхонтов на правлении. — Полная пирамида в мозгах. А на участке одни развалины. Чечня какая-то. Урус-Мартан! Как бы не спалил чего, а то сушь — полыхнет, не остановишь.

Правление минутой молчания сопроводило эту информацию. Каждый успел обдумать насущные проблемы. Затопления избежали, а уж пожар совсем некстати. Федотыч брус старый продает, Сясько — вроде как новую моторку.

Когда чертежи были готовы, Сергей повесил их на стену, полюбился ими и подписал аксонометрию: «Пирамида Хе». Теперь достать материал и построить.

Накупив справочников, пособий по строительству загородных домов и коттеджей, Попсуев погрузился в стропильные ноги, откосы, шпренгели, затяжки, коньки, ригели и прочие премудрости. Когда он дошел до понимания того, что постройка обычного чердака — искусство, к нему зашел Перейра.

— Мыслишь, сосед? — спросил Иннокентий и стал оглядываться, чего бы утянуть для хозяйства. Ему было грех зайти к кому бы то ни было и уйти без полезного приобретения или без глотка-другого задарма. Выпивки не было. — Следовательно, существуешь... — подобрал он подвернувшееся слово.

Безучастно скользнув взглядом по раскрытым книгам и листам ватмана, Перейра заметил на шкафчике круглый напильник и было потянулся за ним:

— Напильника круглого, случаем, нет?

Попсуев отрезал:

— Нет, сегодня нельзя ничего давать, так как ничего не будет возвращено. День такой! — Глаза Попсуева светились, как у голодного.

Перейра ошеломленно смотрел на приятеля, так как и не думал возвращать ему напильник. «А чего это у него за чертежики на стенах?»

— Никак... теплицу удумал строить, сосед? Интересная форма — пирамида. Я такой не встречал. Про них пишут, будто они урожаи дают черт-те какие.

— Пишут, пишут, — успокоил соседа Сергей. — Ты чего пришел?

— Хочешь, помогу? Достать чего, молотком постучать. Я по этой части мастак. Два дома поставил.

— Сколько возьмешь?

— Сколько, сколько... Сколько надо, столько и возьму.

— Э, нет, сосед. Твои ведерочки мы знаем. Давай на берегу договариваться. За день сколько просишь?

— Сколько, сколько... — Перейра напряженно думал, как бы не прогадать. — В рублях не будем, вещь ненадежная. Давай так: два пузыря в день.

— Хорошо. Но оплата после сдачи объекта. Кстати, насчет молотком постучать... Надо обойтись без металлического крепежа и гвоздей.

— Кизи удумал строить? Достанем нейлон. За отдельный пузырь.

— Нет уж, Иннокентий. Два пузыря в день, никаких премиальных! Откуда про Кизи знаешь? Бывал?

— Бывал. Вот где чудеса. Церковь совсем без гвоздей. Гвоздочками чешуйки на куполах прихвачены, махонькими. Мастер там был, Нестор-плотник, все одним топором сработал. А потом, говорят, топор бросил в озеро и сказал: «Писец!»

— Вот и ты как сделаешь, так и бросай свой топор в Бзыбь.

— Ага, нашел дурака! Я не брошу!

Молния с небес

Наконец пирамида была готова. Она празднично сияла на восходящем солнце, отражая его лучи, казалось, в самые темные уголки Вселенной. Попсуев не мог нарадоваться на строение. «Пасхальное яичко! Неделю-другую проверим ее свойства, а потом как-нибудь зайду в нее и...» Сергей поймал себя на том, что думает об этом без почтения, с иронией, но куда деть ее, если она была?

В обществе о пирамиде знали уже все. Не раз, проходя мимо участка Попсуева, кто с пониманием разглядывал чудную конструкцию, а кто и вертел пальцем у виска. Но когда все прослышали, что пирамида затачивает ножи и бритвы, что в ней не портится молоко и мясо и проходит головная и поясничная боль, потянулась вереница желающих испытать это сооружение и оздоровиться.

Настал «День Хе», который Попсуев вычислил, наложив на точные географические координаты пирамиды Хе ее геометрические характеристики, сопоставив лунный и солнечный календари, а также уточнив ряд

параметров пространства-времени из переведенных древнеегипетских книг. В 20:15 пора было входить. На калитку Сергей повесил табличку: «Сегодня день профилактики».

Утро выдалось солнечным и тихим, наполненным праздничным настроением. Но после обеда погода испортилась. Небо придавило землю, будто мраморной плитой. Выси заурчали, как гигантское брюхо, упали крупные капли дождя, оставляя расплзающиеся темные пятна, зазмеились ручейки. На несколько минут дождь вроде стих, а потом разразился с новой силой. Казалось, вокруг дома выросла сплошная завеса дождя. За полчаса участок покрылся мутной пузырящейся водой. Исчезла улица, дома вдоль нее. Ливень скрыл все. Не было видно и пирамиды. Она лишь угадывалась по треугольному контуру и шуму, с которым бились струи о ее поверхность. «Как же так?! — сокрушенно подумал Сергей в 19:53. — Теперь надо по новой рассчитывать все...»

Неожиданно дождь иссяк и вместо серой массы облаков небо контрастно засинело, зачернели грозовые тучи.

«20:08, успею». Попсуев влез в резиновые сапоги, но тут раздался первый раскат грома. За ним другой, третий... Что тут началось! Молнии хлестали землю, как озверевший погонщик взбесившееся стадо. Синий зигзаг ударил в пирамиду, а из зенита раздался страшный треск. Сооружение вспыхнуло как спичка и в одну минуту сгорело. На часах было 20:15.

И тут же кончилась гроза.

«Громоотвод не сделал!» — повторял Попсуев, ошеломленно глядя на огненный танец, и когда на месте врат Дуата остался один лишь черный след, к калитке подошла старушка и попросила милостыню Христа ради. Сергей взял у нее из рук пустую сумку, выгреб в нее продукты из холодильника и вернул.

— Храни тебя Господь, сынок!

Под утро возобновился дождь. Лило три дня, будто Всевышний согнал к Колодезной тучи со всего света. Река разлилась и побурела. Скрылся под водой вместе с травой и кустами приречный луг. К электричке продирались на резиновых лодках, плотиках, автомобильных шинах, а то и вплавь. Началось сущее наводнение. Плыли деревья, заборы, человеческий хлам. Показалась крыша, на ней возле трубы сидел огненно-рыжий петух. Похоже, плыл он уже давно, крыша то и дело цеплялась за дно или деревья, надолго застревала на одном месте, пока ее не разворачивало и не уносило дальше. Странно, что на беднягу еще не обратили внимания хищные птицы. Незавидная у него судьба. Попсуев взял у Валентина лодчонку и поплыл спасать пернатого.

— Ты куда?! — кричали «спасателю», смеялись, тыкали в него пальцем. Но он благополучно добрался до пристанища петуха, и тот сам съехал к нему в руки.

— Ну что, Петя, славный наш моряк, наплавался? — погладил Попсуев петуха, как кошку.

— А то, а то, а то! — ответил тот и неожиданно распрямил крылья, забил ими и, изогнувшись, как гимнастка, заорал на всю ширь реки. А потом от полноты чувств клюнул Попсуева в руку, но не больно.

— Вот, Никодим, тебе подарок. За себя боюсь, я изверг, сожру мореплавателя, у тебя ему спокойней будет. Курочек подсадишь, потомство у Крузенштерна пойдет.

Снова встретились

Сергей встретил Несмеяну в трамвае. Они зашли в разные двери, в середине вагона столкнулись, сели рядом и с минуту молчали. В эту минуту стало ясно, что в каждом из них есть то, чего не выразить словами и взглядами, разве что прикосновением. Такая минута не создана для общения, но подготавливает его. А когда две бездны соприкоснутся, они дадут вечность.

— Как живешь? — спросили одновременно друг друга и не подумали улыбнуться.

— Выйдем, — сказал Попсуев, увидев гостиницу «Южная». Он поднялся и направился к выходу. — Зайдем в бар.

В баре никого не было. «Это знак, — подумал Сергей. — Нам никто больше не нужен». Он взял коньяк, кофе, пирожные.

Они сидели на высоких стульях за стойкой, глядели друг другу в глаза, ждали чего-то друг от друга, и каждый не решался первым произнести слово или взять другого за руку, хотя оба хотели этого. Попсуев заметил на ее коленке маленькое белое пятнышко. Это была крохотная дырочка в незаметной штопке. У него сжалось сердце. Ему стало жалко Несмеяну. Видно, в ее центре туго с зарплатой. Он вспомнил дырку в своем носке в первый приход к ней...

— Хорошо, — сказала Несмеяна, выпив коньяк. — Кофе и коньяк — хорошо... Это что, пролог? К чему?

— К эпилогу. Давай особо не мудрить.

— Ты хочешь по-простому? Сразу в номер?

— Ой, не надо! — оборвал ее Попсуев. — Разве что изменилось?

— А разве нет?

— Разве нет, — спокойно ответил Попсуев. Он решил воспользоваться ее же оружием — спокойной уверенностью в истинности своих слов. Вот только хотел говорить при этом ласково, нежно, искренне, а получалась словесная рубка. И никакой уверенности в своей правоте!

— Мне закрыть глаза на все, что произошло?

— А что произошло?

— Произошло — для тебя, может, и ничего, а для меня — все.

— Не думал, что тебя это трогает. Ведь ты сама выгнала меня из дома.

— Я?.. Выгнала тебя?.. Прощай. — Несмеяна слезла с высокого стула. — Полагаю, заплатить есть чем?

Попсуев молча глядел ей вслед, боясь остановить ее голосом или силой.

Неожиданно она вернулась.

— Чего ты хочешь от меня, изверг?

— Я — ничего. Я хочу покоя.

— У тебя нет его? Бедняжка.

— Не жалею меня.

— Ты же семейный человек, Попсуев. Неужто не обрел счастья в семейной жизни? Дачу купил у Семушева? Сыночку родил? Чего тебе надо еще для спокойствия? Меня? Со мной его не будет.

— И не надо. Зато со мной будешь ты!

— Тише, чего раскричался? — Несмеяна взобралась на стул. — Кто это придумал такие насесты? — Она в раздражении смотрела на Сергея.

— Не я.

Только сейчас Попсуев понял, как ему плохо было без Несмеяны. Ее отсутствие он ежедневно ощущал потерей самого себя. Он не знал, чем заниматься, о чем думать. Не стало в жизни ни неба, ни горизонта. Исчезла из мыслей глубина, а осталась одна лишь необозримая унылая ширь, пустыня египетская. Нет больше полутонов, которые и дают только прелесть проживаемым дням, напоминающим утренние или вечерние сумерки, когда испытываешь нежность к другому человеку. О чем бы ни думал Попсуев, Несмеяна была неотвратима, как зима. В России много чего может и не быть, вот только зима будет всегда. «Но зимой должна управлять Снежная королева!»

— Чем занимаешься? — спросил он.

— По выходным хожу на рынок. Обхожу все ряды, рассматриваю продукты, прицениваюсь...

— Зачем?

— А низачем. Так просто. Время наполняю содержанием. Походишь пару часов, купишь чего-нибудь и домой плетешься. Чем не досуг? Полезное с приятным. Хватает на неделю, до следующего воскресенья.

«На рынке забываешь обо всем и не думаешь ни о ком, — не сказала она. — Там все продается и все покупается, и кажется, что и в жизни так. Там столько всего, на что тратишь деньги, а значит, и жизнь, и это рождает иллюзию полноценности жизни».

— А я по выходным просто хожу по улицам...

— И как? Что видишь нового?

— Пустоту. Слышал, ты... в больнице была? — осторожно спросил Сергей.

— Была, — просто ответила Несмеяна и засмеялась.

— Ты чего?

— Думала, спросишь: «Что делала там?» Умерла. А потом вдруг ожила. — Несмеяна задумалась, но тут же спохватилась: — Но это уже не я. Другая я. Когда ты сказал: «Давай особо не мудрить», — я почувствовала тошноту. Вот тут.

— Прости.

— Да-да, словно попала в яму с нечистотами. Как ты мог?

— Прости, это был не я. Это во мне тоже *другой*. Только не новый, прежний.

Другого Сергей ощущал в себе как головную боль, но в то же время совершенно бесплотно, как и угрызения совести, которые всегда следовали за *его* приходом. Вернее, после того как *он* уходил из него непонятно куда. Скорее всего, прятался под камень в глубине сердца. «Да нет, какой камень? Другому не надо прятаться, *его* и так не увидеть в темноте».

— Я знаю это, — произнесла Несмеяна. — А я видела Небесную Русь.

— Что? Когда?

— Когда умерла. Я раньше боялась слова «смерть», а теперь нет. Оно обычное, как «утро», «день», «вечер», «ночь». Там похоже на Углич. Площадь, посередине возвышенное место, вровень со стенами, башнями, колокольнями... Колокола ударят, и звон не плывет, а разом наполняет всю пустоту, какая есть на свете. И будто стою я возле стен собора. Из белого камня, крупного, неровного, соразмерного общему замыслу. Гляжу на стену и думаю: это Небесная Русь, каждый человек — камень в кладке, без него будет брешь, и стена падет.

— А мы там были?

— Мы? — Несмеяна на мгновение изменилась в лице. — Там нет места грешникам. Но места для них есть.

Попсуев не мог оторвать глаз от Несмеяны, сияющей внутренним светом, исходившим от ее лица, глаз, улыбки, легких движений рук. «К ней страшно прикасаться. Она не создана для прикосновений. Прикоснешься к ней — и убьешь».

— Как он прекрасен, — сказала Несмеяна, — тот мир. Там нет гниения и суеты. Машин нет и толпы, нет мух и асфальта нет! Дороги без переходов и перекрестков, там горизонта нет! И вверх, вверх, вверх, — Несмеяна подняла руку, и Попсуев невольно залюбовался грацией жеста, — одна над другой зеленые террасы, залитые музыкой. Одни мелодии знакомы, а другие нет.

«Полет бабочки, — думал Попсуев, — ее рассуждения — это полет бабочки...»

— Это тебе приснилось?

— Нет, это я видела там. Как там чисто и светло. — Несмеяна отсутствующим взором глядела перед собой. Сергей догадался, что она видит то, чего не видит он; он провел ладонью перед ее глазами, Несмеяна очнулась.

— Тебе тоже снятся сны? — снова спросил он.

— Это не сны.

— А что?

— Это явь. Там как на даче зимой в ясный день, только тепло.

Попсуев хотел верить ее словам, но что-то мешало сделать это. «*Это другой*».

Несмеяна помолчала и продолжила:

— Я провела детство на море, обожала морской простор, зелень юга, загорелых ребят, мускулистых, без царя в голове, а сегодня для меня нет ничего милее речушки и плакучей ивы.

В этот момент Несмеяна напомнила Сергею льдинку, пронизанную лучом солнца. Такая была на оконном стекле на даче.

— Хочешь, покажу кое-что? Пустяк, наблюдение. Как-то на даче подумал о тебе... и написал.

— Покажи.

Попсуев вынул из кармана блокнот.

— «Красота», — прочитала Несмеяна. — Многообещающе. Сядем вон туда.

Из записок Попсуева. «Красота»

*Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.*

Афанасий Фет

Двое мужчин на улочке и муха на стекле встретились и дальше двинулись вместе, то останавливаясь, то обгоняя друг друга. Потом муха улетела, а мужчины скрылись за рамой.

Снова в окне пусто. Лишь непослушные ветки отцветающей сирени причесывает северный ветер, они топорщатся, как старые девы, пытаются сохранить пристойный вид.

Трепещущие от выскальзывающей из них жизни бабочки капустницы спешат разбиться парами по кустам смородины — разморенные крылышки снизу, ликующие сверху — и после нескольких мгновений четырехкрылого единения вновь распасться на два бескрылых одиночества, подхватиться порывом ветра и усыпать белым цветом утопанные дорожки и сетки изгородей.

А потом на стекло снова села муха, и рядом с ней оказались мои соседи. Слева от меня живет бывший летчик, справа — бывшая балерина. Знакомясь, они говорят: «летчик», «балерина».

Им веришь, так как ему на вид лет пятьдесят и он вполне еще может летать хотя бы на местных авиалиниях, а ей лет сорок и она в состоянии танцевать в массовке в глубине сцены. Но он не летает, она не танцует. Три года мы соседствуем, и я знаю это точно.

Они оба на пенсии, хотя и работают: он в «Аэрофлоте», она в театре. Оба одиноки, как их профессии, которым они посвятили жизнь. Летать всю жизнь может только человек, не имеющий на земле корней, а танцевать — лишь тот, кто корнями держится за небо.

Они чуть старше, чем выглядят. Не внешне, а внутренне. Там им не перед кем особо молодиться. Он приземист и быстр, как боксер; в небесах он и самолет были величинами одного порядка. Она же тонка и неуловимо порывиста... и ни на миг не отделима от той природной грации, которую во Франции называют женственностью.

Она чуть-чуть выше его, но это не портит общего приятного впечатления, когда смотришь сразу на обоих. Его никогда не увидишь небритым, в драных штанах, а она всегда опрятна, как ромашка. Казалось бы, чем не пара? Они будто созданы друг для друга, но вместе их видят редко...

Три года назад я не знал, что объединяет их. Я просто любовался ими, как нечасто бывает в импульсивной жизни, когда само слово «любование» предполагает некую протяженность во времени и эластичность чувств. Тем более на даче, где не замечаешь даже природу.

Сегодня знаю: их объединяет одиночество. Не то, что лишает крыльев, а то, что срывает с места. Когда они порознь — оба словно в восходящем потоке, а когда вместе — парят как птицы, и он показывает, как надо летать и не падать, а она — как надо ступать по небу.

Не знаю, были ли они обременены семьями. В глазах их не видно ни тени раскаяния или обиды, и на них нет копоти домашнего очага, следов клятв, цепей и других атрибутов семейного счастья. Ясно было, что каждый из них все время жил без своей половины, особо о том не жалея, разве что рассеянно думая о планах, пребывая временами между небом и землей.

У летчика дом из бруса, несколько угрюмый, с баней и гаражом, и только лук и картошка, а у балерины домик кукольный, радостный и уютный, две теплицы и черные, пушистые, как перина, грядки со всевозможной зеленью, какую только можно вырастить в наших краях. У него две яблони, а у нее — сливы и вишни. Эти дома строили не они, но постройки удивительным образом пришлись каждому по вкусу и по душе.

Однако есть у них и нечто общее, что сказалось на геометрии крохотных площадок перед крылечками обоих домов. У него лужайка, три на три метра, с короткой густой травой, которую он подравнивает самодельной косилкой из раскуроченного пылесоса «Радуга». У нее — квадратная клумба, тоже три на три, с простыми цветами, флоксами и садовой ромашкой. А посреди лужайки и грядки у него и у нее раскинулись два роскошных куста красной смородины, грозди которой до того красивы, что их не хочется обрывать. Их никто и не обрывает, и они висят до поры, когда за них возьмутся птицы.

Он любит замереть в старом кресле рано утром, когда солнце уже теплое, а воздух еще прохладный, и любоваться игрой росы и мельтешением живности; а она вечером, когда солнце прохладнее воздуха и падает за дальнюю кромку леса и цветы и куст превращаются в черные или лиловые силуэты на золотисто-голубом фоне неба, будто нарисованные на заднике сцены, любит качаться в легком кресле-качалке. Удивительно, именно в эти часы погода чаще всего балует их обоих, благоволя к этой простительной слабости.

По пятницам, за час до того, как она сядет любоваться закатом, летчик приносит косилку и подравнивает зеленые клочки и полоски за домом и вокруг теплиц. Потом он садится на скамеечку, взятую словно из реквизита к «Жизели», она в кресло-качалку и они говорят о погоде, видах на урожай и так, ни о чем.

А в субботу рано утром она приносит ему в глубокой тарелке мытую редиску или огурчики с пупырышками, колкими, как первый загар, и они, молча посидев, как зачарованные, перед алмазно-изумрудной лужайкой, начинают пробовать овощи, обсуждая их сочность и вкус. И хотя только семь часов утра, овощи милее чая и кофе. Тарелку летчик возвращает в следующую пятницу.

Все. Больше ничего не происходит вот уже целый год между ними, и если сперва все соседи гадали, когда же будет не свадьба, так банька (некоторые даже *наблюдали*), то потом потеряли к этим странным посиделкам всякий интерес. Право, скучно, когда просто сидят.

Год назад я прикидывал, с кем из них лучше махнуть участками, чтобы они, соединившись, объединили и дачные хозяйства, но сегодня о том я больше не беспокоюсь.

Балерину звать Ксения, а летчика — Пётр. Пётр и Ксения, Ксения и Пётр — получалось очень хорошее сочетание, гармоничное и устойчивое. Не было случайных звуков в этих словах. Не было лишь самого случая, чтобы соединить их должным образом.

Случалось иногда, что они на двоих брали подводу навоза или машину земли. Как-то брали уголь, березовые чурбаки. Я им сразу же разрешил ссыпать их возле моего участка, и каждый растаскивал в свою сторону: она — на аккуратной колясочке для кукол, он — в широкой тележке, не иначе с каменоломни.

Пётр несколько раз брался помочь ей, но она останавливала его порыв мягко, но решительно:

— Зачем, Пётр Семёнович? Мне нужна физическая нагрузка. Перетаскаю... — и перетаскивала иногда до поздней ночи.

Он поглядывал в ее сторону, но не смел более предлагать свою помощь. Все хорошо помнили, как пять лет назад, когда они оба почти одновременно приобрели свои участки (Пётр только-только въехал), к ней ввалился Геннадий из дома наискосок.

— Чего забор-то поехал, соседка? Сикось-накось! Мужик-то где?! — проорал он. — Нету, что ли? Это поправимо! Айн, цвай, драй, фир, ин ди шуле геен вир!

Через пять минут Геннадий принес из дому топор, клещи, гвозди, рейки. Заходя во двор, деловито отодвинул хозяйку в сторону, подровнял линию изгороди по горизонту и высоте, заменил несколько планок, а через час заявился сияющий, с портвейном, запахом лосьона и песней «Вологда».

Ксения подошла к забору, отодрала прибитые им планки, выбросила их на дорогу, отворила калитку и молча указала на нее рукой. Пальчики ее брезгливо подергивались: вон, мол, поди вон! А на лице и даже во всей фигуре было такое выражение, которого мужику лучше бы и не видеть никогда. Актриса, словом. Вышел Гена поджав хвост и больше помощи не предлагал.

На моей облепихе есть причудливое сплетение веток, напоминающее «Демона» Врубеля, только не сидящего, обняв колени руками, а вставше-

го на краю пропасти и готового вот-вот сорваться в бездну. Ветер только усиливал впечатление. Вот как раз под этим демоном рядом с мухой появились Пётр и Ксения. Как этюд, рожденный тою же невидимой кистью, что вывела и демона. Летчик и балерина стояли напротив друг друга, почти обнявшись, и разговаривали. Она изящным росчерком длинных пальчиков рисовала в воздухе что-то похожее на обещание, а он загонял квадратную ладонь то в штопор, то в мертвую петлю, а тело, казалось, повторяло эти пируэты.

Меня будто вынесло что из дома. Я вышел и направился по дорожке к калитке. Голоса стихли, послышалось:

— Договорились?

— Договорились.

Они даже не удосужились поздороваться со мной. Что-то случилось, решил я. И не ошибся.

Вчера, то есть в пятницу, они удивлялись, что впервые вечер приобрел малиновый отсвет. Ни разу еще она не наблюдала такой удивительной прозрачности воздуха, насыщенного легким малиновым ароматом, звуком и цветом. Будто малина созрела в небесных садах и дождь и солнечный свет омыли ее, просеялись на землю радужной пылью и осели на всем сияющими капельками радости.

Из-за поворота появилась женщина в шляпке с четырьмя детьми-погодками. Старшему мальчику было лет десять. Они будто вышли из шестидесятых годов, когда из дома не просто выходили на прогулку, а совершали ритуальный выход в парк или кукольный театр. Во всяком случае, в приличных семьях. Отсутствие небрежной детали в одежде и прическе детей заставляло думать, что их мать либо запуталась во времени, либо находится в плену ложных иллюзий относительно нынешних канонов пристойности и добропорядочности; дальше этого подобные соображения не шли, так как все в детках было гармонично. Как бывает гармонично то, что уже навсегда ушло из жизни.

— Они словно оттуда... — заметил летчик, забыв, о чем он только что говорил.

— Вы правы, Пётр Семёнович, сейчас так за собой и за детьми не следят.

— Да, Ксения Всеславна, мы многое потеряли, перейдя к демократической форме одежды.

— И к единственному ребенку в семье.

Воцарилось молчание, в котором вопросы с обеих сторон, словно набухшие капли, вот-вот готовы были сорваться с уст.

— А у вас есть дети? — спросили одновременно и облегченно вздохнули.

— Сын, — сказала она. — В Англии, учится.

— Дочь, — ответил он. — Замужем, в Киеве.

О своих половинах ни слова. Точно их и не было на свете. Никогда? Что ж, будем считать, что никогда.

— И как он там?

— Нравится. И не нравится. Чванливые, ровней чужаков не считают.

— А в Киеве — как и у нас, если не обращать внимания на всяких горлопанов.

Оба смолкают и любят все, что им подарил Господь...

Так какая красота спасет мир?

— Да, красота. — Несмеяна закрыла блокнот. — Пойдем, прохладно стало. Это ты не обо мне подумал. О себе и об этой Ксении. Я ее, кстати, знаю. А Пётр? Пётр — ты? Да... ты. На пенсии — не рановато? Что ты хотел сказать этой вещью?

Сергей услышал в ее голосе потаенную грусть.

— Тебе не понравилось? — тихо спросил он. От напряженного ожидания ее похвалы у него даже пересохло во рту.

— Не в этом дело. Ведь пишут не затем, чтобы понравилось, хотя в основном для этого. Пишут, чтобы сказать нечто сокровенное.

У Сергея сердце екнуло, оттого что Несмеяна произнесла слово «сокровенное»: «Она почувствовала мое раскаяние, но не увидела его».

— А что, не ясно, о чем я хотел сказать? — с усилием выговорил Сергей.

— Ясно. Очень даже хорошо понятно. Красота спасет мир.

— Вот!

— Но не такая же красота! Ты утверждаешь, что нормальные отношения людей сегодня кажутся уже ненормальными и они, эти нормальные отношения, и есть красота, которая спасет мир. Какой мир? Пошлый и похотливый? Не спасет. Знаешь, почему? Потому что твоя «красота» — часть этого пошлого мира. — Несмеяна провела рукой с блокнотом перед собой. — У тебя о красоте слишком много слов, но они мир не спасут. Даже если весь мир дружно проскандирует их, они не спасут его.

— Ты права, Несь... Но и я прав.

В парке на лужайке хороводились собаки, пять кобелей и сука.

— Как у людей, — махнул рукой Попсуев на собачью свадьбу.

Несмеяна ничего не ответила. Когда взошли на мост через реку, Несмеяна остановилась и долго смотрела вниз. Там возле серой утки кружили три селезня, один из них, самый крупный, то и дело прогонял соперников от своей избранницы. Несмеяна вдруг рассмеялась:

— Не только у собак, у птиц то же самое... — а потом вдруг заплакала и воскликнула: — Как ты мог? Как ты мог, Сергей?!

— Прости меня, — сказал Попсуев. — Я скотина.

Через долгую минуту молчания Несмеяна произнесла:

— Я простила тебя. Прости и ты меня. Ты не скотина.

— Не прогонишь? — спросил Сергей, когда они подошли к дому Несмеяны.

— Я тебя никогда не прогоняла, — ответила она.

— А как же записка: «Одобряю выбор, проваливай навсегда»?

— Какая записка? Не помню. До больницы? Я тебя не прогоняла. Ты сам ушел. А наш уговор помню. Восемь дней осталось.

Несмеяна открыла дверь, Попсуев с щемящим чувством зашел в прихожую.

— Восемь так восемь, — вздохнул он. — Если восьмерку положить набок, получится бесконечность. А что тут чемодан?

— Не успела убрать. Задвинь его за шторку.

И снова в окна светила круглая луна и не давала уснуть обоим. Им так много хотелось сказать друг другу, но что-то мешало сделать это! Оба боялись того, что могло навсегда разлучить их. Под утро Попсуев забылся, а когда очнулся, обнаружил на столе записку на томике Стефана Цвейга.

«Серёженька! Вернись к Татьяне, не разрушай семью. Она тебя любит. Меня не ищи. Я давно собиралась уехать, да все тянула, думала, встречу тебя, тогда и поеду. Бог дал, встретила. Единственное средство побороть любовь — бежать от нее... так, кажется. Неся.

Р. С. Ключ отдай тете Лине. И подари ей Цвейга».

Из записок Попсуева

— Тебе, Сергей, пиво. — Берендей достал из огромной сумки ящик пива. — А вам, господа Валентин и Викентий, Михаил и Иннокентий, ящичек горилки и две палки колбасы. Колбаса-то с жирком! С перцем! Твердая! Последний день Помпеи! Это я не тебе, Полкан. Лежи, лежи. Не начинали еще. Не обойдем.

Полкан-Помпей, не мигая, следил за происходящим на столе, стараясь не упустить главного момента — нарезки колбасы. Обычно ему попадали самые сладкие хвостики, шкурки и, разумеется, отдельные кусочки, не вписывавшиеся в габарит контрольных образцов нарезки. Полкан, как вполне искушенный в подобных церемониях пес, старался получить свое до праздничного салюта, когда делятся на четвертушки, восьмушки и еще мельче последние кусочки хлеба, колбасы и огурца и когда ему предлагают выйти освежиться на воздух, точно пили не они все, а он один...

Не верится, что мудрые мысли делают человека мудрым. Слушать надо собственное сердце. Не хочется думать о чем-то, где присутствуют умные слова. Хочется полежать у реки на зеленой траве или желтом песке, хочется забыть о том, что живешь в мире, населенном не муравьями и травинками, а людьми и их мыслями. Хочется уйти от решения проблем, которые люди ставят перед собой с единственной целью: все время чувствовать себя человеком, то есть животным, изгнанным из Рая...

Эпилог-триптих

«Февраль. Достать чернил и плакать!» Створка первая

*...Его жена, свежая, спокойная и красивая,
спускается с крыльца ему навстречу...*

Он уже хочет прижать ее к груди, как вдруг...

Амброз Бирс

Когда настал февраль, а зима была еще в самом разгаре и казалось, что земля остыла окончательно и тепло не наступит больше никогда, Попсуеву стало совсем нехорошо. «Я не могу больше без нее, — решил однажды Сергей. — Я не могу больше без Несмеяны. Надо найти ее». Отбросив в сторону сомнения, взял купленные еще до Нового года французские духи и направился к ней. Сергей был уверен, что она дома, что вернулась. Она встретит его, откроет дверь и скажет: «Пропащий вернулся!» И он ответит: «Я не пропащий, но я вернулся!»

Погода была отвратительная. Несильный, но упругий, сырой, пронизывающий до костей северо-восточный ветер к вечеру усилился, переходя в метель. Усилился и мороз, резко и сухо. Из-за поворота выполз трамвай, квадратный, неуклюжий, холодный. Чуть ли не тот, в котором они встретились в последний раз. Внутри вагона, казалось, перекачивается оледенелый ком желтоватого света, стоял жуткий колотун. Пассажиров не было. Кондукторша толкалась в будке водителя, согреваясь калорифером и болтовней, а вагоновожатым был не иначе как сам Харон.

«Дуют ветры в феврале, едут люди в “шевроле”, а я еду на трамвае из гостей навеселе, — проползали в голове строчки, как серые дома за стеклом. — Что же это я полушубок не надел? А, надо было пуговицу пришить. Время пожалел. Можно ли оценить время, которое у тебя есть? А то, что потерял? А то, которого у тебя уже никогда не будет?»

И тут Сергей заметил, что едет в противоположную сторону. «Как же так?» — подумал он. Попсуев вышел из вагона, но решил пересесть не на обратный трамвай, а пройти переулком к автобусу. Прячась от обжигающего встречного ветра, поднял шарф до глаз и надвинул шапку на брови. Глаза слезились, козырек мешал обзору, хотя он и не нужен был, обзор, на этом тихом тротуаре. «А вокруг ни машин, ни шагов, только ветер и снег», — вспомнил старую песню.

Девочка вдруг выросла перед его глазами и зажмурила глаза, и было у нее бледное-бледное личико, как двенадцать лет назад, когда она поднялась с асфальта. «А ведь она появляется всегда в переломный момент моей жизни, — вдруг пришло Попсуеву в голову. — И всегда предупреждает о чем-то. О чем? Да о том, о чем я ее не предупредил — об опасности для жизни. Не попытался даже спасти ее, хотя мне это ничего не стоило. И, кроме меня, некому было спасти ее. Достаточно было согнать с перил. О чем же сейчас она предупреждает меня? Или в очередной раз указывает на мою...»

— В-вжи-кх!

Навстречу ему, едва не сбив с ног, пронеслась машина. Темная, огромная, с выключенными фарами. Пола пальто и рукав чиркнули по

ледяной плоскости. Не успел Сергей еще осознать, что был на волосок от гибели, а уже развернулся вслед машине, махал кулаком и орал нечленораздельно и яростно. Черная машина уходила вдаль. Красные огни делали ее еще более злобещей. Чего их занесло на тротуар? Сбить хотели? Пьяные?.. Придурки!

Попсуев сплюнул и пошел дальше, тут же ощутив ужас. Обернулся — машина была в десяти метрах от него! Сергей прыгнул вверх, пролетел над машиной, оттолкнувшись от нее левой и тут же правой ногой, удачно приземлился — на четвереньки, как кошка. Машина с шипением проскользнула под ним. Сергей увидел себя как бы со стороны — целая серия кадров — и пожалел, что не осталось свидетелей столь славному трюку. Вот только по всем законам физики он должен был перекувыркнуться и растянуться на асфальте.

Автомобиль, затормозив, круто развернулся и уже с включенными фарами вновь устремился на него. Он уже опять был в десяти метрах, когда рядом с Сергеем вновь оказалась та девочка и в ужасе прижалась к нему. Ему бросился в глаза номер машины. Это был BMW Свиридова!

Попсуев забыл обо всем на свете. Перед ним был смертельный враг, а в нем — одна лишь ярость, вулкан ярости. Через секунду его жизнь и его смерть столкнутся лоб в лоб — н-не-ет! Дальнейшее, как в рапидной съемке, пропечаталось отдельными кадрами в памяти, но было как бы и не его. Он уперся ногами в землю, как, наверное, упирались в нее былинные богатыри перед схваткой с врагом, неистово устремил себя в сотую, тысячную долю последней своей секунды, так что все стало протяженным, как кошмар, руками подцепил наползающий на него никелированный бампер и опрокинул машину набок. Он дрожал от возбуждения и переизбытка непонятно откуда взявшихся в нем сил. Небывалый прилив энергии прошел по нему двумя упругими потоками, снизу и сверху. Будто земля и небо даровали их ему. Не опрокинь он автомобиль, его самого разнесло бы на части.

Машина, хрипя и продирая бок, как издыхающий дракон, сыпала искрами, стеклами, била дверцей, как хвостом. Остановилась, лишь вращались колеса. Через несколько секунд выпал один человек, второй. Попсуев направился к ним. Первый, прихрамывая, заковылял прочь. Второго парализовал страх, и он, защищаясь рукой, судорожно кривил рот, стараясь выдавить из себя какие-то слова. Сергей, все еще дрожа от возбуждения, подошел к нему с намерением бить, бить, бить... — но удержался, хотя чувствовал, что способен был в этот момент и убить, будто кто-то *другой* специально подзуживал его. Он толкнул пятерней парня, тот повалился на землю. Но самого Свиридова не было.

Попсуев ощутил тяжесть пальто, шапки, пустоту в себе... Дунь ветер, и его подхватило бы, как полиэтиленовый пакет. Словно в подтверждение, порыв ветра едва не свалил его на землю, но он удержался и заставил себя уйти с этого места. В теле, будто чужом, была лишь слабость и дрожь. Собственно, и тела-то не было, какие-то затихающие вибрации ужаса, ярости и вдохновения. Словно умер только что и попал в другую реальность, где сила становится слабостью, а слабость силой, где все знакомое стало чужим, а неизвестное своим.

Спустя какое-то время, когда Сергей очутился на освещенном проспекте и к нему вернулась способность воспринимать себя, мир, случившееся, он даже улыбнулся от чувства гордости за себя и презрения к подонкам. И тут Попсуева забрала такая тоска, будто зима ворвалась к нему с диким воем в душу. Хорошо, что за поворотом показался Несмеянин дом. Сергей нажал на кнопку звонка. Тот прожужжал, как летняя муха, далеко и тревожно. «Как можно жить с таким тревожным звонком», — подумал Попсуев. Открылась дверь. Глаза. И в глазах — он. Он, и никто *другой!*

— Зайду?

— Заходи.

Остановилось мгновение.

— Чай будешь?

— Меня только что чуть не сбила машина.

— Где?

— Да тут неподалеку, в Третьяковском переулке.

— Неподалеку? Это ж в Октябрьском районе.

И только тут до Попсуева дошло, что он не помнит, как добирался пешком из того переуллка до Несмеяниного дома.

...Гасли один за другим фонари. Исчезали снежинки в сиреновом свете, угасали матово-серебристые струйки поземки. Таял сиреневый цвет, цвет жизни.

Мужчина лежал, утопая в боли и любви. Боль шла вглубь, горячая, ледяная, разрастаясь там и заполняя всего его изнутри, вытесняя любовь, которая сочилась наружу, почти невидимая в ночи, пульсирующая, как угасающий, дрожащий сиреневый свет последнего непогасшего фонаря. И в этом свете были все, кто когда-то любил его, даже те, кого он никогда не любил. Они медленно шли мимо него, смотрели на него с любовью и растворялись в сумраке ночи.

— Всех вас я люблю, — признался Попсуев. — Простите мне все!

Подъехала машина. Над ним склонились люди.

— Жив еще. Может, успеем. Носилки неси...

Силы небесные. Створка вторая

— Ты гля... — Викентий едва не выронил вареник изо рта. Выскочил на крыльцо, за ним следом напуганный пес. — Полкаш, видал? Чего это, а?

Пес задом протиснулся в конуру под крыльцом и шумно задышал.

— Сдышь, брат? И я сду. А ты не сды! С нами силы небесные!

Викентий с трудом проглотил вареник и, задрвав голову, ошеломленно глядел в небо, где только что, осияв синюю местность, аки молния, и страшно тарахтя, пролетело что-то. «Почудилось... — решил Викентий. — И ему, что ли?» Полкан явно струхнул. Откуда молния зимой, да еще 31 декабря?

— Энлэо? — спросил сторож. — Как думаешь? Или метеорит?

Полкан дышал.

— А что, вернутся и нас с собой заберут. А? Сгодимся там... где-нибудь. Все лучше, чем тут, а, как думаешь?

Пес не спешил с ответом.

— Пошел я, продрог. — Сторож почувствовал холод и вернулся в дом, оставив дверь приоткрытой. Через несколько минут вышел на крыльцо:

— Ну, ты чего? Хату выстудишь. Иди, вареник дам.

Пес не купился на вареник. «Напугали, паразиты!» И тут вновь осияло землю, и над обществом с тарактением пролетело то же, только теперь туда, откуда прилетело. Но не скрылось, а стало опускаться на луг возле реки. «Удобное место для посадки, — одобрил Викентий, — далековато, правда, до точек человеческой цивилизации, если, конечно, хотят выйти на контакт. Надо, значит, самому идти. Больше тут некому. Вряд ли кто остался на ночь. Прямо сериал!» Днем сторож слышал, как со стороны Трех Лилий раздавались шум и голоса. Берендей, наверное, приехал. Из-за снежных завалов не пошел к нему. «На снегоходе, мог бы и сам ко мне заглянуть», — запоздало обиделся Викентий.

— Улетели, — сказал сторож Полкану. — Вылезай.

Пес и вовсе скрылся в будке.

— Да, брат, наложил в штаны. Не думал. Не думал, что такая мужественная собака, а падешь жертвой суеверия. Не видал зеленых гуманоидов? Люди как люди, только зеленые. Доллар видел? Такие же. Вылазы! Пошли на саммит. Будешь Примаковым. А я — контактером.

Пес не вылезал. Викентий вынес застывшие вареники. Протянул Полкану. Тот высунул голову, обнюхал их, но есть не стал. Дышать перестал. Вылез, отряхнулся и, потянувшись, виновато взглянул на хозяина.

— Ничего, — успокоил тот его и вновь протянул вареники. Пес аккуратно слизнул их с хозяйской ладони. — А теперь, Полкаша, слушай сюда. Начинается служба. Айда на границу. Мы ведь с тобой пограницы!

До границы общества было рукой подать, она начиналась за забором. Викентий взял фонарь, саперную лопатку, подумав, сунул в карман водку.

— Ну, с богом! Не дрейфишь? А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты!

Полкан, похоже, справился с волнением и первым выбежал со двора. Небо прояснело. «К морозу, — решил Викентий. — Ишь, снегу навалило. Хороший будет год, урожайный. Ежели эти, конечно, не подпортят...»

— Аты-баты, молодцы, мы с тобою пограницы! — новая песнь улетела к реке.

На берегу виднелась какая-то дура с лопастями наверху, но не вертолет, три фигуры возле нее.

— Видишь? Ату их! — махнул он рукой псу, но тот встал как вкопанный. — Думаешь, радиация? Не ходи тогда, не надо. Жаль, манометра нет. Ты кобель штатный, а я за штатом. Жди. Долги пора отдавать. Ты вот не кляся: «Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей...» — а мне пришлось. Не поминай лихом.

Викентий пошел, проваливаясь в снег, к реке. Он порядком устал и взмок, когда мимо него пропыхтел пес.

— Полкаша! Жди меня! — приказал сторож.

Полкаша хода не сбавил. Послышалось:

— Полкан, не узнал?

— Помпей! — остудил рычащего пса Викентий, признав Берендея, Валентина и Мишу, а также драндулет Колодезного Теслы. — Свои!

— Миша, извлекай! — скомандовал Берендей.

Михаил Николаевич вынул из драндулета пару бутылок, стаканчики. Разобрали по рукам. Забулькало.

— За научно-технический прогресс! — провозгласил Берендей. — За Теслу!

— И за Новый год! — поддержал Валентин. — Новое тысячелетие! Миллениум! Где ж Перейра? Не пришло ему на ум, что настал миллени-ум!

— А что было-то, энлэо? — спросил Викентий. — Или это вы?

— Мы, а то кто же? — ответил Валентин. — «Майкл-сри», третья модель.

— А где бак с бензином? Как летал-то? — спросил сторож. — Что светило?

— На батарее летает, — сказал Колодезный Тесла. — Я ее в своей пирамидке подзаряжаю. Серёга чертежи дал. Да ты видел, за домом стоит, как курятник. А светилась фара.

Вот и все. Створка третья

Прошло пятнадцать лет. Нежинск изменился неузнаваемо, а «Машиностроитель» остался каким был. Бегемотиху еще можно увидеть на грядках, но Светлану Иосифовну и Анастасию Сергеевну — уже нет. Покинули бранный мир Викентий, Михаил Николаевич и Перейра. Валентин на почве рекламы и алкоголизма попал в психиатрическую больницу. Свиридов погиб при невыясненных обстоятельствах. Ксения свой дом продала. Никодим устроился сторожем в церковь. Чуприне поставили памятник в сквере: молодой и худой будущий директор кувалдой загоняет кол в землю. Татьяна уже шесть лет возглавляет БТК третьего цеха Нежмаша, а Попсуев стал начальником НИЛ, защитил докторскую диссертацию, публикуется в «Вечерке» и издал два сборника стихов под псевдонимом Кирилл Шебутной. Их сын Денис — мастер спорта по рапире, а две дочери любят рисовать лошадок и кроликов. Берендей построил стадион, укомплектовал городскую хоккейную команду. Несмеяна живет в Риге, организовала там музей детского рисунка. Является прихожанкой православного Кафедрального собора Рождества Христова. В Риге обретаются и братья Ненашевиныши. Кошмарик уехал в Израиль. Консер Асмолов умер. После того как в Современном театре воцарился выдвигенец нового губернатора, Крутицкой роли достаются по остаточному принципу. Пьесу Ростана сняли с репертуара, но Изольда дома играет сцены из «Сирано». Проникновенно звучат слова: «О! Если б прошлое хотя на миг воскресло!» — после чего актриса выпивает рюмку водки и, глядя в зеркало, восклицает:

— Бывших прим нет и быть не может! Прима — прима навсегда!

Вячеслав ТЮРИН

**ПРИМЕТЫ
БЕСПРОБУДНОГО КОЧЕВЬЯ**

* * *

Место бденья — тупик. И меня как бы нет.
Меня нету в природе, где столько примет,

что по-новому кругом идет голова,
возвращая в отчизну родные слова.

Я глотал много пива. В итоге — тупик.
И вокруг никого, чтоб спросить «ду ю спик».

Я стою босиком на древесном полу,
а паук продолжает работать в углу.

Пора якать отвыкнуть, сюжетец найти,
от второго лица ахинею нести,

ввести в действие лица, раздать имена,
засобачить интригу. Да вот на хрена?

Лучше сгину в толпе городской ни за грош.
Только Ты меня, Господи Боже, поймешь.

* * *

Золотые дожди в махалле,
винограда последние грозди.
Лист инжира лежит на земле,
по земле ходят милые гости.
И прохладою веет во мгле.

Пусть и так, без затей, ты прекрасна,
 туркестанская синева.
 Соблюдая святые права
 тишины, ты с душою согласна.
 Лишь порою подросток айва
 хором веток встревожит твой ясный
 взгляд, и встанут на место слова.

* * *

Я паводок, а ты вода,
 бегущая неумоимо.
 Скажи, пожалуйста, куда?
 Что за вопрос? Конечно, мимо.
 Без поводка, в устах сладка,
 на бурунах так говорлива,
 вскипая в кудри, словно грива
 коня, что сбросил седока.

Начинающему символисту

Ты не прав, если по недосмотру
 принимаешь луну за фонарь.
 И когда на барометре ведро,
 ты не прав, констатируя хмарь.

А не то, надышавшись озона,
 ты поёшь, от грозы охмелев,
 об открытье сухого сезона —
 все равно ты не прав и не лев.

Успокойся. Я сам не подарок.
 Это скажет тебе Дед Мороз,
 но он будет ни хладен, ни жарок,
 а кусач, как голодный барбос.

Это все, как известно, цветочки.
 В смысле, ягодки все впереди;
 печки-лавочки, девочки-дочки,
 посиделки с тоской на груди.

* * *

Посвящается М. К.

Чего ж хочется? Хочется дома.
Чтоб все было до боли знакомо.

Неразлучны перо и бумага
да толпа и ты в ней у продмага.

Чтоб колючими не были звезды,
чтобы черствыми не были версты.

Чтобы нас обгоняла святая,
Анной петая белая стая.

Что ж еще? Да вернуться назад бы
лет на двадцать пять, без послезавтры.

У костра посидеть с молодежью
и в пенаты бресть по бездорожью.

Слегка нервничать в лимбе вокзала,
словно в чем-то судьба отказала.

На свежак выходить и курить там,
наслаждаясь нахлынувшим ритмом.

Ничего не пропало, дружище!
Вон, смотри, голубей толковище.

Чуешь мятный ли запах дурмана:
два подростка шабят косяк плана

у бетона с извечным граффити.
Посмотри, посмотри, посмотрите

и увидите бабу с баулом
и мента с его широкоскулым

наговатым овалом, который
кирпича так и просит, но Торой

запрещается рукоприкладство:
мы ведь братья и сестры, мы — братство.

Но мы начали с дома, а это —
совершенно другая планета:

там горит двухсотваттка, как солнце,
и следы материнства, отцовства

проступают из каждой пылинки.
Это вам — не торчать на брейн-ринге,

это вам — не летать бизнес-классом,
а фингал заработать под глазом,

защищая девчонку от трутней.
Это — выстраданность ярких будней.

Это — осень с ее чудесами,
это — Ваше везенье, Вы сами,

когда, жизни пройдя половину,
Вы, с куста собирая малину,

оглянетесь назад, но — без боли.
Это — вольное русское поле.

Легенда сентября

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...*

Александр Пушкин

Терпение кончается. Похоже, быть войне
во глубине бичёвника, страдающего басней
на счет того, что истина содержится в вине,
что жаждущих извлечь ее та сделает прекрасней.

Я — не добытчик истины. Друзья дороже слов,
усаженных на жердочки ближневосточной правды.
Я — собиратель ереси, растительности снов,
которой изобилуют осенние ландшафты.

Почтенное шуршание легенды сентября!
Слоистого пергамента червонные дружины
затихли в ожиданье своего богатыря.
Смотри, какие нынче разыгрались именины!

По небосклону медленно кочуют облака
от дуновенья Стрибога, стреляющего метко.
Да будет твоя поступь как дыхание легка,
душа твоя светла, сердцебиенье семилетка!

Напутственные шорохи древесной тишины
поведают о сумраке струящихся тропинок.
Рябиновые гроздья над тобой возожжены,
когда ты наклонишься перешнуровать ботинок.

* * *

Хорошо пойти, куда глаза
женщины влекут и звезды манят,
ощутить, как вешняя гроза
через ноздри голову дурманит;
как земля уходит из-под ног,
вырастают крылья за плечами.
Человек на то и одинок,
чтоб его другие замечали.

* * *

Армада новостройки тлеет так,
что кажется: тик-так — и разорвется
сгустившийся в подвалах смрад и мрак
по грубому намеку флотоводца.

Обрубки тополей среди своих
собратьев, избежавших кары, стыннут,
едва ль соображая, что из них
их мегабратьями позорно вынут

высокий смысл. Урочище утрат,
оплаканых за суррогатом водки.
Луна всего ноль целых ноль карат
никак не обнаружит лик свой кроткий.

Я возвращаюсь, думая почти
о том же, что и бедные деревья,
в гостиницу, и на моем пути —
приметы беспробудного кочевья.

Марина НЕКРАСОВА

ПРИТНДУ

Р а с с к а з

*Ты принадлежишь мне, и весь
Париж принадлежит мне...*
Э. Хемингуэй.
«Праздник, который всегда с тобой»

Тот человек обещал позвонить сегодня. Верить его обещанию не стоило — Бук хорошо это знал, но все же решил весь день оставаться дома. Не в том человеке, конечно, было дело, не в обещании его и не в звонке: Бука держали взаперти сомнения. «И никто ведь мне не поможет, — думал Бук. — Есть такие дела, помочь в которых нельзя. Есть такие дела, с ними справляются в одиночку. Или не справляются, и это бывает страшно, потому что, когда ты не справишься, никто не узнает об этом, но тебе, одному тебе в целом свете, будет известна правда, настоящему горькая».

Веслообразные часы над письменным столом звонко отщелкивали секунды. Такие часы имелись только у Бука: голый механизм с огромными лопастями стрелок, без циферблата и прочих «излишних глупостей», как говорил Васятка — гениальный часовщик, ближайший сосед и убежденный алкоголик. Васятка как раз тарабанил во входную дверь — пинал ее ногами и бутузил кулачищами. Это означало, что Васятка пьян: трезвый Васятка пользовался звонком, который нежно любил, как любил всякое детище своих рук — сухих, черных, с пятью пальцами на правой кисти и тремя на левой. «Такой уродился», — гордо объяснял Васятка всем, кто спрашивал.

Весла часов указывали на начало одиннадцатого. «День не задался с утра», — подытожил Бук, кривясь штампу и стараясь не слушать: грохота за дверью, шума дождя за окном и щелканья секунд в комнате. Он пригляделся к телефону: «Послышалось». Бук взял в руки бумажный лист. Текст он помнил слово в слово, но который раз его перечитывал. «А подписи она не оставила, — подумал он. — Могла хотя бы накалякать одно из этих своих *притнду*». Он скомкал бумагу, запустил комок в урну в углу комнаты и коротко простонал, увидев, что снова промазал. Встал, поднял ком бумаги, расправил лист на столе и подошел к окну.

На стекло капли дождя не попадали, они падали на жестяную крышу над окошком и весело об нее стучались. Бук подумал, что эти капли не шумят, не стучат, а топают. Жестяной козырек над окнами прилепили недавно, чтобы потоки воды не стекались к подвалу, вход в который был рядом. Подвал заливать перестало, но из-за козырька в соседних с ним квартирах в дожди теперь страшно грохотало, а в ясные дни окнам под козырьком совсем не доставалось света.

Бук ткнулся носом в серый колючий тюль. В этой квартире он жил уже тридцать лет, но с видом из окна комнаты все еще не смирился. Окно было низким и выходило на улицу, а так как квартира размещалась на первом этаже, изнутри казалось, будто прохожие шастают здесь же — в комнате. «Ух!» — Бук отпрянул от окошка, потому что мимо шагал Васятка. Сосед ступал по асфальту старательно, твердо, суровые его башмаки безжалостно разбрызгивали лужи.

Отступление Васятки принесло затишье. «Остаются часы и дождь — любимые союзники графоманов. Что ж, признаем: плохая примета», — подумал Бук, вздохнул и вернулся к столу. «Ладно», — решил он, взяв в руки первую страницу...

* * *

Небо над Парижем бездумно мчалось куда-то, будто вверху кто-то сматывал киноленту. Я смотрел на небо, не веря в его подвижность. Квартирка ютилась в чердачном отсеке дома, и утром меня разбудили спящие над потолком голуби. Солнце угадывалось позади — за моей спиной, за домом, на балконе которого я стоял. Балкон был тесным, пол и подоконник хозяйка заставила горшками с многолетниками, которые теперь почти все зачахли. Растения давно не поливали, и земля в горшках потрескалась.

Подняв руку и привстав на носки, я тронул край оцинкованной крыши. Я подумал, что сверху сюда легко заберутся воров: «Царство Арго... Воров здесь полно, должно быть». С балкона я видел стены домов — таких же старых, как этот. Стены казались мелованными, подштрихованными кое-где углем, незаконченными и давно заброшенными художником. Кроме суматошного здешнего неба, ничего живого с балкона было не разглядеть, хотя утро стояло позднее и город наверняка уже проснулся.

Сколько раз потом я представлял себе ее появление на балконе, который тем утром обжил и — наглый котяра — пометил уже забыченной в уголке сигаретой...

— Приветствую тебя, учитель. — Леська выбралась туда, где стоял я: ноги в пышных лохматых тапках втиснулись меж горшками.

Она перегнулась через перила и завертела головой, осматриваясь.

— Привет, — сказал я.

— Трубы! Ты видишь? Как много дымоходных труб на крышах!

— Старый Париж, — ответил я и подумал, что труб не заметил.

А их и правда было много: рядами выставленные, перевернутые пушкинских времен цилиндры.

— Странные дома. Они похожи на слонов. Стадо спящих слонов, которое скоро проснется, зашевелится и завоюет на весь город. Тебе не страшно?

— Мне хорошо. А слоны, говорят, трубят.

— Тогда — пробудится и затрубит. Так даже лучше.

— Эти дома старые, семнадцатый век. Район Марэ. Здесь раньше болото было.

— С привидениями?

— Это тебе не Англия.

— О ле Марэ! Ле Марэ, ле Марэ... — заворковала Леська. — Жаль, лучше бы с привидениями. С застройкой пустыря они спрятались под землей и только лет через тысячу, одно за другим, разведали путь к небу. Цепляясь полами невидных одежд, они стали выбираться наверх — через подвалы, ямы и колодцы. Им так хотелось взглянуть на звезды! О ле Марэ!

— У тебя хорошая «р», но для современного говора парижан она чуток звонковата, — сказал я Леське.

— Громко каркаю?

— Ага. Одевайся, пойдем твоё произношение править. И не мешай мне пить священный утренний кофе.

— А что, мне нельзя участвовать?

— Нет. Никому нельзя. — И я шутливо надавил на ее плечо, отесняя к дверце. — Тебе тем более, ты маленькая. Кстати, переходи на французский, нечего волынить, — сказал я, помогая Леське выбраться, что было трудно, потому что балконная дверь открывалась наружу.

Леська ушла, но снова приоткрыла дверь и просунула в щель голову:

— Ты меня замучаешь, учитель?

— Да, твоя мать за это щедро заплатила мне. — И я закрыл за Леськой дверцу.

Солнце в небе еще не показалось, оно сильнее подсветило стены слоновьего цвета домов, а маленькие трубы на крышах стали отбрасывать тени. Воздух теплел легко и быстро — день зарождался солнечным. «Пойдем в Сен-Шапель — там нужнее всего солнце, — решил я. — Пойдем в Сен-Шапель, а там видно будет».

Я вернулся в комнату и быстро собрался. Леська была готова. Она причесывалась — стояла в коридорчике в белой куртке, джинсах и морковного цвета сапожках на низкой подошве. Дымчатые волосы Леськи были густыми и пышными, и я подумал, что с распущенными волосами Леська — как закутанное в шаль привидение. За руку с привидением предстояла мне прогулка по городу.

Я замкнул дверь большим бутафорским ключом — тяжелым, с крупными кольцами. Вниз вела тесная лестница с пискливыми досками на ступеньках. Мы спустились — восемь маршей, очутились в узком переулке среди застывших слонов. Сунулись влево — там переулок вел в тупик; мы пошли вправо — переулок вывел на улицу, а на перекрестке, выяснилось, поджидало нас парижское утро.

Утро выпрыгнуло из-за угла, ослепив нас лучшей из своих улыбок. На перекрестке было людно и весело. Солнце лезло в глаза, оно плясало на вымытом асфальте, на велосипедных и мотоциклетных шлемах, на стеклах витрин, прилавках булочной и столиках кафе. Мы растерялись, стали посреди узкого тротуара и долго озирались, не зная, куда сворачивать. Мимо нас чернокожая нянька провела симпатичных двойняшек, те что-то наперебой ей рассказывали: «Няня, а я...» Рядом женщина в белой косынке мыла окно парикмахерской. Седой старик с болонкой на поводке попросил дороги, мы посторонились, и я сказал старику: «Простите».

— Кофе хочешь? — спросил я Леську.

— Ага.

Я снова взял ее за руку — «Сюда!» — мы перебежали дорогу и сели за столик под вишневым навесом у самого перекрестка. Было холодно, и за столиками на открытой части кафе работали газовые обогреватели. Они мерно шумели и смотрелись зонтиками над головами посетителей. Я заказал кофе с круассанами, и мы стали ждать, глядя на перекресток и улицу.

У улицы был голубиный окрас — черный, серый, синеватый, палевый, белый, и ломали его только пластиковые баки для мусора, вывески над лавками и то, что по-утреннему бодро и весело двигалось — прохожие и машины.

— Мне нужен зеленый шарф, — объявила Леська, когда принесли наш завтрак, и я подумал, что на февральском холодном ветру она, наверное, замерзла.

— Мм, — оценила Леська круассан. — У меня есть сто евро для подарков самой себе. — И кофе вкусный — мм... а ты растворимый пил, глупый учитель. Но подарки самой себе — это самое трудное. Я хочу купить тайну, вот что.

Я сделал большой глоток и переспросил:

— Что?

Мимо шел высокий француз, из-под шляпы его выбились смоляные кудри, а ворот плаща был высоко поднят, несмотря на солнечный день. Он мельком улыбнулся Леське, обронил: «Красивая девушка», — а Леська бросила ему невнятное «спасибо».

— Просто хочу купить тайну. Не бери в голову, это тебя не касается.

Мы пошли в сторону Ситэ, а когда увидели неподалеку собор Богоматери, я стал рассказывать Леське об этом соборе и о Варфоломеевской ночи, после которой Генрих сказал, что Париж стоит мессы, и о воротах, тайну которых забрал с собой кузнец Бискорне. Не знаю, внимательно ли Леська меня слушала. На первом перекрестке за набережной на прилавке маленького араба Леська выбрала себе темный зеленый шарф. Араб был таким маленьким, что казался мальчишкой, но, когда мы стали разговаривать с ним, оказалось, что во рту его нет доброй половины зубов. Леська заплатила беззубому продавцу десять евро и обмоталась новым шарфом. Я сказал, что ей идет этот цвет, и подумал, что шарф делает лицо Леськи еще бледнее.

— Святая часовня, — объявил я, когда мы поравнялись с Дворцом правосудия, у которого высится стройная Сен-Шапель.

Я оплатил экскурсию на французском, мы вошли внутрь, и около часа строгая женщина в очках рассказывала нам историю часовни, а я переводил для Леськи то, что она могла не понять. Получалось, что я, как дурак, вставлял в рассказ экскурсовода бессвязные реплики: «гора Сион в Иерусалиме», «император Балдуин Второй де Куртене», «Константинополь», «за баснословную цену», «Людовик Девятый», «босиком», «шествие», «реликварий», «терновый венец», «обагрённый кровью», «от сотворения мира до казни»...

Потом экскурсовод попрощалась с нами и ушла к другим посетителям, а мы стояли в верхней части часовни, где когда-то молилась королевская семья, и смотрели на солнечный парижский день сквозь черно-сине-красно-золотые стекла. Леська молчала, надолго замирая у каждого витража. Я думал, что теперь часовня похожа на пустую шкатулку, потому что священных реликвий в ней нет; что ради этих реликвий давным-давно создали прекрасное хранилище, а теперь все поклоняются его красоте и уже неважно, для чего оно строилось.

Леська подошла ко мне и прошептала, что, если долго смотреть на один фрагмент витража, он становится объёмным и сюжет оживает. Я усмехнулся, выбрал витраж с Иисусом и учениками и долго смотрел на него. Скоро фигурки на стекле действительно стали казаться мне выпуклыми, одеяния учеников слегка затрепетали на легком ветру, на лица их легли живые тени, а руки их робко потянулись к Учителю. Леська встала передо мной, восторженно дожидаясь:

— Ну как?

— Оптический эффект, — ответил я слишком уж монотонно.

Снаружи часовня была наполовину закрыта на реставрацию — укрыта щитами и завешана сетками. Мы вспомнили о скамейках, которые видели на площади Дофина, и вернулись к ним, чтобы немного отдохнуть. Солнце светило ярко, дул хорошо прогретый солнцем ветер, песок у нас под ногами скрипел и был похож на манку.

— Мне кое-что непонятно, Бук, — сказала Леська, расстегивая куртку и выпутываясь из шарфа, потому что солнце грело все сильнее и нам теперь стало жарко.

— Что? — я закурил и тоже расстегнулся.

— Терновый венец. Не понимаю. Зачем его на Него надели?

— Как я слышал — для забавы. Игра какая-то была у солдат, у римлян — в «царя». Вот и надели. Чтобы смешнее...

— Смешнее?

— Ну да.

— А теперь этому венцу поклоняются? Орудию пытки?

Я почувствовал раздражение:

— Леська, ну что ты горишь?

— Я не горожу, я думаю. Зачем тогда фашистские флаги на Красной площади жгли? — Леськин голос был натянутым, как у обманутого ребенка.

— Что ты сравниваешь, что в кучу все собираешь? Сказали тебе: венец, обгаренный кровью Иисуса.

— Орудие пытки. Символ страшного смеха.

— Тьфу ты! — Я потерял терпение. — Как же ему не быть святыней — на нем капли крови Христа, что тебе непонятно? Люди верят в то, что такие вещи творят чудеса. Спасают от эпидемий, к примеру. Понимаешь?

— Нет. Это людской эгоизм, мне кажется.

— Кажется тебе... — передразнил я Леську. — Вот и помалкивай про то, чего не понимаешь. Панург в зеленом шарфике.

— Кто? — спросила Леська.

— Был такой — Панург... — нехотя ответил я. — Всезнайка, студент-недоучка.

Она немного меня разозлила: меньше всего на солнечной площади Дофина мне хотелось вести с Леськой пустые разговоры о терновом венце.

— Хорошо, — сказала Леська. Она взмахнула рукой, будто выбросила что-то, и заговорила, к счастью, по-другому, просто и весело: — Знаешь, Бук, я бы не смогла экскурсоводом работать. Каждый день одно и то же рассказывать! А если бы меня заставили вести экскурсии, я бы все время врала.

Мы рассмеялись, и я согласился:

— Представляю.

— А знаешь, что я рассказала бы нам с тобой сегодня? Эту часовню король построил для одного мудреца, которого очень любил.

— Для итальянца, помешанного на числе «126»? — догадался я и подумал, что рассказ экскурсовода она все-таки слушала.

— Пусть. Неважно. Мудрец был умным и добрым, но он был слепым. И царь собрал лучших мастеров — архитекторов и художников и велел им построить самую чудесную, самую красивую, светлую и самую цветную в мире часовню. Они строили ее долго: спорили, обсуждали чертежи и рисунки. Они работали за длинным каменным столом в одном из королевских залов. В зале были высокие и узкие окна, длинный стол стоял в центре, и на нем был жуткий кавардак: холсты, бумага, рисунки, чертежи, схемы. Архитекторы и художники — все разные, кто в тюрбане, кто в шляпе с пером — были заняты работой и спорами. Они жарко спорили, потому что каждый представлял красоту по-своему. Многие бросали все и уходили прочь, и тогда царь искал новых художников. За эти годы у царя побывали все художники мира. В конце концов осталось двенадцать человек — самых талантливых и преданных идее. Они и выстроили часовню.

Я посмотрел на Леську — ее бледное лицо было мечтательным и счастливым. Я хлопнул себя по коленям и сказал:

— Отдохнули? Вперед!

Мы вышли к набережной и стали на светофоре.

— Почему ты молчишь, Бук? Тебе моя экскурсия не понравилась?

— Мудрец же слепым был.

— Да. Поэтому и случилось чудо. Чудо с выгодой не совмещается. Разве не так?

И она завопила, как рыночный зазывала:

— А теперь это чудо открыто для всех! Смотрите и наслаждайтесь, дорогие гости!

— Леська! — Я дернул ее за рукав, потому что стоящие рядом туристы с любопытством на нас смотрели. — Пойдем, зеленый. Сену видишь?

— Вижу. И каждый день я бы придумывала новые неправды. Какое-то время я продержалась бы.

— Ты бы смогла, точно, — кивнул я и буркнул: — Кханга.

— Что?

— Ничего. Где-то дальше, — я махнул рукой вперед, — тот самый участок набережной — книжные ряды. А тебе, Леська, не на французский надо, а на журналистику, — сказал я.

— И туда, и туда подам. И еще куда-нибудь. В пять точек.

— Правильно. В философию только не лезь, там от тебя помрут. Смотри, скользко...

По каменным ступеням мы спустились к реке. И солнца, и ветра здесь было много больше. Двое детей под голыми каштанами играли в мяч, а женщина — наверное, их мать — сидела на складном стульчике и читала книжку. Река была мутной, а стенки парапета позеленели от сырости. Длинные носы двух барж, упрямо поднятые кверху и подрагивающие на волнах, тянулись нам навстречу. «Упрямые, как Леська», — подумал я о баржах.

Внизу набережная была уютной, хотелось идти и идти вдоль мутной реки, улыбаясь февральскому солнцу. И мы пошагали с Леськой навстречу носатым баржам, а скоро уже ясно видели впереди пестрые букинистические лавки.

— Как у нас, — кивнула Леська на мост, увешанный замками.

— Это у нас как у них.

Под теплым ветром Леськины космы растрепались и на шаль теперь не походили. Она колупнула носом сапога забившийся в щель мостовой кленовый листок:

— Смотри-ка, Бук, выжил! До новой весны дотянул, бедняга.

Леська подняла мокрый листок, прилепнула его к моей куртке, крутнулась на подошвах сапог и припустила вперед. А я заспешил следом. Я думал о том, что бледная сизоволосая Леська в новом зеленом шарфе и смешных сапожках ловко вписалась в стиль этого города. «Она такая бледная, потому что долго жила на Севере. А глаза у нее тоже бледные. Или далекие. Такие нельзя не помнить».

Леськина мать была старинной моей приятельницей — в детстве мы учились в одном классе и жили по одной улице. Маленькую Леську я учил читать и писать. Мы занимались несколько лет, а потом Леськина мать подалась на заработки — в Якутию. И Леську с собой увезла, конечно. Лет семь они там жили. Из города Нерюнгри я получил от Леськи письмо: «Пишу тебе, Бук, потому что пришла записка от Ушки. А ты и не

знаешь, что она пишет мне, да? Ты невнимателен к тем, кто тебя слабее. Ушка жалуется на тебя, говорит, что ты давно не покупаешь ей конфеты. Тебе трудно купить сто граммов дешевой карамели, Бук? Прошу тебя, сходи в магазин, сделай это для меня и для Ушки. За это я расскажу тебе, что видела, когда мы с подружками ходили в лес, который все здесь называют тундрой».

История, поведенная Леськой, была метелисто-захватывающей и подозрительно невероятной. Сомнения зародились во мне не зря: когда в своем рассказе Леська добралась до места, где «на поваленном дереве сидел снежный человек и курил трубку из кедрового сучка, а дым из этой трубки валил золотисто-белый, как изморозь», я понял, что она врет. Я мог бы сразу догадаться. Одна ее Ушка чего стоила. Когда маленькую Леську приводили ко мне на уроки, она спрашивала: «Почему ты живешь один, Бук? Тебе нужна собака или кошка». Я объяснял девочке, что, бывает, неделями в командировках пропадаю. Тогда Леська придумала: «Мы тебе, Бук, домового заведем. Маленькую девочку, Домовушку. Ушкой ее назовем, ладно? Она без тебя и неделю сможет. Она самостоятельная. Ты только ей водички налей в блюдце, в кухне поставь. И конфеты иногда покупай, она их любит». Так и пошло — приходит Леська на урок: «Как себя Ушка вела? Хорошо? А ты ее конфетами угощал? Дай, я сама: Ушка, Ушка, иди ко мне, на, на, на...» Приходилось подыгрывать.

А в прошлом году Леська из Якутии вернулась. Ее мать позвонила мне: «Поступать будем на французский. Мы уроки брали. Каждый день. Но... сам понимаешь — в питерский вуз поступить... Позаниматься бы с ней надо. А ты у нас знаток. Не забыл еще первой своей специальности? Подготовь по старой дружбе, а?.. Леська ни о ком, кроме тебя, слышать не хочет».

— Смотри, Бук! Русская! — Леська улыбнулась продавщице — полной женщине, с виду итальянке, и потянула книжку за худой корешок. Глянула на обложку: — Фёдор Сологуб, «Мелкий бес». Читал?

— Угу, — отозвался я, глазами шаря по прилавку.

Других русских книг у продавщицы не было.

— Она интересная, Бук?

— Серьезная. Тебе не понравится, я думаю.

— Нет, Бук, давай купим, — и она обратилась к женщине: — Сколько стоит?

— Один евро, — ответила та и тоже улыбнулась Леське.

— Слышал, Бук? Всего один евро! Я возьму!

— Смотри, не хватит на тайну.

— Не волнуйся.

Покупку Леська всучила мне. Издание было обычным: современным, в мягкой обложке, карманным. Тогда я, конечно, не знал, что для книжки в этой истории уготована роль особая.

— Наверное, ее оставил в гостинице какой-то русский турист, — сказал я. — Со времен Фицджеральда в Париже мало что изменилось.

— А может, его убили? — предположила Леська.

— Кого?

— Туриста, конечно. Дело замяли, а вещи раздали разным бедным торговцам. Но вот какой-нибудь седой Эдгар видит книгу покойного в руках одного русского учителя. Субъект совсем не похож на убийцу, что вы! Это милейший месье, который к тому же ни на минуту не разлучается со своей юной воспитанницей.

— Леська, пойдем уже! — Я сунул книжицу во внутренний карман куртки, при этом зачем-то торопливо огляделся, и Леська закатилась хохотом.

— Перекусить бы надо, — сказал я не очень приветливо.

— Пойдем, только ты все равно меня выслушай. — Леська вцепилась в мой локоть, ее волосы на ветру коснулись моей щеки, и мне показалось, что от Леськи веет талым снегом. Или так пах парижский мокрый февраль?

— Под видом русского туриста скрывался искусный грабитель, — торопливо рассказывала Леська. — Это был безликий человек — лысый, блеклый, среднего роста. Скрываясь от правосудия, он вынес сто пластических операций, и его лицо лишилось сразу всех примет, кроме одной: оно было страшным. Несколько месяцев назад безликий грабитель был подкуплен главой жестокой, кровожадной секты, которая хотела получить священные реликвии Парижа, чтобы пошатнуть могущество города. Разработали неслыханного коварства план. Выполнению плана ничего, ни при каких раскладах уже не помешало бы. И вдруг в тот самый день, когда должно было случиться злодеяние, когда жестокий сектант тер руки, томясь нетерпением, горничная находит мнимого туриста мертвым в его гостиничном номере. В секте об этом, разумеется, тут же узнают. И службы, и преступники бросаются вести расследование. Они сталкиваются друг с другом, совсем запутываются, но никаких улик. На теле убитого не нашли ни ран, ни других следов применения силы, а вскрытие ничего не показало. Нашлась одна только странность: на груди жертвы обычным черным фломастером был нарисован симметричный орнамент — точная копия творения Бискорне на воротах собора Богоматери.

— Леська! — Я представил вдруг труп, расписанный виньетками.

— Ну подожди, Бук! — Леська постучала кулачком по моей руке и перепрыгнула через лужу. — Так вот. Простые люди пару дней оставались в неведении. Но, как обычно, сплетни просочились в массы. Что тут началось! В месте кремации кровавого грабителя собрался весь город. После сожжения тела толпы людей босиком шли до собора Богоматери. Парижане ликовали. Приехали высокие гости. Люди шли босиком и несли цветы, чтобы украсить ворота храма. Колонны двигались до глубокой ночи; ворота собора и все вокруг к вечеру утопало в цветах. С того дня у французов появился новый праздник, и традиция шествия к собору с букетами будет жить еще тысячу лет.

— Красиво, — признался я. — А мы пришли.

На углу старого дома сидел огромный негр в маленькой белой шапочке. Он настраивал гитару — готовился к вечернему заработку. Здесь

была популярная среди туристов чайная. Мы перекусили в чайной, а потом пошли к Нотр-Даму, чтобы взглянуть на город со смотровой площадки собора. На небе стали собираться облака, и я сказал, что надо успеть увидеть город, пока погода не испортилась. Так что в обратную сторону мы шли быстро, и очарование мокрых набережных было для нас привычным. Я вспомнил о том, как утром мы чужаками стояли на перекрестке, и подумал, как быстро мы стали Парижу своими.

— Здесь очень странно, Бук, — шептала она. — Ты чувствуешь? У меня и сердце бьется.

— Тебе, наверное, кофе нельзя. Ты не устала?

— Ты что! Я волнуюсь просто. Тут тайной пахнет.

— Нюх у тебя хороший, но на здешние тайны наших грошей не хватит.

— Тайны дорого не стоят, они не сокровища.

— В собор мы пойдем позже. Сейчас мы только глянем на Париж и сразу спустимся.

Вверх по ступенькам мы взобрались быстро, потому что первой шла Леська. Следом за ней я нырнул в узкую дверь, и мы оказались на террасе — высоко-высоко над островом. Ветер здесь дул сильнее, хотя небо, разленившись с обеда, замедлило бег. Я снова подумал о том, какое необычное над Парижем небо: «Оно живет по своим правилам». Облака стали гуще, тут и там они сбились в кучи, словно люди во время митинга на широкой площади. «День стал мрачнее, но городу под собором приглушенный свет к лицу», — думал я.

Маленькие дома с узкими длинными окнами и вытянутыми крышами грудились в беспорядке. В нем угадывались замысловатые лабиринты улиц, пятна скверов и площадей. Тонкие башенки со шпилями казались играючи расставленными кем-то для украшения города, который, решил я тогда, имел женскую душу. Я думал: «Хозяйка души славна безупречными манерами; никогда не поймешь ее настроения, никогда не узнаешь возраста». Я вспомнил, что в вечную эту Мадам влюблены были и Гюго, и Стендаль, и Фицджеральд, и Ремарк, и многие, многие, многие... и подумал, что чувства их до сих пор витают здесь, легко и свободно парят над крышами — дразнясь, цепляясь иногда за тонкие шпили звонниц. «Город любви!» — мысленно воскликнул я.

— Вот кто хозяйничает в городе! — разбил мои восторги Леськин голос. — Они здесь главные, ты видишь?

Леська стояла, ласково, как большую добрую псину, поглаживая химеру.

— Они за всеми присматривают. Они смотрят на нас. Как будет по-французски «созерцают»?

Я ответил.

— Они созерцают нас.

Серо-желтоватая химера спокойно взирала вниз пустыми глазницами. «Хищник, но сейчас не тронет. Как спящий лев», — подумал я.

— О них ходит много легенд, — сказал я Леське.

— Летают по ночам, кричат, детей воруют?

— Ну да.

— Браки, — отрезала она.

— С тобой невозможно, Леська! — ее упрямство становилось не-носным.

— Сам посмотри, Бук! Зачем им летать? Они сидят здесь и ждут.

— Чего?

Она на секунду задумалась:

— Ждут, когда все это кончится...

Мы пошли кругом по галерее, останавливаясь, чтобы лучше рассмотреть химер, и подолгу оставаясь там, где удобнее было видеть город. Леська закуталась в шарф, а я натянул капюшон, потому что с западной стороны дул сильный ветер.

— Это горгульи. Вообще-то они — водосточные сооружения, — сказал я.

— Они домашние, как наша Ушка. — Горгулий Леська тоже поглаживала, как зверушек. — А химеры другие.

Прижавшись к бордюру, мы смотрели на Париж в свете уставшего за день солнца. Мы отыскивали хрупкую фигурку серенькой в тот час Эйфелевой башни, потом нашли верхушку часовни Сен-Шапель, проследили весь путь нашей прогулки по набережным. С запада облака плыли редкими далекими лодками, ранние сумерки сделали очертания города отчетливыми. Вытянутые крыши и тротуары казались синими, а Сена потемнела. Я подумал, что у мадам Париж случаются разные настроения и все они по-разному ее красят.

— Представь на месте этого города пустырь, Бук, — сказала Леська, и я вздрогнул. — Ничего нет. Одна голая равнина — пустая и черная. Она повсюду, насколько хватает глаз. А в самом дальнем далеке она вливается в ровное и черное небо. Ты едва видишь это отсюда, с высоты собора, который чудом удалось сберечь. Еще ты видишь, как медленно и неохотно оживает вон та химера: она похрустывает суставами, сотрясается в мелкой судороге и смотрит вниз — уже по-настоящему смотрит. За первой химерой оживает вторая, седьмая, девятая... Каждая химера смотрит на пустую равнину по-своему. Одна страдает: «Бедные, глупые люди». Другая злорадствует: «Так пожинайте же, жалкие твари, что сеяли!» Третья бранится: «Как могли вы, неблагодарные!» А следом за химерами оживают глупые горгульи. Они бестолково снуют по стенам, щебечут неразборчивое, свистят, пищат, друг другу мешаются...

— Леська! — оборвал ее я. Я сердито подумал, что она все испортила и смотреть на город теперь стало грустно. Но не сказал ей об этом.

— Прости, почему-то мне такое подумалось, — сказала она, и я понял, что ей тоже немного грустно.

— Мы сейчас ходим между башнями? — спросила Леська.

— Да. Говорят, в схеме собора — секрет философского камня.

— Это про то, как из ничего получить все?

— Ну, в общем, да... А вон там мы живем, видишь? — Я показал в сторону Марэ, где небольшим пятном светлели низкорослые домики.

— Совсем близко. Ты молодец, Бук, что нашел эту квартирку. Она удобная, и мне уже захотелось вернуться к нашим слонам.

— Тогда скажи, где надо искать твою тайну.

— В ювелирных лавках, конечно.

Я тяжело вздохнул.

— Я чувствую, что найду ее быстро, Бук, — попробовала утешить меня Леська. — Нужны недорогие лавки, совсем маленькие.

— Кажется, это как раз в наших краях. Идем к серым слонам? А сначала поужинаем вон там, за площадью. Я помню там неплохой ресторан. — Я оживился, радуясь тому, что надо идти к дому: «Скоро начнет темнеть. Если повезет, с шопингом мы сегодня покончим, и завтра мне будет легче жить».

Когда мы вышли из ресторана, уже стемнело. Город увесил себя желтыми пятнами фонарей, движение на дорогах стихло. Сена стала совсем черной и казалась теперь холодной. В темноте дома выглядели старше, чем днем, на стенах морщинами проступили трещины, резче выступили чугунные решетки балконов, подоконников и дверных запоров. Черные голые каштаны казались почему-то мокрыми, и, глядя на них, я подумал, что в первый день в Париже с погодой нам повезло, но завтра, скорее всего, будет дождливо.

Мы устали под вечер и петляли улочками Марэ неторопливо, но скоро заметили, что мелкие лавчонки закрываются, и пошли живее. А потом носились почти бегом: суетливо высматривали сияющие прилавки и заходили внутрь ювелирной, если ее не закрыл хозяин. Заскакивали в лавку, растрепанная, запыхавшаяся Леська здоровалась с хозяином, на пару минут замирала у витрины, прощалась с хозяином, и мы устремлялись прочь.

Через полчаса такой прогулки я смертельно устал, в очередную лавку решил не входить и остался ждать Леську на входе. Закурил, подумал, что день был не так уж плох, и тут увидел, что с той стороны окна мне отчаянно машут руками Леська и ювелир в красной рубашке. Я чертыхнулся и бросил в урну окурки.

— Шестьдесят пять евро? Хорошо. — Леська любовно крутила кольцо на среднем пальце.

Я заметил, что ногти у Леськи квадратные и совсем плоские, а рука ее не девичья, а девчачья — детская совсем ручонка.

— Скажите, месье, в этом кольце есть тайна?

На ювелира она не смотрела, не сводя глаз со скромно мерцающей при искусственном свете безделушки.

— Разумеется, мадемуазель. Любое красивое кольцо не обходится без тайны. А это кольцо красиво, не так ли?

Они говорили очень медленно; из-за этого и из-за того, что свет был ненатуральным, и мы так устали, и рубашка ювелира была такой ярко-красной, мне казалось, что я смотрю замедленное кино.

Они рассматривали кольцо на Леськином пальце, а я оторопело смотрел на них.

— Да-а... — тянула Леська, — тайна... И вы расскажете ее нам, месье? — медленно спрашивала она.

— А вы уверены, мадемуазель, что этого хотите?.. — медленно спросил ювелир.

Леська медленно подняла глаза на ювелира и стала вдруг очень серьезной.

Я вмешался:

— Конечно, — сказал я, чтобы кино побыстрее кончилось.

Но Леська отстранила меня и улыбнулась продавцу. Будто очнувшись, она заговорила в обычном ее темпе:

— Простите, месье, нам нужно подумать об этом. Разрешите, мы зайдем к вам завтра? В котором часу вы откроетесь? Спасибо. Доброго вечера, месье. Спасибо.

Когда мы вышли, в Марэ было темно и тихо. Я сообразил, где мы находимся, и повел Леську к переулку с тупиком слева от подъезда. Это оказалось недалеко, и скоро мы увидели знакомую улицу, которая утром так счастливо улыбнулась нам. Пока мы шли, Леська молчала и только у знакомой улицы она заговорила снова.

— Прости, Бук, но мне стало вдруг страшно. А если он расскажет мне то, от чего я не смогу носить это кольцо?

Я почувствовал раздражение, но сдержался:

— Не переживай. Это в трех шагах от нашего дома. Вернемся сюда, когда ты захочешь. А сейчас — домой. У меня ноги отваливаются.

— Хорошо, только купим круассанов.

— Ты объешься, — сказал я, прикинув, что съестное можно купить на перекрестке, где утром мы пили кофе.

— Да, учитель! Я хочу набить полное брюхо вкуснейшими парижскими пирожными и лопнуть со страшным треском.

— А я?

— Купи себе бутылочку французского вина.

— Издеваешься? Я обещал твоей матери не пить ни грамма.

— Можешь ее не слушаться. Не бойся, я тебя не сдам.

— Нет, я человек слова.

Мы нашли кондитерскую, которая тоже в этот час закрывалась, и юркнули в теплый маленький зал. Леська купила красивых круассанов, профитролей, пирожных, рогаликов, бриошей, все это продавец упаковала в белый хрусткий пакет, с которым мы пошли к нашему дому.

На суматошном перекрестке, где утром весело улыбался город, было безлюдно и тихо. В переулке мы встретили одиноко сидевшую у двери черную кошку, а когда поднимались к себе по тесной лестнице, обитые деревом ступени громко скрипели. В нашем доме, кроме нас, казалось, вовсе не было жителей: из квартир не доносилось ни звука.

Леська заварила себе чай.

— Теперь священнодействую я, — объявила она, когда я вышел из душа. — Иду читать «Беса» и объедаться пирожными.

— Что за тон, ученица?

— Учусь у старших, — сказала Леська и направилась к себе с чашкой и широким хозяйским блюдом, полным душистой выпечки. — Прошу не беспокоить, — добавила она, притворяя за собой дверь.

Я растворил в стакане пакетик кофе и, хорошо зная, что пить кофе не стоит, что после кофе я не засну полночи, а в голове будет роиться разная дребедень, отправился со стаканом на балкон. Это был теперь мой балкон. Небо надо мной все мчалось куда-то. Небо не было темным и на нем полосками текли низкие облака. Силуэты десятков труб чернели на крышах. Я долго пил кофе и смотрел на старый город, а потом отправился спать.

«Слоны уснули», — сказал я себе, укладываясь на красный диванчик в гостиной. Я вспомнил, что выдумывала Леська про Сен-Шапель, таинственно убитого грабителя, химер и обо всем другом, что видели мы за день. «Какая она все-таки вредная, — думал я. — Не от мира сего. И она все время меня злит». Зачем-то я вспомнил, как подходила наша очередь к стойке паспортного контроля, как Леська цапнула раскрытый мой паспорт, глянула внутрь и рассмеялась:

— У тебя есть имя?

— И отчество, и даже фамилия, — ответил я, сердито отняв у нее багровую книжицу.

— Нет, пожалуйста! — вцепилась в меня руками. — Бук, пожалуйста! Оставайся Буком! Можно?

Я оттолкнул ее:

— Ладно, иди, билет не вырони.

Под дверью Леськиной комнаты лежала полоска света, было слышно, как она листает страницы. «Надо быть терпеливее с ней, — думал я. — Какое мне дело до того, что она болтает? В конце концов, я отвечаю лишь за ее французский. И экскурсий больше заказывать не будем: для нее это слишком много. И все равно — она меня чем-то злит». Я пытался понять, когда появилось во мне неудобное это чувство. Началось, кажется, в самолете. Она спала всю дорогу, а мне это не нравилось: могла бы выдать из себя хоть каплю волнения, впервые летела в Париж все-таки. Но отчего же ей было не спать? Молодой организм, здоровая реакция, защита от стресса. Я очень нудный учитель. И лучше бы я спал тоже. Но заснуть я не мог и все думал о том, почему Леська так сильно меня злила. Когда она была маленькой, мы неплохо ладили.

Перед моими глазами плавали химеры, витражи и булыжник набережных. В комнате Леськи было темно и тихо, когда я слушал, как на нашей крыше шебаршится дождь...

* * *

В двери грохнуло так, что стены, казалось, вздрогнули. Бук вскочил со стула и выругался:

— Васятка, черт бы тебя!

Обычно по выходным от беседы с соседом Бук не отказывался: часовщик был мужик занятный. С вырезанным аппендиксом, желчным пу-

зырем, гландами, с чем-то еще удаленным и усеченным из-за язвы желудка, Васятка считал, что в человеке, как и в часах, много лишнего. «Главное, чтобы механизм пахал, — рассуждал Васятка. — Тогда и польза будет». Насчет механизма Бук не спорил, а по поводу пользы сомневался, хотя в Васяткиной философии все выходило гладко, как на поверхности лужи — вон той, что на месте футбольного поля, самой обширной в их дворе лужи, глубокой, раздольной и незыблемой дождливым летом, похожей на пруд из-за торчащей по краям травы.

«Дождь перестал, кстати, — заметил Бук, морщась от грохота. — А на часах уже три — ничего себе. Впустить, что ли, Васятку? Легче станет — и ему, и мне. Нет, сегодня нельзя. Треклятый телефон зазвонит, я чувствую. Зазвонит-зазвонит, собака. Прости, сосед, не у всех, видишь, как у тебя, просто все получается». Бук подумал, что, если Васятка не угомонится, вечером отделаться от него будет сложно: включишь свет — сосед заметит с улицы, а впотымах от него скрываться — тоска. И из дома не выйти... Бук плюхнулся в кресло-качалку и стал раздраженно раскачиваться. Если бы не грохот, производимый Васяткой за дверью, было бы слышно, как ожесточенно скрипят крашенные половицы под полозьями.

«А шум этот хода дела теперь не изменит. Или изменит, а?» — подумал Бук. Своей привычки к праздному раздумью Бук не любил, но, как всяк и всякое свое, перед другими ее оправдывал. «Любопытство не порок», — говорил он Васятке. «Экспериментатор ты хренов, — отвечал Васятка своему соседу. — Нам такое сроду не понять. И не надо нам такое, потому что без пользы оно, понял?» От таких Васяткиных речей Бук всегда заводился: принимался с жаром рассказывать, как один француз годами смотрел на лилии, как великий итальянец сутками за мухой наблюдал, а другой колошматил себя электрическими разрядами. И других великих вспоминал Бук — наших и не наших. «Ведь это было Богом предложено — мыслить», — доказывал он соседу.

Последний раз Бук завелся из-за букв.

— Слышь, Васятка, смотри-ка, — попросил он сразу, как только по первой выпили. Вынул листок, ручку, придвинул все к соседу и говорит: — Быстро напиши мне тут набор букв. Ну, там... мэ, лэ, бэ, жэ... какие хочешь. Чтобы не слово было, а буквы беспорядочно. Только ты не думай, быстро пиши.

Васятка накорябал: «Дудуду».

— Дундук ты, Вася, — разочаровался Бук. — «Дудуду» — это как слово, это ты придумал сначала, потом записал, а я тебя просил — не думая.

— Так не бывает, — постановил Васятка, старательно расписавшись на бумажном листке еще несколько раз. — Кто-то умеет, скажешь?

— Да так, девчонка одна, — сказал Бук.

«А читала она тоже наоборот, — раздумывал теперь Бук, кривясь от грохота. — Керох вместо хорька был». Обычно детям сложно согласную с гласной соединить, но если получилось однажды — все, понеслось-поехало, по слогам сначала, потом как надо читают, гладенько. С Леськой

все по-другому было. Складывать буквы научилась на раз, а потом пошли бедствия: то в одну сторону она читает, то в другую — абракадабру вычитывает. И не переспоришь, бывало. Про кероха того глазом не моргнув сказала:

— Нет, не хорек он, а Керох. У него изо рта — дух грибной. Он детей, которые в лесу теряются, домой приводит. А дети его только однажды и видят — это когда он их найдет. Найдет Керох ребенка, грибным духом на него дохнет, и заснет малыш и не вспомнит ничего. Мамы и папы удивляются, ребенка спрашивают, а тому и сказать нечего.

— Приштнду! — отчетливо и злобно выговорил Бук, вернувшись к столу, бросив кресло. Оно все скрипело, качалось, секунды назойливо звякали, а Васятка долбился в дверь. Бук сел за стол и включил настольную лампу. Свет от нее шел слабый, болезненный. «Когда стемнеет, с улицы видно не будет, — думал Бук. — А лучше бы Васятка восвоися убрался. Пора ему — с самого утра нарезает. А еще лучше, если б скорее все кончилось. Пусть телефон бы зазвонил, что ли». И Бук стал читать дальше...

* * *

— Бук, вставай!

Я открыл глаза и вспомнил, что я в Париже. Настроение мое было чудным: встало новое утро, новый ветер гудел за окном.

Леська брэнчала посудой — мыла вчерашнее блюдо и заваривала чай.

— Тебе кофе?

— Я сам.

— Надо пойти в лавку и забрать кольцо, — сказала Леська, и я подумал, что настроение мое портится. — Боюсь, что кольцо купит кто-то другой и я останусь без тайны.

— Другую найдешь.

— Ты с ума сошел?

«Да, с ума сошел, — подумал я, застилая красный диванчик. — И я понял, что меня бесит: она руководит мной, каждую минуту! Она командует мной, хотя командовать здесь должен я».

Когда я вышел в гостиную умытым и чисто выбритым, Леська сидела за барной стойкой с чашкой чая.

— Пирожные остались? — спросил я.

— Нет.

— С ума сошла? Тебе плохо не будет?

— Было бы уже. Как по-французски «сойти с ума»? Мы два раза сказали «сойти с ума», к чему бы? Ты кофе пей.

— А ты не указывай, что мне делать.

— Извините, учитель.

— Вот так-то лучше. — Я старался успокоить себя, работая ложечкой, но получалось плохо: кофе расплескивался, а ложка звякала по чаш-

ке. Я плохо спал этой ночью и чувствовал, что слегка расклеился: голова была тяжелой, а в горле скребло, как при простуде. — У меня священный ритуал, — напомнил Леське, долив кипятку в чашку. — Все остальное — после. — Взяв кофе, я отправился на балкон.

Я закурил сигарету, облокотился на холодные перила и стал смотреть на мокрые стены мелованных домов и бегущее над ними небо. Сыпал мелкий дождь, а ветер дул неохотно. Кроткие порывы ветра освежали мое лицо сырой дождевой пылью, горячий кофе приятно грел изнутри, и через пару минут мне уже нравилось, что шел дождь, что куда-то бежало косматое спросонья небо, что оцинкованные крыши и строгие цилиндры на них были мокрыми и в водосточных трубах гулко бряцали струйки воды. Сквозь стекло балконной двери я увидел, что Леська чинно сидит на моем диване, одетая в куртку и наверняка уже обутая в сапоги. «Черт бы ее побрал», — подумал я почти спокойно, допил остатки кофе и скомкал окуроч.

В тот день рубаха на ювелире была не красная, а черная. Он смахивал теперь на бармена, и это не вязалось с его массивной плечистой комплекцией. Лицо ювелира с утра было припухшим, с набрякшими веками. «Хорошо посидел вчера парень», — подумал я.

Леська повертела в руках кольцо, надела его и вытянула руку, устремив в потолок пальцы.

— Берем? — обернулась ко мне.

— Берем.

Тонкое колечко было гармоничным: встречаются такие вещи, где вдоволь всего и нет лишнего. Неброский маленький гранат, схематично обточенный под розу ветров, покоился на круглом серебряном блюде с легкой золоченой каемкой.

— Странно, что оно такое дешевое, — негромко сказал я.

Но ювелир услышал.

— Красивые вещи не всегда дорого стоят, месье, особенно если их автор — скромный неизвестный мастер. Цену таких украшений определяют материалы, а здесь они простые: гранат — камень недорогой, к тому же в этом колечке он мелкий; камень, серебро, немного позолоты — вот все, что потребовалось. Но у вашей дамы, месье, отличный вкус. Поверьте мне, я знаю, что говорю.

От «вашей дамы» меня слегка покорило, и я заторопил Леську с покупкой:

— Красиво. Берем.

— Хорошо, — сказала она, протягивая ювелиру деньги.

— Упаковка нужна?

— Спасибо, нет.

Я натянул капюшон, хотя видел, что с торгами Леська не закончила.

— Скажите, месье... Если я не узнаю тайны колечка, это... что-то изменит? Вы меня понимаете?

— Я понимаю, сударыня. Но, к сожалению, я не знаю ответа на ваш вопрос.

— Вы правы, месье. Спасибо. Если я решусь узнать тайну, то взгляну к вам позже, не возражаете?

— Конечно, сударыня. Приходите в любой день, когда вам захочется, — улыбнулся ювелир, и, кажется, я посмотрел на него с ненавистью.

Мы вышли из лавки. На улице дождь перестал, а ветер усилился. Плотный слой облаков в небе кое-где прорвало, и дырки в нем светились бледно-голубыми колодцами. «Эти скважины — как Леськины глаза», — подумал я. Спеша куда-то, женщина прокатила мимо нас детскую коляску; колеса бойко простучали по сырому булыжнику, и все стихло.

Оставшиеся деньги Леська отдала нищенке в сквере, которым мы шли в сторону реки:

— Она такая хорошенькая!

Нищенка и правда была на редкость приятной. В полосатой вязаной шапочке с большим помпоном, в старой теплой куртке и в полосатых гетрах на ногах, она сидела под картонным навесом, который, видимо, соорудила сама, спасаясь от дождика. Она была молодой и веселой, сидела, прислонившись спиной к дереву, улыбалась и вязала что-то полосатое. «Наверное, шарф», — решил я. Нищенка сказала Леське «спасибо» и попросила ее протянуть руку. Леська наклонилась к ней; я подумал, что нищенка хочет стащить у Леськи ее кольцо, но она проворно обмотала запястье Леськи цветными нитками, завязала нитки узлом и оборвала их концы. Теперь Леська сказала «спасибо», и я поспешил потянуть ее за собой.

— Как хорошо, что больше у меня нет денег! — воскликнула Леська. — Когда есть деньги, они мешают. Сегодня у меня три радости — свобода и две обновки!

Она снова вытянула вперед руку. На бледном запястье пестрел нелепый красно-зеленый браслет, а на среднем пальце сияло кольцо с мелкой багряной розой. На Леськиной детской руке кольцо смотрелось страшно дорогим украшением, а браслет на запястье сидел привычно, словно всегда был там. Леська обернулась и весело помахала нищенке. Я тоже обернулся: картонное укрытие оборванки громоздилось на мокрой зеленой траве, по которой бегала, разыскивая что-то, серая лохматая собачонка. Нищенка смотрела мне вслед и улыбалась, не прекращая вывязывать цветную полоску.

Несколько секунд еще я не мог отвести от нищенки глаз, будто чувствуя, что должен ее запомнить — запомнить, чтобы сто раз потом вспоминать ту, кто дешевыми нитками, без спросу и навсегда, привязала ко мне эту девчонку, а девчонку — к волшебному городу.

Может, в том мокром сквере я впервые взглянул на Леську иначе: может, невольно сравнил ее с милой нищенкой; может, мозг мой вывел мудреное шаткое равенство, в левой части которого поблескивало теперь безусловно женственное кольцо. Шагая по аллее под акациями мокрого заспанного сквера и стараясь запомнить нищенку в вязаной лыжной шапочке, я не знал, что в неприметном закутке тихого Марэ суждено будет проклюнуться где-то в дебрях меня самого мятежному, непохожему ни на

что чувству, с которым людям так трудно бывает сладить, которое трудно так описать. Я не думал про то, что рождение во мне этого чувства невозможно по тысяче причин или по одной лишь причине: нельзя соединить то, что витает в небе, с тем, что ходит по земле ногами в ботинках с каучуковой подошвой. Шагая мокрой аллеей, я не думал о чувствах, как не думал ни о себе, ни о Леське, ни о том, что разделяет нас и связывает случайное колдовство — быть может, колдовство этого города, что по праву «достоин мессы».

Я не знал, что ажурная изгородь сквера — ограда, за которой дальнейшее перепутается для меня так, что позже я и сам не разберу, что и за чем следовало, что откуда вело, что к чему прицеплялось. Дни, что повезло мне пробить тем февралем в Париже, казались потом ровными, как рано высаженная в Люксембургском саду рассада. Погода капризничала: то сеял дождь, то стихал, и в небе тогда открывались форточки, в них высовывалась кружащая в нетерпении весна; то принимался за проделки ветер — сдергивал капюшоны, путал волосы, смешивал холодную морось с теплым солнцем, смешивал запахи кофе, кондитерских, дыма от сигарет. К тому же все дни я чувствовал себя немного простуженным: во время прогулок по Парижу меня швыряло то в жар, то в холод, а иногда по телу разливалась такая слабость, что хотелось лечь на скамейку в ближайшем парке, закрыть глаза, вытянуть ноги и никогда больше не вставать.

Но чаще и гораздо сильнее этого мне хотелось запомнить все, что я видел. С неистовым, несвойственным мне упорством я всматривался в просветы в голых кронах акаций, каштанов и буков, в проемы нагромождений ребристых старых домов, в узоры чугунных решеток окон, фонарей и таинственно замкнутых ворот. Я фанатично всматривался во все, что меня окружало, словно знал, что буду потом пытаться припомнить каждую мелочь гардероба богатого этого города, буду стараться представить каждую ужимку Леськи, каждую гримаску бледного ее лица. Упрашивая или ругая память, я вспоминал свои прогулки по Парижу десятки, сотни или тысячи раз. И если что-то удавалось вспомнить, чувствовал настоящую радость, как будто давно уже сделал ставку и только теперь выиграл — пусть небольшую сумму, но настоящими, плотными купюрами.

Я вспоминал аллеи и тропинки Булонского леса и Леськины истории про разбойников, что в наказание за злодеяния превращены были в дубы и сосны и стоят понурые, не в силах тронуться с места, со времен Столетней войны; вспоминал зайца, которого видел в Булонском лесу под лысым стволом акации, лежавшего на прошлогодних листьях, которого я так хотел показать Леське, но не вышло, потому что ушастый удрал, как только я о Леське вспомнил. Я представлял, как рассказывал ей о Гомере и стране Весны у реки Океан и как предательски дрогнул голос, когда подумал, что Леська гибко вписалась бы в канувшее царство Эллады.

Помню, как, разгоряченные ходьбой, усталые, будто после пылкой травли, входили мы в бывший охотничий домик, полный пейзажей Моне, как увидели среди них «Впечатление» — существующее несуществующее, воздушное, хрупкое и бездонное, высмеянное и распятое современ-

никами, пережившее их, и детей их, и внуков... и нарекшее своим именем махину импрессионизма. Я помню, как, подыгрывая Триумфальной арке, встали на дыбы облака над площадью Шарля де Голля и так скакали куда-то — сизые крупы в диком изгибе страсти, пока брели мы с Леськой с охоты домой просторными Елисейскими Полями.

Мы много бродили по Монмартру и Латинскому кварталу. Мы без конца попадали там на новые для нас улицы, что вели, казалось, в нутро старого города, а улицы эти приводили к другим, сулившим новые глубины; мы покупались доверчиво и шли по другим улицам, а те уводили к третьим. Леська болтала разную чушь о несуществующих художниках, что живут в мансардах старых домов, и темные трапеции крыш над голыми стенами и длинные узкие ставни окон делались ярче, и было слышно, как корябают крыши мокрые ветки деревьев и бьют в стекло старые сухие листья, когда порывы ветра поднимают с тротуаров сор. Однажды на Монмартре мы выбрали на тихое старое кладбище, закрытое с улиц высокими серыми стенами. Мы прошли через него, слушая нежный тон звенящей над могилами грусти. Леська спросила меня, как по-французски «могила» и «обелиск». Я ответил, а потом она сказала:

— Знаешь, Бук, мне кажется, я каждую ночь умираю.

Это прозвучало совсем буднично, мне стало немного не по себе, и я не нашел, что сказать в ответ.

— И каждое утро я рождаюсь снова.

— Поэтому каждое утро ты не даешь мне спокойно напиток кофе? — пошутил я.

— Да, мне не терпится жить с начала.

В тот же день мы брели по бульвару Сен-Мишель и с него вошли в ворота Люксембургского сада. В большом фонтане плавал забытый кем-то кораблик, и Леська сказала, что он одинокий, и из страницы моего блокнота сделала другой кораблик, и радовалась, что когда-нибудь они встретятся, как два далеких цветка в саду Шекспира, а встреча корабликов притянет друг к другу два незнакомых сердца. Я подумал, что Леська, в сущности, наивная простая девчонка. И мне стоило бы попросту игнорировать ее причуды, посмеиваться над ее выдумками и больше думать о ее французском. А я зачем-то принимал всерьез всю ее целиком, обижался, спорил. Мы нашли в саду сухой, без воды, фонтан Марии Медичи, и в свете хмурого дня он показался нам всеми забытым и брошенным.

Однажды, отдавшись воле выгнутых улиц Бастилии, мы весь день до вечера блуждали там и я рассказывал Леське, какой она была, когда приходила ко мне учиться читать, перед тем как пойти в школу, и писать диктовки по русскому, когда училась в начальных классах. Леська смеялась: она ничего не помнила про лесного Кероха и совсем не знала о своих таинственных способностях читать в разные стороны и мгновенно выписывать хаотичные наборы букв вроде «кханга». Мы присели на скамейке под фонарем, и она наштамповала с десятков смешных «пріштнду», забавляясь моим удивлением. Потом стал накрапывать дождь, и мы поспешили к нашим слонам в Марэ. Мы шли улицей с жилыми домами

довольно поздней застройки. Кварталы напоминали питерские, где жила и где жила раньше с матерью Леська, подворотни тоже походили на наши, из глубины подворотен лился слабый свет, а некоторые дворы были темными, и Леська сказала, что узнавать что-то о прошлом — как заглядывать в темную подворотню, чтобы зажечь во дворе фонарь.

Другим темным вечером мы шли мимо Лувра, а Париж был тихим, притворно равнодушным, как будто скучающим. На набережной пошло сияние украшенные гирляндами деревья, от окон дворца и фонарей тек золотистый свет, и от него волосы Леськи светились, а ее лицо казалось полупрозрачным, как церковная свечка. Я рассказывал ей что-то про французских королей и их портреты в исполнении знаменитых художников, а Леська сказала, что боится смотреть портреты:

— Слишком они настоящие. В них прячутся живые души, от этого сташноовато.

Я решил не водить ее в Лувр, хотя очень хотел побывать там.

— Скажи, при каждой душе есть мелкий бес? — спросила Леська.

— Читаешь книжку убитого?

— Ага.

— Почему же при каждой? Есть святые люди, — ответил я, и меня бросило в жар, потом в холод.

— А у меня — есть?

— Ты — соплячка... может, не прижила еще, — сказал я, подумав, что до нашего отбытия из Парижа Леська, наверное, не успеет дочитать эту книгу, потому что читать она могла редко и недолго — перед тем, как заснуть, и утром, пока я пил кофе и курил на балконе.

— А у тебя, Бук? Есть бес?

— А как же! Еще какой! У-у... — Я скорчил рожу, скрючил пальцы и полез выцарапывать ей глаза. Она отстранилась, хихикнула:

— Уйди, ты страшный.

На нас налетела шумная молодая компания, что перешла улицу от набережной. Наверное, это были студенты. Все они что-то громко и не в лад пели, а черноволосый кудрявый юноша впереди был в блестящей маскарадной короне.

— Смотри, Бук! В Париже много королей!

— И королев, — ответил я и, кажется, покраснел, чего давно со мной не случалось.

Не знаю, сколько раз мы пересекли Монмартр, прошли все набережные Сены, все площади Ситэ и разные другие площади, и всё я вспоминал потом как единое волшебное действие. Пару раз еще мы навдывались в ювелирную лавку в Марэ, и Леська спрашивала хозяина о чем-то, связанном с тайной. Рубаха ювелира каждый раз была новой, и я решил, что жена его ведет свой бизнес — в сфере мужской одежды, а Леська возразила:

— Он сам их шьет, ты разве не видишь?

Она не верила ничему. Спорить с Леськой я устал, поняв, что, перечая ей, силюсь пальцами сдерживать напор воды пожарного шланга. Мне

хотелось показать ей любимый мной город, но она упорно городила свой Париж: строила улицу за улицей, возводила мост за мостом, сооружала башню за башней. «И конца не будет этому строительству, и никому на свете оно не нужно, но остановить его, похоже, нельзя», — думал я.

Иногда упрямство Леськи выводило меня из себя, вышибало из равновесия. Это было в музее Орсе: я рассказывал про письма Ван Гога, про тайну их с Гогеном сосуществования в домике, который так трепетно строил и украшал Винсент для себя и друга, и про то, что одно время Гогена считали причастным к смерти Ван Гога. Мы смотрели знаменитый «Сенокос» Гогена и бессмертную «Звездную ночь над Роной» Ван Гога — ходили от одной картины к другой, потому что они висят на третьем этаже в разных залах. Это была идея Леськи — сравнить. Мы глупо спорили, и меня злила Леськина манера судить обо всем просто так, безо всякого основания.

— В таланте дело. Он Гогену очень завидовал, — заявила она.

— Еще скажи, что Ван Гог был бездарен! — не выдержал я.

Но переспорить Леську нечего было и пробовать.

— Гогену живопись давалась легко. Ван Гог — нет. В каждом мазке его кисти — боль, ты разве не видишь? Он рисовал кровью и потом... Как по-французски «пот»?

«Разве не видишь?», «разве не слышишь?» — были обычные ее аргументы, и меня они очень злили.

Когда мы смотрели на «Звездную ночь», рядом остановились две красивые девушки. Девушки были высокие, стройные и очень яркие — обе с крашеными волосами, одна блондинка, другая шатенка, и мне стало неловко, что я стоял там с бледным привидением — Леськой. Я перестал спорить с ней, и мне показалось, что Леська смотрит на девушек с тем безропотным восхищением, с каким обычно дурнушки разглядывают красавиц. Девушки заговорили, и мы поняли, что они русские.

— Ну, такое я тоже намалевать могу, — сказала блондинка своей спутнице.

— Не говори, Катюш, я в детстве лучше рисовала, — ответила шатенка.

И они пошли в другой зал, где висел «Сенокос». Они держались под руки, у них обеих были красивые длинные ноги, девушки двигались грациозно и не спеша, как ходят по музеям и галереям те, кто привык бывать в них. Я проводил девушек взглядом, а потом увидел, что и Леська смотрит им вслед. И мы с Леськой ничего не сказали друг другу.

Я засмотрелся тогда на какое-то полотно, а Леська вышла. Потом я обнаружил ее снаружи зала. Она стояла в длинном вираже коридора, вцепившись руками в перила, будто хотела броситься — спикировать с бельэтажа в нижний зал. Я понял, что Леська сердита на девушек и на меня, и мне стало ее очень жалко.

— Здесь раньше вокзал был, — сказал я Леське, чтобы развлечь ее. — Вон там, наверное, работал буфет, — и я показал туда, где внизу располагались музейные кассы.

Леська молча смотрела, будто не слыша меня. А потом показала вниз — на то место под бельэтажем, над которым мы стояли:

— Нет. Буфет был там.

Мы засмеялись, и какая-то работница музея, проходя мимо, приветливо улыбнулась нам. Мы спросили ее про буфет на бывшем вокзале, но она ничего не знала об этом. Мы еще немного поспорили о том, с какой стороны въезжали поезда в нынешний музей, и Леська предложила поехать к Лионскому вокзалу. Мы спустились в метро, добрались до станции — и все это для того, чтобы узнать, кто был прав в нашем споре, хотя узнать этого было нельзя: на Лионском вокзале кафе «Страсбург» стоит у начала платформ, а другие кафе — справа по ходу прибывающих поездов. Зато мы узнали, что Лионский вокзал похож на тот, который изобразил Моне очень дымным, снизу доверху наполненным синим-пресиним цветом. Но картин мы с Леськой больше не обсуждали.

Не знаю, сколько раз в те дни ходили мы в собор Богоматери. Мы рассматривали собор снаружи, осматривали изнутри, сидели на гладких скамьях и слушали голос органа. Но чаще всего мы поднимались крутыми ступеньками вверх, ходили по террасе меж башнями — смотрели на город, на разноликих застывших чудищ. Я рассказывал Леське, как раньше были видны отсюда три части Парижа — Университет, Ситэ и Город; как правили ими мужи ученые, священники, богатеи с нищими художниками; как обростала столица пригородами; как районы города со временем смешивались и разные люди селились уже повсюду; и как Париж впитывал в себя это месиво, всех вскармливал и, наверное, что-то брал от каждого взамен.

Я рассказывал Леське про Эсмеральду и Квазимодо, и нам обоим казалось, что где-то в дальних домах бушуют страсти, что снизу тянет дымом цыганских костров и доносится бубен шальной плясуньи.

— Знаешь, Бук, — сказала мне Леська. — Все эти короли — они только на портретах остались да в статуях. А этот страшный горбун, Квазимодо, он здесь живет, — она понизила голос и заговорила шепотом: — Он где-то прячется, понимаешь? Забирается ночами на звонницу, оглаживает любимый свой колокол, поглядывает на старый Париж и улыбается жутким беззубым ртом.

— Может, ты права.

— Конечно, конечно, права! Он будет жить здесь до тех пор, пока мы об этом знаем. И чем больше людей знает про Квазимодо, тем яснее для них его присутствие. Я правильно сказала «явственнее»?

— Ты сказала «яснее». Но во французском у тебя прогресс.

— У меня самый лучший учитель. — И она погладила меня по руке так, как обычно гладила на террасе собора страшных химер и горгулий. — Бук, а что если прийти сюда ночью?

— Не пустят, думаю.

Потом мы слушали колокольный звон, я думал про горбуна и думал о том, что Леська, как и я, сейчас думает про горбуна и кто-то другой,

может быть, вспоминает сейчас кривого урода, навсегда заточенного в соборе.

— Мы помним его и этим продлеваем его жизнь, — не умолкала Леська. — Я думаю, он, как Кощей, бессмертен. Но я не хотела бы встретиться с ним, а ты?

Я усмехнулся. А про себя подумал, что, если б случилась такая встреча, мне пришлось бы забросить все и пойти в услужение — к Леське.

Когда мы сидели на длинных коричневых лавках и слушали орган, Леська вытянула передо мной руку с гранатовым колечком, как делала она по несколько раз за день, и сказала:

— Если я не узнаю тайны, я придумаю тысячу тайн. Но, возможно, настоящая тайна одна. А если я узнаю настоящую тайну, она исчезнет, потому что я буду знать ее.

— Она исчезнет, — ответил я, не подумав о том, что в волшебном соборе при свете свечей и органном пении не стоит произносить подобных фраз...

Позже, вспоминая все, каждое следующее наше утро я видел как предыдущее. Я пил кофе и курил на балконе, потом видел на красном диванчике Леську, обутую и одетую, готовую к выходу в наш Париж. Зачем-то тогда я много думал о ней. Была ли Леська умна? Я не знал. Была ли красива? Я не знал тоже. Когда украдкой, через стекло балконной двери, я поглядывал на Леську, сидевшую на красном моем диване, склонившуюся над «Мелким бесом» в ожидании завершения моего ритуала, я усмехался, я дерзко подмигивал Сологубу: «Нет, коллега, на мелкий грех не подвигнет меня даже чудесный факт вашего участия в наших судьбах». Но я был слишком самонадеян, как потом оказалось.

Я помню, как рассматривал Леськин профиль, который хочется мне теперь назвать ускользящим: гладкий лоб, тонкий прямой нос, ровненький подбородок, — и все это молочно-белое, все это лишь на мгновение приоткрыто убранной за ухо шторкой из дымчатой шали. Я понимаю, что если б и хотел дотронуться до нее — не случайно коснуться, а именно до нее дотронуться, — то не решился бы из одного только страха, что Снегурочка моя мигом растает. А когда однажды я зачем-то представил себе, как целую Леську — прикасаюсь губами к цвета речного тумана холодной ее щеке, я почувствовал вдруг, что замерзаю сам, покрываюсь пленчатой вуалью льда, что утром стягивает лужи на спусках к Сене.

Не думаю, что Леська была умна — сказать точнее, вряд ли умно судить о таком по детям. Я видел, что Леська непосредственна, открыта для всего и ко всему легка. Позднее, когда я вспоминал, как, слушая мои рассказы про Париж, девчонка тут же сочиняла другие, выстраивая свой, невидимый, не нужный никому город, я находил в этом бесспорное ее надо мной превосходство. Но в Париже этим строительством она лишь бесконечно меня нервировала и, похоже, совсем не понимала этого. Не знаю, заметила ли она нахальную кое-чью морду, что высунулась из

меня у пруда в саду Тюильри. Думаю, Леська ничего не заметила, ведь и сам я вылазку ту проморгал.

— Ты такой умный, Бук! Я страшно тобой горжусь, — сказала она, когда мы сидели на стульях у тихого пруда.

Было прохладное светлое утро, но тяжелые металлические стулья нагрелись на солнце и стали теплыми. Мы сидели, вытянув ноги и положив их на бордюр, что кольцевал пруд. Утро было тихим и нарядным, как ребенок накануне утренника, идти нам никуда не хотелось; мы долго сидели в весеннем светлом пятачке в Тюильри, и солнечные лучи облизывали наши лица. Рядом, в нескольких шагах от нас, на металлическом стуле сидела старушка в очаровательной светлой шляпке. Старушка ломала на куски печенье и бросала его на утоптаный песок. Старушка улыбалась, кормила голубей и все время что-то тихо говорила им. О чем она говорила, я не слышал, потому что рассказывал Леське про Луврский дворец. Глядя на старухино печенье, я почувствовал, что проголодался.

Леська, наверное, тоже; поймав подходящую паузу в моем рассказе, она сказала:

— Ты такой умный, Бук! Я страшно тобой горжусь.

Отвечать мне не хотелось, и мы еще немного посидели молча рядом со старушкой и ее птицами. Я думал, что сегодня — последний наш день в Париже, что завтра старушка принесет сюда свое печенье, на пятачок слетятся голуби и пустые стулья будет греть февральское солнце, но нас с Леськой здесь уже не будет.

— Почему ты грустишь, Бук? Сегодня ты грустный. Ты такой умный и такой грустный. Ты такой грустный, что мне тебя жалко, представляешь?! — Она засмеялась, а потом взяла меня за руку. — Знаешь, Бук, ты — настоящий Бук. В твоей голове уместается крупная библиотека. А знаешь, сколько лет этой старушке? Триста. Но она об этом не знает. Она приходит сюда каждое утро кормить голубей, и только раз в году, когда ночь бывает самой длинной, эти голуби прилетают сюда, и ворота в сад бывают открыты, и старушка входит в них, подходит сюда, на песчаный пятак у фонтана, и никто не видит, как подхватывает ее голубиная стая и уносит с собой — никто не знает куда.

Леська отпустила мою руку.

— Наутро после самой длинной в году ночи старушка просыпается в своей постели, совсем не помня того, что было. Она покупает печенье и снова идет в сад. Давно перестала старушка считать свои годы, и невдомек старушке, почему каждое утро так нужно ей идти к пруду в саду Тюильри и нести птицам свежее печенье... Не грусти, Бук, ведь ты такой умный, что почти такой же, как она, волшебник. Я и правда тобой горжусь. Ты самый умный на свете.

— Зато я не умею писать «прштнду», — буркнул я, неизвестно почему почувствовав вдруг сильную, как в детстве, досаду.

— Бук, ты что? Ты перегрелся? И из-за этой чепухи ты сделался таким вот нудным?

Мои глаза были закрыты, но я услышал, что она опустила на песок ноги и развернулась ко мне вместе со стулом.

— Мы последний день в Париже. Этот город — для счастья! Ты же сам мне это говорил!

— Я только подумал, что некоторым вещам научиться нельзя. И это грустно.

Я тоже поставил ноги на песок, открыл глаза и выпрямился.

— Город для счастья. Ты права. Последний парижский день. Не затратить ли нам пир, ученица?

А кое-чья нахальная морда залезла туда, откуда вылезла, довольная тем, что осталась никем не замеченной.

На оставшиеся у меня деньги Леськиной матери мы пообедали на веселой улице Риволи в шумном ресторане с окнами во всю стену. За соседним столиком сидели индусы: мужчина, женщина и три девочки разного возраста. На плечи женщины и девочек поверх курток были брошены отрезки яркого шелка.

— Цветастое какое семейство! — восхитилась Леська. А я подумал, что, может, все эти красавицы — его жены.

— У нас экзамен, ученица, — объявил я, сделав заказ. — Знаю, ты не любишь портретов, но все же: опиши меня по-французски.

— Дай подумать. — Леська ненадолго увела взгляд в солнечное окно и вернула обратно. — Только один вопрос: как по-французски «браунинг»?

Я сказал, как по-французски «браунинг», и заметил:

— Но оружия у меня нет.

— Твое лицо усталое, немного худое, — начала Леська, разглядывая меня, как любимую свою химеру. — Ты никак не можешь поправиться. Лицо слишком темное, особенно ниже глаз. От закрытых глаз мелкие морщины бегут в стороны, и мне поэтому кажется, что ты щуришься, глядя вдаль. Щетинистый твой подбородок смягчает наивная ямочка. Твой нос — некрупный, похожий на перевернутый птичий клюв — в межбровии тонкий, широкий у основания; губы твои не полные, ясно отчеркнутые, у них дерзкий рисунок или дело тут в тонком шраме над верхней губой.

— Метка детского хоккейного вратарства, — вставил я.

— «Вратарство» я бы не сказала, — призналась Леська. — У тебя косматые брови... и весь ты какой-то всклокоченный — мартовский воробей, хотя стрижка твоя короткая, и она идет тебе, как идет тебе этот цвет волос — цвет холодного браунинга под ярким на солнце снегом.

— А без оружия вам, мадемуазель, никак нельзя? — усмехнулся я.

— Что ты! Никак нельзя! Браунинг и снег — это пахнет дуэлью. А тебе бы пошло, Бук, быть застреленным на дуэли.

— Спасибо, — сказал я ей, в общем, искренне.

Тот день закончился быстро: до вечера мы покупали сувениры друзьям и родственникам, сходили попрощаться с горбуном собора и му-

дрецом Святой часовни, а когда шли по набережной к мосту Менял, я видел, как по каменной стене рядом с нами шагали высокие наши тени. Мы шли в полушаге друг от друга, а наши тени на длинных кривых ногах, как пьяные, весело шагали по стене в обнимку. Когда мы вернулись домой, Леська заявила, что не тронется с места, пока не дочитает «Беса». Я долго торчал на любимом моем балконе, потом лег на красный диван и не заметил, когда уснул.

А потом она разбудила меня. Я сразу услышал, как она крадется, тихо-тихо ступая босыми ногами по деревянным доскам нашей гостиной с красным диванчиком. Я почувствовал, как толкается внутри меня сердце — будто силится прорвать гибкую стенку, одолеть тончайшую и прочную преграду. Она остановилась против диванчика и застыла. «Может, она на балкон пошла?» — подумал я. Но Леськин силуэт, замерев ненадолго, качнулся и стал приближаться. Я смотрел на нее сквозь ресницы неплотно закрытых век. Она застыла у самого края дивана.

— Бук? — позвала шепотом.

Я молчал.

Леська, видимо, пригляделась в темной комнате; она села на пустой край дивана и снова застыла.

Я старался дышать ровно.

— Бук? — позвала она громче и тронула меня за руку.

«Позовет еще раз, тогда услышу», — решил я.

Но она не позвала.

— Бук, я поняла, что значит философский камень.

Меня как будто кипятком обдало... скорей наоборот — водой из проруби. Это было так неожиданно, что я невольно издал какой-то неясный звук.

— Леська, — кажется, сказал я, и голос мой вышел чужим — скрипучим и старым.

— Это просто, Бук. Книжка. Или картина. Или музыка. Пусть будет картина, ладно? Ее берут ниоткуда, из воздуха — придумывают, потом перегоняют в жидкость... тут я не знаю, в какую — в кровь или мозг, или что там еще возможно; и... как это сказать... не знаю... можно я по-русски, а?.. И воплощают. Не знаю, как по-французски «воплощают». Воплощают в твердое тело — в буквы и строчки, в ноты, если картина — в краски и холст. Воплощают — из ничего готовят золото. А потом кто-то видит ту картину... и все понимает. Понимая, он создает первое ничто — то ничто, что было вначале. То, первое ничто, оно всегда существует. И круг смыкается.

Я с трудом воспринимал то, что несла Леська: она начала на французском, потом перешла на русский, а потом все смешала; сердце рвалось из меня все сильнее, казалось, место, где билось сердце, вздувается пузырем на сдуревшем болоте. Вся сила моя стеклась к этой пульсирующей точке, больше нигде жизни во мне не было, и я не мог ни шевельнуться, ни выдохнуть.

— Спокойной ночи, Бук, — сказала Леська и встала с дивана.

Ее босые ноги прошлепали к туалету. Скрипнула дверь, еще раз, еще, скрипнула кровать, еще раз скрипнула, и все стихло.

Я сделал несколько глубоких вдохов и прокашлялся.

— Это слишком просто, — сказал я очень громко. Наверное, меня услышал весь наш безмолвный дом, но я не думал об этом, я старался угомонить дыхание.

А Леська будто не заметила того, что я сказал.

— И мы должны строить лодку, — донеслось из Леськиной комнаты.

Я снова сказал всему дому:

— Ха! Ноев ковчег? Чушь!

Она отвечала спокойно, и переспорить ее было, как обычно, нельзя, и мне необязательно было спорить с ней, и никто не заставлял меня ее слушать, но я слушал и бесился от злости.

— Неважно. Пусть будет другая большая лодка — громадная, как Ситэ, с белыми парусами... или с алыми. И пусть в эту лодку кто только не вместится. Пусть будет там много, много, много всех. И пусть все эти все будут разными. И жизнь никогда не кончится, понимаешь? Эта тайна вписана в карту Парижа. Три части города. Ученые, святые, художники. Остров Ситэ — кораблик, на нем собор Богородицы, и этот собор — не только прошлое, он — наше будущее, Бук.

Я не ответил. Я уже не мог спать. Поворочавшись на диване, я встал, надел хозяйский махровый халат и дернул балконную дверцу так, что вставное стекло в ней хрустнуло. Я вышел на балкон, неловко задел один из горшков, тот завалился набок и испуганно откатился в сторону. Я долго курил, глядя на спины слонов и бездумно летящее в темноте небо. Луна легонько серебрила перила, крыши и трубы на них. Мой сон улетел, как старушкины голуби самой длинной ночью.

Я вспомнил, как брели мы с Леськой по набережной, а наши пьяные тени шагали по каменной стене в обнимку. Я думал, что, может быть, влюблен. Я пытался быть честным — и не знал, что не был честным. Не помню, зачем я вошел в ее комнату. Я сел на край ее кровати, как недавно садилась она на мой красный диван. Я старался услышать ее дыхание, но сам я слишком громко дышал и совсем ничего не слышал. Было очень уж тихо. Я вспомнил ее слова: «Каждую ночь я умираю, Бук». И я вдруг сильно испугался. Я повернулся к изголовью. Боясь ощутить холод, я медленно опустил на кровать руку и тихонько пошарил рядом с собой: Леськи на кровати не было.

Я вскочил и зажег свет: кровать Леськи была небрежно застелена покрывалом, ее сумки не было, куртки, шарфа — ничего не было. Я заглянул в туалет и в комнату, везде зажег свет: пусто. Я вернулся, подбросил подушку, заглянул под кровать: пусто. Только тогда я увидел на пестром покрывале книжку. Я схватил «Мелкого беса» и потряс им, швырнул на пол и снова поднял. Из книжки выпала закладка: открытка из Орсе с «Сенокосом» Гогена сверху. Поперек желтых стогов лежали от руки написанные по-французски фразы: «Ты объяснил мне многое, учи-

тель. Я знаю способ отблагодарить тебя. Я подарю тебе тайну: никогда больше ты меня не увидишь». Чуть ниже картины торопливо приписано еще одно предложение: «Бук, пожалуйста, не звони маме, это я улажу сама». В слове «улажу» была ошибка, и я подумал, что хорошо подтянул ее устный, но совсем запустил письменный французский. И только после этого смысл прочитанного по-настоящему открылся мне.

Я метался по квартире. Кроме книжки с закладкой, никаких Леськиных вещей в ней не было. Бутафорский ключ лежал там, где я оставил его вечером — на тумбе в низком коридорчике. Я бегал вниз и вверх по тесной лестнице и, наверное, громко топал... или громко кричали подо мной ступени, но из квартиры третьего этажа выглянула седая старуха, которой я ничего не сказал, только поздоровался и стремглав промчался мимо. Я еще раз обшарил квартиру, перевернул все страницы в книжке, перетряс свою сумку, вышел на балкон, вернулся. Я снова вышел из квартиры, замкнул дверь, спустился вниз и помчался к ювелирной лавке. Я обошел соседние с лавкой кварталы, заглядывая в темные закутки дворов и просматривая ближайшие улочки. Я заглядывал за мусорные баки. Я дергал двери подъездов, зачем-то задирая голову вверх. Ее не было. Ее не было... Ее не было!

Потом я заблудился, я попал в какой-то темный двор, где на месте клумбы или летнего детского бассейна горел костер и сидели бродяги. Они спросили у меня закурить, я хотел отдать им начатую сигаретную пачку, но вспомнил, что оставил ее в квартире, ничего не сказал бродягам и пошел со двора, услышав, как один из бродяг сказал:

— Ненормальный.

Я сновал между спящими слонами, для чего-то пытался припомнить притчу, рассказанную давным-давно моим школьным математиком: «Один мудрец подошел сзади и сказал, что слон — это толстый канат; другой приблизился спереди и сообщил, что слон — это длинный шланг, обрамленный двумя широкими блинами и парой острых крюков...» Я все не мог припомнить, что там сказал третий: «четыре столба под мягким навесом»? Я все вспоминал, сколько их было — четверо или трое. Потом я отыскал наш переулок с тупиком в одной стороне и остановился. Я решил, что, поднявшись наверх, увижу ее у двери. Я почувствовал радостное волнение, отдышался и медленно стал взбираться, стараясь не скрипеть ступенями. Я поднимался все выше — и чем выше поднимался, тем отчетливее понимал, что на нашем этаже пусто.

Так и было. Я вышел на балкон и долго смотрел, как город наполняется несмелым сереньким светом. «Я знаю способ отблагодарить тебя. Я подарю тебе тайну: никогда больше ты меня не увидишь». Я повторил ее слова не менее сотни раз, словно это могло помочь мне. «Я ее не увижу, — думал я, сдаваясь. — И останется мне в утешение дешевая книжка — карманный формат, мягкая обложка — реквизит маскировки злодея, дивно расписанный труп которого был недавно сожжен в этом городе. И останется закладка — открытка из музея Орсе, исписанная ее рукой с нитками и розой ветров на среднем пальце».

Ровно в шесть подошло такси, я попросил водителя подождать десять минут, сел на бордюр и смотрел на свои ноги, и какая-то мадам спросила, может ли она помочь, и я ответил ей:

— Нет, спасибо.

А слоны вдруг очнулись: затрубили, задрали хоботы, замахали ушами, затопали. Я вскочил, как подбросили: громко сигналили выезжающий из тупика грузовик и такси, которое преградило грузовику дорогу. Я уже втискивал на задок сумку и все оглядывался: сейчас, сейчас покажется из-за угла хитрая мордашка. Я уже захлопывал дверцу и все оглядывался. Потом сел, и машина поехала.

Пока мы стояли на перекрестке, где когда-то улыбнулось нам с Леськой зазорное парижское утро, я все вертелся на заднем сиденье. Когда девушка в белых кедах и с охапкой цветов в руках перебежала на светофоре улицу, я подумал, что она торопится на процессию босоногих, что движется к воротам собора. До рези в глазах я всматривался в людские потоки — искал знакомый зеленый шарф и морковного цвета сапожки. На одном из бульваров я заметил девушку в белой куртке и зеленом шарфе, но это была не Леська. Я понял, что обознался, и понял, что никогда не увижу ее.

Водитель вез меня по улицам вдоль и поперек исхоженного нами города. Но город был не тем, что знал я когда-то раньше. Это был другой Париж, никому не знакомый — никому, кроме нас с Леськой. Отовсюду плыл колокольный стон: то, я знал, усмехался мне вслед старый горбун, высунувшись из звонницы. Где-то за его спиной, треща суставами, просыпались химеры. Радостно верещали горгульи, а в часовне Сен-Шапель встречал разноцветный восход счастливый незрячий старец. Где-то там была лодка. Возможно, все сегодня стремились попасть в нее: чудовища и красавицы, принцы и нищие, шуты, гадалки, разбойники.

Близко у лобового стекла наш путь пересек человек в рыцарских доспехах; чуть в стороне показался другой — в широкополой шляпе с пером и в сапогах со шпорами; мотыльком спорхнула с подножки автобуса заспанная принцесса... И я решил, что за ночь тронулся рассудком.

— Готовятся к карнавалу, — сказал мой водитель. — После полудня пойдут, вот отсюда, с полудня здесь будет не проехать.

Я вспомнил, что был вторник, и в городе будет Марди Гра. Я вообразил шеренги мушкетеров, трубадуров, фантомасов, котов в сапогах, цыганок и королей и подумал: «На крыльях дымчатой шали моя Леська тоже помчится туда — на зов ее гранатовой тайны». И тогда меня будто выключили: я устал, развалился в креслах, я ни о чем уже не мог думать и ничего не ждал.

Поднимаясь по трапу, глянул в небо. Понял: оно-то, небо, и было здесь настоящее. Небо мчалось, и теперь мне было известно — куда, и я небрежно кивнул ему, провожавшему меня старому другу.

Во время перелета из Парижа в Санкт-Петербург я читал «Мелкого беса». Я вынул книжку, которую, разумеется, взял с собой, сунув во внутренний карман куртки, как сделал это десять дней назад под хохот Лесь-

ки у лотков на набережній Сены. Я вынул книгу, подумав, что Леська могла оставить закладку на знаковой для меня странице, но вспомнил, что выронил открытку музея Орсе еще в квартире; и я стал читать с начала, а к концу полета понял, что оттолкнуло от меня Леську.

Я засек нахальную морду, я выследил беса, я признал победу над мной большого прозорливого автора. Я представил, как стою, уязвимый с правого фланга, и держу оборону с левого. Я скрывал под влюбленностью постыдное и грязное чувство. Я завидовал Леське. Я не понимал и сейчас не понимаю толком, чему завидовал: Леськиной молодости, ее таланту, той легкости, с которой вдыхала она каждый из дней, что прожили мы в Париже? Я завидовал Леське, а она дышала, смеялась, она жила. Она вдыхала все, что видела и слышала, и выдыхала нескончаемые, несуразные, неотесанные свои сказки. Я завидовал Леське и, как последний идиот, не позаботился о том, чтобы спрятать от нее свою зависть.

Дожив почти до пятидесяти, я усвоил: завидовать нехорошо. Но ни разу за эти годы я не слышал о том, что зависть способна ранить, что зависть хлестко стегает того, кому посылается. Я удивлялся тому, что до сих пор не открылось мне очевидное: зависть до боли обидна тем, кто ее вызывает, ее заслуживает и в ней не нуждается. А Леське, конечно, не нужна была жалкая моя зависть. Я понял, что в нелепом поединке с классиком я был самонадеян и по другой причине: не прочитай девчонка маленькой книжки, купленной за монетку в евро на набережной, ей бы и в голову не пришло заподозрить меня в подлом чувстве. Я хотел найти в этом какое-то себе оправдание, но ничего не вышло. «У меня самый лучший учитель», — вспомнил я бесхитростную ее лесть и представил себе, как рушусь в ее глазах взорванным прекрасным замком...

* * *

Весла-стрелки подбирались туда, где должна бы стоять «девятка», когда часы дрогнули: сильно грохнуло над столом, и от неожиданности Бук подпрыгнул на стуле. Это уж слишком! Он понял: сосед колотит теперь в стену.

— Этой пьяной скотине лень выйти в подъезд, — процедил Бук, вставая. Ему снова послышался телефонный трезвон, и он подошел к аппарату. Но тот молчал, и Бук перешел к окну, невольно сжавшись в комок под властью неясной тревоги.

Сквозь серый тюль Бук глянул в окно да так и обмер: на улице творилось невероятное. Там всюду струился желтый горячий свет. Со стороны подвала летели косые черные тени. Кто-то пробежал близко у окна, за ним кто-то еще, еще, еще... Где-то захлопали двери, лягнул металл, и тут в коридоре загромыхало залпами. Раз! Второй! Третий! Бук быстро подумал: «Васятка?» Но в дверь и звонили, и били, а потом все стихло, все залила собой мгла: вырубил электричество. Одно лишь окно осталось сиять безумным нездешним светом.

Вся кутерьма не заняла и пяти секунд, но Буку казалось, что долгие часы он шарил под столом ногами, пытаясь впихнуть их в тапочки. Он вскочил и бросился наконец к двери, когда сердито и требовательно позвал телефонный голос. Бук слышал, как надрывался от рева старый телефонный аппарат, пока он мчался к двери и открывал ее; а когда Бук отпер дверь — телефонный трезвон затонул в дыме и гомоне.

В подъезде было не продохнуть — и как это Бук не слышал ничего, не чувствовал: все соседи были на ногах, все ходило ходуном.

— Васятка горит! — крикнул Буку кто-то.

Но огонь уже потушили, а мужики с третьего этажа волокли наружу безмолвного алкоголика. Бук подхватил понуро свисавшую трехпалую руку соседа и, держась за стену, тоже стал пробираться к выходу. Разбрызгивая лужи, во дворе сновали пожарники, они тянули из подъезда длинные холодные шланги. У подвала стояли две громадные машины, они ярко светили фарами, на них зачем-то бешено вращались включенные синие мигалки.

* * *

Внутри Бука было холодно и пусто. И все казалось ему, что тянет гарью. «Свитер пропах, наверное, — думал он. — И дома гарью пахнет. Дома нет никого: ни ее, ни Васятки нет, даже Ушка — и та сбежала. Никого больше нет, а от меня черт знает что осталось: воняющая головешка».

Бук стоял у лакированного стола, и тот мужчина стоял у стола — по другую его сторону. Бук ждал, когда мужчина закончит телефонный разговор, ключевым словом которого было «экземпляры».

Мужчина положил трубку и энергично поздоровался.

— А я звонил вам вчера. Не ответили. Отдыхали?

— Пожар тушил.

Мужчина, видимо, не поверил.

— Нашлась девушка? — спросил он.

— Нет пока.

— А матери ее звонили?

— Нет.

— Понимаю, и я бы не стал на вашем месте. Девчонка вас разыгрывает, я уверен. Поменяла билеты, села на другой рейс... Но! — Он поднял указательный палец. — Занятия в университетах начнутся на следующей неделе, и вы легко все проверите. Фантазерка. — Он ухмыльнулся. — Она сдала вам этаким вступительный экзамен. Сочинение. Нынешние абитуриенты пишут сочинения?

— На журналистику — пишут.

— Ну вот. Между прочим, если вы продолжите заниматься с ней... э-э... репетиторством... ну, вы меня понимаете... Повторять Лолиту не советую... Сейчас с этим строго... Я — к слову... Возможно, вы отыскали юное дарование. Хотя... чего ждать от этих девчонок? Пиши она хоть справа налево, хоть задом наперед, хоть вверх тормашками. К тому

времени, когда она чему-нибудь научится, для прозы в ее жизни станет слишком много прозы. — Он радостно рассмеялся, а Бук кивнул головой и тоже улыбнулся.

— Так. Моя визитка у вас есть. А ваша рукопись... — Он поднял над столом тонкую стопку листов и опустил ее на место. — К сожалению, нет времени вдаваться в подробный анализ... Непонятно, к чему было это затянутое начало. И потом, далекие, не нужные никому темы... Гоген, Ван Гог... К чему? У нас свои художники есть. А Людовик? Зачем нам чужой Людовик? Мы со своими царями разобраться не можем. А вы, простите, без царя в голове обо всем подряд пишете. Ничего не говорю о философском камне. Смешно... Ноев ковчег... Терновый венец... Вы соображаете, что это? А у вас все — детский сад! Это, вы поймите же меня, тема! А вы? Вы вручаете тему сопливой пигалице. Да где такое видано, друг мой! Нужно поднимать вопросы, интересные читателю. Вспомните классиков: мир и война — жизнь, любовь, человек. Че-ло-век, вы слышите? Литература — призвана воспитывать. Вообще, я бы сказал, вы перегрузили текст собственной персоной. Я понимаю: чувства, чувства... Но, простите меня, ваши чувства... Я бы их назвал — не обижайтесь на меня — неэстетичными. К тому же у вас эти чувства не находят разрешения. Вы строите тупик, а читатель — это я вам со всей ответственностью заявляю — тупиков не любит. Для чего нам ваши тупики? У нас без вас тупиков хватает. — Он пожал плечами и поднял брови, удивляясь, видимо, искренне. — Простите меня, но, если честно... Вы — хороший учитель. Вот и учили бы, зачем вам писать? А?

Почему-то Бук ответил как беспальный часовщик Васятка:

— Такой уродился.

— Хорошо-хорошо, не расстраивайтесь. Оставьте рукопись. Сейчас, конечно, никак. Но, может быть, позже... если сократить, подработать. О Париже местами — довольно мило, пестренько. Хотя, опять-таки, зачем нам Париж? У нас — Москва, Питер. Вы взрослый ведь человек, понимаете. Предложения у вас грубые, топором рубленные. Столько лет уже пишете — ведь работать нужно над изяществом фразы. Визиточка наша у вас есть. Но лучше бы вам свой телефончик оставить, не нужно звонить нам. Нам, знаете, звонят и звонят. Напишите свой телефончик. Да, вот здесь, пожалуйста. — И он продвинул по лакированной столешнице розовый бумажный квадрат — от себя к Буку.

Мгновенно перечеркнув квадратик по диагонали, Бук сказал «до свидания» и вышел. Он долго блуждал мрачными коридорами, разыскивая выход. Чтобы развлечь себя, представлял, как тот человек смял стикер в колючий розовый комок и запустил им в урну в углу кабинета; как поморщился, заметив, что промазал; как зазвонил потом телефон, но отвечать человеку не захотелось; как, блеснув молодой лысиной, он нагнулся и поднял скомканный стикер, зачем-то развернул его, не сразу разобрал, где там верх, а где низ, повертел так и эдак, всмотрелся.

«Интересно, — думал Бук, — что я там накалякал: *притнду?* *дрбвги?* Хорошо, если товарищу досталась какая-нибудь *кханга*, пусть переставляет буквы».

Бук вышел на улицу и сразу глянул на небо. Обычное было небо, повседневное какое-то небо: синеватое, с серыми помарками, с жалкими ключьями облаков. Бук вздохнул. В контору ему не хотелось. Он набрал номер шефа:

— Пожар... Да... Нет... Дверь сгорела... Не оставить никак квартиру... Завтра — конечно, буду.

И Бук пошagal к набережной. Он шел и по привычке высматривал в толпе прохожих знакомое бледное лицо под дымчатой шалью, а дойдя до набережной, подумал: «Мужик, признаем, во многом прав. И прав он в главном: Леська существует... И Васятка прав, — думал Бук. — Главное, чтоб механизм пахал — что-то часто я цитирую его сегодня. Задолжал, задолжал соседу. А не завернуть ли мне в гастроном? Да не зазвать ли в гости настоящего погорельца?» Две темные утки сели на парапет, и одна из них громко крякнула. «Она существует, — который раз повторил про себя Бук. — Она существует, поэтому я счастлив... и мне плевать, что скажут на это другие. Но если кто-то другой поверит в ее существование — я буду счастлив вдвойне».

Бук поглядывал в небо и тихонько самому себе подсказывал: «Леська есть. Я и правда завидую ей. Значит... где-то бродит она такая». От ларька потянуло кофе, Бук достал сигарету, закурил и понял, что сомнения от него наконец отстали. Леська есть! Леська — есть! Она плавает где-то в его крови или прячется в синем небе. И, черт возьми, он немного в нее влюблен! И дни, недели, месяцы еще он будет искать ее на людных улицах Питера, она будет искать тайну в Париже, а тайна ее будет гнаться следом за ним.

«Нелепый смешной треугольник? Pardon! Город любви, Париж, достоин не только мессы. Я буду искать тебя, Леська, зная, что никогда тебя не найду — по тысяче причин или пусть по одной-единственной: не может быть тот, кто витает в небесах, вместе с тем, кто ступает по земле ногами».

Новый день задорно звенел трамваями, небо над Питером наливалось праздничной синью, далеко за спиной Бука крался в небе крошка кораблик Адмиралтейства. Но Бук кораблика не видел. Обходя вчерашние лужи, Бук шел теперь не спеша и чувствовал, как наполняет сердце спокойная и тихая — редкого, драгоценного сорта — радость.

Евгений КОНОВАЛОВ

«МНОГОНОГОЕ ЧУДИЩЕ ДЖАЗА...»

* * *

Джо Дассен в подземном переходе.
В полушубке на снегу Вивальди.
Мусоргский ночует у ларька.
Зерна нот при пятничном народе
расцветают на асфальте,
спрыгнув со смычка.

Сердце стынет, пальцы коченеют.
Бесталанность родненькая снова
под руку берет наедине.
Ложе Волги сквозь огни чернее
хмурой ямы оркестровой
с горечью на дне.

Сам себе бормочешь: «Человече,
дни свои каким зерном наполнить,
чем талант неверный оправдать?»
В рот набрал воды ноябрьский вечер,
и муаровые волны
музыке под стать.

* * *

Олегу Горшкову

Паучья жизнь — меж небом и золой
на шелке подновляемых созвучий,
привязанностей и хлопот — назло
мертвящей глухоте, тоске падучей.

От воздуха, вкушаемого днесь
по случаю, до вязи краснотала, —
где птичий тост поддержит эту взвесь
амброзии на краешке бокала.

Мальчишество не смотрит на закат,
не числит стоп, оглянется едва ли
на будущее с прошлым — невпрогляд
там по усам течет и мы бывали.

Налюбоваться чертежом берез
в лесу — и в сердце август не остынет,
подбросит нам своих метаморфоз,
плеснет росы, качнется в паутине.

* * *

Разноголосица и смех
на верхней палубе. Крик чаек
обрушивается на тех,
кто ничего не замечает.
Ни содрогания лучей
на коже волн, ни прозябанья
ольхи в уступе скал. Зачем
язык змеиный за зубами, —
когда привычнее нырять
в мирок мобильника под пиво
и злую молодость опять
хватать за жабры торопливо;
когда сочувствие живит
и принимается, покуда
не ищет выгоды, и стыд
не полагается на чудо;
когда за совесть, не за страх,
и убиваются и вторят;
когда в распахнутых глазах
и без того достанет горя —
а если так, то, наконец,
зачем приумножать владельцев
глаголом выжженных сердец?!

...но — не понять, не отвертеться;
и не спеша идти на ты,
набравши в рот камней, упрямо
молчит чернь ладожской воды
под строгим небом Валаама.

Джазовая импровизация

Многоногое чудище джаза
переваливается по клапанам, раструбам, столам
своими синкопами, слушателей держа за
галстуки и манжеты. Чуть не сто ламп
отражаются в саксофонной латуни,
кружатся фейерверком зноя, похоти, тоски
на оси диксиленда. В музыкальном раю ли, аду — не
одно пьяное сердце виниловым диском разлетается вдребезги.

Чудище вздрагивает нотами-ногами,
пошатывается, кажется, сейчас упадет
прямо в ночь, завалится набок, распадется на гаммы
в пентатоническом хаосе апокалипсиса. Но вот
одним резким скачком марала
чудный зверь выправляется, торжествует, дает посмотреть
всем собравшимся на поминки, что только играл он
с миром, как с леопардом, в свою смерть.

Дробь барабанов, лязг тарелок,
стук как гром, дрожь как дождь
по коже, по жести, мурашками по телу
вечное соло. Не ударник — вождь атакапа, вспенив лошадь,
мчится в фиолетовый горизонт Миссисипи
напрямик через прерию, мимо Нового Орлеана, как
мимо будущего, опережая слова и мысли или,
наоборот, претворяя их в очередной стихотворный пустяк.

Жизнь, мы были близки с тобою
этим вечером. Остальное не так уж и важно — где,
с кем, — в протяжной задумчивости гобоя
страсть оправдывать и таить. В ослепительной наготы
растворяться лунатиком, счастливецом, глупцом, а после
ткань прерывистого дыхания на облезлые лоскуты
драть... Кругом полифония джаза, ну так авось ей
удастся выговорить то, что не расслышала ты.

Остается вновь укутаться в ворох
воспоминаний — эти обноски славно греют шута
заигравшейся осени. Под занавес трубного разговора
с саксофоном — на безмузье — признания рюмке шептать,

но ни капли жалости! Ведь на сцене
только джаз. Полоумный рояль вырывается из-под рук
пианиста. Как он в этой горячке ценит
каждую из восьмидесяти восьми своих черно-белых подруг!

Вон он клавиши рассыпает, как сорго,
меж ленивых ценителей и невыспавшихся зевак
в удобренных креслах, готовых вынести этот сор до
антракта с буфетом. Добрый знак,
что таперу плевать на слушателей. К черту
он давно их послал бы, но неповторимая эта игра
забирает его целиком. Каждый такт отсчета
на доске одиночества поневоле любвеобилен и краток.

Наконец все ревет, наслаждается, бьется в жажде
невозможного здесь экстаза. Будь у музыки кулаки,
она в щепки вселенную разнесла бы однажды, —
а затем сочинила новую. Где ни зги
не видать рассудку, но повезло
с гневом, яростью, счастьем. Где зовут как
провожают в партитуру финальной любви — без слов,
чистым хроматическим апофеозом звука.

«ЕЩЕ ЗЕМНОЕ ЧУТЬ ПЕЧАЛИТ...»

Александр ПРАВИКОВ

Химки

* * *

Душа, летя в седьмое небо,
В нем ничего не узнает.
Как будто попросила хлеба,
А подарили самолет,

Как будто в пропасть ноги сами
Без головы гулять пошли,
Как будто в кукольные сани
Орлов небесных запрягли.

Она еще всего дичится
И не готова к сыновству,
Но ломит изнутри ключицы
И мысли обретают звук.

Я думала, что это встреча
И всех любимых обниму,
Но, кажется, обнять и нечем,
Да и кого, да и кому?

Еще земное чуть печалит,
Но основное чувство — «вот!»
Себя так, верно, ощущает
Письмо, когда уже дойдет.

Подражание Г. Кружкову

Ползет паучок из коробки с брусникой
 По серой клеенке, суровой и дикой.
 Ползет, наготове держа паутинку.
 Он из лесу вышел, ему все в новинку:
 Батон-Эверест, загогулина-ложка.
 Ему любопытно и страшно немножко.

Я тоже из лесу попал в понедельник —
 Пора выходить зарабатывать денег.
 Мне тоже все кажется странным с отвычки:
 Резина автобуса, хвост электрички.
 И лица прохожих суровы и дики.
 Но небо над крышами — цвета брусники.

Кристина КАРМАЛИТА

Новосибирск

* * *

иногда происходит со мною
 происходит со мной иногда:
 одиссей нападает на трюю
 зеленеет в стакане орда

мне случается трепетно пушкин
 мне бывает томительно блок
 я висела сегодня на мушке
 я почти что спустила курок

иногда происходит со мною
 происходит со мной черт-те что:
 бабка в зеркале с длинной косою
 померещится светлой мечтой

за окном разухабился город
 а над городом сушки парят
 а над сушками ласков и воланд
 синий космос меняет наряд

а над космосом? что-то со мною
происходит со мной навсегда:
темно-сине-зеленой волною
накрывает суда без следа

покрывает прохладной ладонью
раскаленный в испарине лоб
золотую улыбку мадонью
разливает всемирный потоп

все что есть — происходит со мною
проникает как в почву вода
дверь входную я робко открою —
никогда не закрыть никогда.

* * *

На сколько хватит этого добра,
Которое заваривала мама
В стеклянном шаре раннего утра
И уходила исполнять программу

По отмыванью чьих-то черных рам —
До вечера, до ночи, до забвенья?..
А я живу, пишу стихотворенья
И никаких не ведаю программ.

Спасибо вам, хранителям систем,
Которые в пыли житейской драмы
Спокойно шли и отмывали рамы
От жирного налета вечных тем.

И терпеливо подносили рты
Галдящей стае выводка рябого,
Которая не ведала ни слова,
Ни этим словом свитые кресты.

Спасибо вам. От ночи до утра,
С утра до ночи — непоколебимо
В стеклянном шаре раннего добра
Хранится все, что должно быть хранимо.

Дмитрий БЛИЗНЮК

Харьков

* * *

здесь время как улитка
лениво ползет по кругу циферблата
море становится на задние лапы
и с любопытством гончей обнюхивает небо
а ядовитая синева
запуталась в пальмовых листьях
точно опытная мелодия в пальцах начинающего пианиста
день-ночь день-ночь ярко тает небесный бекон —
прослойки сала и мяса тонко сменяют друг друга
прибой извивается — сердитый ребенок в кресле дантиста
прозрачной конницей может внезапно налететь тропический дождь
посечь палашами теплых капель лицо
изрезать подержанный выгоревший «мерседес»
но лето бессмертно как Мидас превращающий все
до чего дотронется в золото
в зрелость
в предел совершенства
залив заливная рыба на фарфоровом блюде
и кусочками моркови торчат оранжевые буи
плывет в солнечном мареве профиль гостиницы —
многоликий циклоп с палицей
засохшая пальма громадной ящерицей
напряженно застыла на стене воздуха
с максимальным растопыром лап
а за ухабистой дорогой начинается подобие хлипких трущоб —
сарай и домики — вросшие-в-плоть-ногти
наглые псы полуголые дети занозы для глаз
вот обломанный невиданной силой бетонный столб —
поломанная свеча и вместо фитиля
из раскрошенного нутра торчит ржавая арматура
здесь ты обгоняешь само время
как улитка улитку
но ненадолго
и время гигантской волной в конце концов настигает тебя

Борис ПОЗДНЯКОВ

Новосибирск

Околица

Край поля за деревней пуст.
Столбы — что пальцы в небо, редки.
По ветру расстилает ветки —
В снегу по пояс — голый куст.

Слегка сугробы шевеля,
Лизнет дорогу вдруг поземка,
А следом пропоет негромко
У риги ржавая петля.

Степи неглаженный платок
Сереет в сумерках и мнется.
И сквозь шубейку проберется
Тревоги странный холодок.

Александра ГЕРАСИМОВА

Томск

* * *

снег ли дождь ли — дошли
до предзимья дожди
полуночь — и подступится к краю
слюдяному вода
заискрят в проводах
оголенные нервы трамвая

зори ль сумраки ли
тянут клин журавли
над моею непарностью птичьей
снег ли дождь — не сличу
затепляю свечу
и молю и курлычу и кличу

* * *

и кажется дело за малым — далекий лоскут
прорезавшейся проталины у горизонта
слатать снежной ниткою набело и потекут
молочные реки створаживаясь поземкой
и кажется — так немного еще пути
всего-то два штампа и две неотмены рейса
две жизни прожить — две межи земных перейти
не полем ступая а польским повятом тесным

ночь белой руки не щадила — мела мела
и дело за малым покуда земля мала

* * *

и выткано нагрудно алой ниткой
и выплакано каплей восковой
шальное время
с бледных щек открытки
спадает страх печатью меловой
еще полнеба в индексах билета
еще полмира под разлетом крыл
и колокольчик прядей тронет лето
что от смертей господь отговорил
пойди с крыльца
вдышись в орешник пряный
сладчающий как пряничный пирог
и самолетик истовый упрямый
из клетки кем-то пущенный тетрадной
перекрести покуда путь высок
и видит бог
и да увидит бог

ПЕРЕПИСКА
Н. Н. ЯНОВСКОГО И В. П. АСТАФЬЕВА.
1980—1991*

«ВЕЧНАЯ РАДОСТЬ — РАБОТА...»

В 80-х гг. и Николай Яновский, и Виктор Астафьев — это люди, писатели, завоевавшие популярность, славу. У В. Астафьева она вышла за пределы страны, и он уже мечтает, как его «Царь-рыба», переводимая в Италии, «прозвучит на бельканто» (письмо от 26.11.1982). У Н. Яновского все вроде бы поскромнее, но и он, узнав о том, что журнал «Енисей» перепечатывает его статью о В. Зазубрине, восклицает: «Ну, не “классик” ли?! Все же какая ни на есть популярность» (21.11.1980). Они уже не просто зрелые, но перешагнувшие порог зрелости, когда можно да и пора подводить итоги жизни и творчества.

Обоих преследуют тяжелые хронические хвори, они то и дело ложатся в больницу (19.11.1983 г. В. Астафьев пишет, что «весной чуть не умер от тяжелого воспаления легких»), ломая графики текущей работы, от чего страдают, наверное, больше, чем от болезней. Но оба подбадривают друг друга, зная, что надо выполнить то, что им заповедано — написать, издать свои главные книги, высказать самые заветные мысли, воплотить лучшие замыслы. И этот, пусть и эпистолярный, на расстоянии, диалог и помогает это сделать, и воодушевляет, движет работу: Н. Яновский завершает к 1987 г. «мою эпопею» — «Ядринцев два тома и Потанин — два»; В. Астафьев допишет «Последний поклон» — «песнь песней о Сибири» — и «первую часть военного романа» («Прокляты и убиты») через год после ухода друга, сожалея, что «Николай Николаевич уже не может это прочесть».

Страстный исследователь сибирской литературы, углубившийся именно в 80-х гг. в ее дореволюционный период, и страстный писатель-трибун, имеющий дар художественного исследования современности, — они как будто разные люди, разных сфер литературной деятельности,

---

* Подготовка к публикации и примечания Владимира Яранцева. Переписку Н. Яновского и В. Астафьева за предыдущие годы см. «Сибирские огни», 2014, № 8, 2015, № 8, 9, 10.

разных поколений (Н. Яновский на десять лет старше). Не зря, видимо, В. Астафьев в 80-х гг. все ближе сходится с В. Курбатовым, критиком другого поколения, литературного измерения и мышления. Это «умный, цельный парень, великолепный собеседник», хоть и «эстет», с которым В. Астафьев охотно проводит время (однажды «был у меня... дней десять»), но который не может целиком заменить Н. Яновского. Можно сказать, что это особый сюжет о «триумвирате» Яновский — Астафьев — Курбатов, творческий и поколенческий, где у Н. Яновского особая, неоспоримая роль: «Валя Курбатов очень высоко ценит Вашу деятельность и подвиг Ваш во имя сибирской литературы, говорит, что мы, обороты, до конца этого не понимаем. Наверное, это так и есть», — подтверждает В. Астафьев слова своего молодого друга-«крытика».

В этот сюжет входят также две книги о В. Астафьеве, абсолютно разные и весьма показательные в своей взаимодополнительности. Если книга В. Курбатова «Миг и вечность» родилась, по сути, из бесед критика-«эстета» с писателем в живом, непосредственном общении с ним, то книга Н. Яновского — явление другого ряда. Это пятилетнее (с 1977 г.) исследование, кропотливое, тщательное, с изучением предшествующей литературы о В. Астафьеве («за последние два-три года»). Н. Яновский был, в общем, традиционен и в построении книги, выдерживая хронологический принцип, и в языке, привычном для советской критики: В. Астафьев «серьезный, вдумчивый писатель с самобытным видением мира», «секрет обаяния Култыша... в привлекательности его идейно-нравственных качеств», «рассказы эпического стиливого направления приобретали иное качество», обнаруживая «индивидуальность автора» и т. д. В. Курбатов, раскрепостившийся от этой традиции, строит книгу по-иному, начиная с «Последнего поклона» (тогда как Н. Яновский — с «детских» рассказов писателя 50-х гг.) как отражения биографии В. Астафьева, о чем специально оговаривается; он и метафоричен в своем «устном» стиле размышлений: «Думаю, будет удобнее книги, выросшие из сюжетов биографии художника, листать прямо тут же, как только они зацепятся друг за друга». И если Н. Яновский дает только сноски на архив В. Астафьева или на личную с ним переписку, то В. Курбатов так и пишет: «Не так давно мы ездили с Виктором Петровичем в Саяны, жили там на таежной пасеке. Он рыбачил и вечером у костра мы разговаривали обо всем на свете...»

Н. Яновский, прекрасно понимая, в чем его «беда» («отсталость») как критика с «другим методом исследования», более традиционным, откровенно признается в этом В. Астафьеву: «Я вот этого делать не умею, потому что сосредоточен на настоящем, а не на будущем. У меня, так сказать, цели оперативные, а не стратегические». Но главное, В. Курбатов «нравится» ему как «человек исключительно талантливый». Может, поэтому Н. Яновский, противореча себе, все реже откликается на «на-

стоящее» отечественной литературы и все глубже уходит в ее XIX век, к Н. Ядринцеву и Г. Потанину, одолевая «сложнейшие комментарии» к четырехтомнику «Литературного наследства Сибири» (ЛНС), воюя с недоброжелателями не только из Новосибирска и Томска, где «десятки ученых» всю жизнь кормились его (Г. Потанина. — В. Я.) «охаиванием».

Характерно и симптоматично это чувство родства со знаменитыми сибирскими патриотами. Это родство по темпераменту, литературному качеству прежде всего публициста, «социолога» в литературе (свою «позицию критика» он так и формулировал в письме от 03.09.1979: «Смотреть в социальную природу событий и характеров»), когда нет авторитетов (в книге о В. Астафьеве Н. Яновский полемизирует сразу с несколькими столичными критиками — В. Камяновым, В. Кожинным, И. Дедковым, М. Лобановым, Ю. Селезнёвым, отчасти с А. Макаровым). Но это и родство едва ли не прямое, когда Н. Яновский вспоминает о своем деде-переселенце, «самостийно» приехавшем в Сибирь примерно во времена Н. Ядринцева и Г. Потанина. Это письмо от 18.05.1981, несомненно, уникально переплетением полемики с неким «знатоком» истории переселенчества второй половины XIX в. и автобиографических сведений. Читатель узнает здесь об отце Н. Яновского и его братьях, их тяжкой доле батраков, о его матери, работавшей кухаркой, о «талане» «сказочника» деда по матери и первой студенческой работе молодого Н. Яновского по фольклору.

Наверное, впервые узнает читатель и о таком эпизоде биографии Н. Яновского, как его увлечение алкоголем. И о почти приказном тоне узнавшего об этом (видимо, от жены критика, Фаины Васильевны) В. Астафьева в его письме от 13.08.1982: «Кончай пить... Возраст твой, жизнь твоя уже не приличествуют винопитию... Век твой уже близится к концу — уважь свою старость и поработай еще». Ответ Н. Яновского спустя три месяца пронизан обидой, и, может, будь их переписка не столь давней, а дружба не столь теплой, был бы более резким. Но нет, он деловито перечисляет результаты своей работы, которая и не прекращалась, как можно было подумать, и, наконец, отвечает: «Это чепуха и гиль» — и закрывает тему.

Еще один постоянный сюжет переписки — обмен книгами, вновь вышедшими и готовящимися к выходу. В. Астафьев шлет Н. Яновскому рукопись «Зрячего посоха», «свежие» издания «Затесей», «Последнего поклона», тома первого собрания сочинений; Н. Яновский — рукопись книги «Виктор Астафьев», тома ЛНС, книги о Вяч. Шишкове, особенно близком Н. Яновскому. С гордостью он называет себя «шишковистом», имея на своем счету изданные в Москве книги «Воспоминания о Вячеславе Шишкове», крамольные «Ватага» и «Дикольче», вышедшие благодаря ему отдельными изданиями. Но предметом особой гордости явилась книга «Вячеслав Шишков. Очерк творчества» — 280-страничная,

где критик, как он пишет, заново прочел этого оставшегося сибирским, несмотря на отъезд из Сибири, писателя. Еще в 1979 г., в письме от 14 ноября, целиком ему посвященном, Н. Яновский перечисляет свои заслуги в изучении В. Шишкова: выявил значение его сатиры, «реабилитировал» «Ватагу» с точки зрения «проблем о стихийности крестьянства» и «Дикольче», «до сего дня погребенную в периодике», «утрясал (и в итоге «утряс») все дела» с монографией о В. Шишкове, создававшейся параллельно с книгой о В. Астафьеве.

Характерно, что вышла она в год 70-летия Н. Яновского и стала от этого еще дороже юбиляру: и потому, что трудно она ему давалась («долго я с нею возился», пишет он 12.06.1984), и потому, что «это новое прочтение произведений Вячеслава Яковлевича», а главное, потому, что мог показать плоды своего трудолюбия и подвижничества в изучении сибирской литературы одному из ярких ее современных представителей — В. Астафьеву. Тем более что «знаю, что Вы любите Вячеслава Яковлевича», пишет Н. Яновский, «с особым чувством» посылая изданную в 1981 г. сатирическую «Дикольче». В ответном письме от 07.05.1981 В. Астафьев горячо благодарит новосибирского друга: «Огромное спасибо за Вячеслава Шишкова. Все это интересно, достойно». При этом подчеркивая значение сатиры в советском обществе и полагая «судьбу сатирика», как правило, незавидной.

Сам В. Астафьев хоть и не был сатириком, но «темные стороны современности» бичевал в своих произведениях нещадно. Видно это и в письмах Н. Яновскому, где то и дело встречаются гневные тирады в адрес «самовлюбленных литературных графов, вроде господина Бондарева» или против нового начальника отдела культуры Красноярского крайисполкома, «шустрого мещанина при галстук», против некоторых томских интеллигентов, недовольных похвалами в адрес А. Солженицына... Или со всей астафьевской язвительностью припечатает «критическую болтовню об абвиволентной литературе и прочей вумной херне, нужной лишь для того, чтобы себя показать».

Тем нежнее и сердечнее относился он к своим соратникам и друзьям — В. Распутину и В. Курбатову, К. Симонову и А. Макарову, давшему ему в руки «зрячий посох» подлинного творчества и одноименную книгу. Которая так или иначе проходит через всю переписку В. Астафьева и Н. Яновского символом несгибаемости в литературе, будь то проза или критика, заветом, напутствием, эталоном. Не зря о своей книге «Виктор Астафьев» Н. Яновский пишет 03.03.1988: «Цитировал находящийся еще в рукописи “Зрячий посох”, и это особенно возмутило цензоров». А ведь были еще последние и самые крамольные главы «Последнего поклон» и части будущего «военного романа» — книги, которая была главной для В. Астафьева, так как «все, что я писал до сего времени, это лишь предисловие к главной работе, для которой, чувствую, я созрел...

прежде всего как гражданин» (13.05.1980). И, конечно, «Затеси», особенно любимые Н. Яновским, критический разговор о которых он продолжил в другой юбилейной книге «Верность», которая стала одной из самых удачных, особо дорогой из-за воспоминаний о К. Урманове, Н. Анове и В. Шукшине. Там он, может быть, впервые печатно позволил себе раскритиковаться, «старался, чтоб не получилось по-казенному, “по-ученому”». Возможно, что и благодаря В. Астафьеву, стихи его бескомпромиссного характера и свободе его языка. Да и сам В. Астафьев учился у Н. Яновского подвижничеству в литературе. Оттого и сожалел в письме Ф. Яновской, заключающем эту подборку, что «Николай Николаевич уже не может прочесть» его «военного романа», не напишет ему своего очередного письма — восторженного и вместе с тем аналитического. Вся переписка этих лет овеяна прежде всего духом, мыслью, словом Н. Яновского, писем которого здесь почти в два раза больше, чем писем В. Астафьева. И тут все должно быть ясно: растущая слава автора «Последнего поклонна» и «Печального детектива», постоянные поездки, встречи, конференции, ширящаяся с годами переписка с десятками корреспондентов — все это уменьшало время общения с Н. Яновским. Особенно в бурную «перестройку» с ее «грузинским» скандалом и «эпистолярным» столкновением В. Астафьева с Н. Эйдельманом.

Но до последних лет жизни Н. Яновского (можно предположить, что в эту подборку вошли не все письма В. Астафьева, судя по контексту ответных писем) Виктор Петрович поддерживал эту нить переписки, такой откровенно дружеской, такой сосредоточенно-творческой, эмоциональной и вместе с тем «жадной» до знаний, непримиримой ко лжи и трусости. И так хочется, чтобы длилась и длилась череда этих живых писем: «Дорогой Николай Николаевич!», «Дорогой Виктор Петрович!», «Обнимаю. Твой Н. Яновский», «Обнимаю, целую — твой Виктор». Смерть Н. Яновского в сентябре 1990 г. прервала переписку, но не прекращается изучение жизни и творчества двух замечательных писателей не такой уж давней эпохи рыцарского отношения к литературе, которой служили Николай Яновский и Виктор Астафьев.

Авторские орфография и пунктуация сохранены. Помета «отв.» в начале писем Н. Яновского означает дату ответного письма.

Материалы для публикации предоставлены:

письма Н. Н. Яновского — Красноярским краевым краеведческим музеем (КККМ);

письма В. П. Астафьева — Государственным архивом Новосибирской области.

Выражаю благодарность директору КККМ В. М. Ярошевской, заведующей архивом музея Н. А. Ореховой, замдиректора Т. В. Зыковой.

Владимир Яранцев

(отв. 15/1.80 г.)

Дорогой Николай Николаевич!

Я уж не живу, а судорожно отбиваюсь от житейской суеты. Не помню даже, поздравил Вас с Ф. В. с Новым годом или нет? Если нет, то хотя бы вдогонку это делаю и желаю главного — доброго здоровья!

Все Ваши книги — и «Наследство», и «Шишкова» получил. «Наследство» полистал, а «Шишкова» еще нет. Сейчас вроде бы посветлее впереди, подготовил и сдал 4-й том, вычитал корректуру 3-го [1] и на время развязался. Отказался от кино по «Царь-рыбе» — много требует времени и сил, а ни того, ни другого... Вот с театром вожусь — это интересней, чем кино. Перед Новым годом съездили с М. С. в Ленинград по приглашению Мравинского, слушали Бетховена — 1-ю и 6-ю симфонии.

Просто подарок судьбы — этот концерт, и зал, и музыка, а о дирижере уж и говорить нету слов. Но какая пропасть между людьми, которым «доступен Мравинский» и между бабами и мужиками, живущими по глухим российским уголкам! Еще и еще раз задал я себе вопрос, сидячи в одном из самых прекрасных залов, слушая великую музыку: «Стоило ли пролить столько крови, перетерпеть бездну страданий, чтоб все затем стало на свои места, чтобы аристократия нового состава являлась в этот зал, а мужики и бабы, где жили-были, там и окочурились?»

Был на репетициях своей пьесы в театре «Драмы и комедии». Вроде бы сносно дело идет. В феврале премьера — она покажет, что и как.

Здоровьем не могу похвастаться. Зима гриппозная, бесхозная, в довершение ко всему начали побаливать почки, постоянно покалывает и нудит сердце, стонет голова. Вот собрал Вам рукопись, а к ней есть предисловие К. М. Симонова. Искал, искал, весь испсиховался и не нашел. Найду — пришлю «досылом».

Маня моя шеборшит, кружится, Витенька маленький растет, дочь работает, сын живет с женою отдельно, заболел гриппом, лежит сейчас. Жизнь течет. Скорее бы весна и лето. Плохо, совсем плохо я стал переносить здешние зимы, надо уезжать, а то, как Шукшин, могу и не успеть это сделать.

Обнимаю и целую Вас обоих.

Ваш Виктор П.

1 января — уже! — 1980 года.

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений в 4 т. — М.: Молодая гвардия, 1979—1981.

15.I.1980 г.
Новосибирск.

Дорогой Виктор Петрович!

Письмо и книгу «Зрячий посох» только что — 14 января! — получил. Спасибо! Я очень и очень ждал от тебя весточку.

Обеспокоила меня твоя болезнь — просто места себе не нахожу, и В. М. Шукшина тут припомнили... Да поезжайте туда, где лучше себя чувствуете! Ей-богу, лучшего придумать нельзя, тем более что есть реальная возможность. Сердце — инструмент чуткий, и если начинает покалывать и нудить, то считается с этим необходимо — его надо щадить, иного решения и быть не может. Врачи могут поддержать, но решает долговечность судьбы своего сердца сам человек. А потом — прошу и умоляю! — сделайте перерыв, отдохните от всего, от напора ежедневных обязанностей, от рукописей, писем, книг, которые «надо» прочитать, на которые «надо» отвечать... Потом, по прошествии времени, окажется, что далеко не все так необходимо «надо», важнее то, что вынашивалось, зрело в душе писателя Виктора Астафьева...

С таким чувством я и читал «Зрячий посох», разом, не отрываясь и не отвлекаясь, что называется, «в один присест». Письма Александра Николаевича я читал, вероятно, все — у меня записано ровно тридцать. Но теперь, выстроенные хронологически и прокомментированные тобой, взволнованно, с любовью и страстью, они производят неизгладимое впечатление. Трагичен финал «драмы идей» Александра Николаевича. Первые раскаты «грома» раздались в книге там, где речь зашла о «покупной гражданственности» и «грозой» завершились в самом ее конце — размышлением о состоянии нашей литературы, коль выпало ей на долю заменить собою церковь. Ныне она обязана возвыситься до этой «святой миссии»! Тут что ни слово — оно греет душу современного человека, набатом отдается в его сознании, особенно когда напоминаются ему слова «великого гражданина» — «кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу». Историзмом мы, теоретики марксизма, клянемся на каждом шагу, а вот быть последовательными духу недостает, «политика», т. е. конъюнктура заедает.

В «драме идей» крупнейшего критика советской литературы недостает пока что одного — «формулировки» роли и значения живого влияния на него такого человека, как Виктор Астафьев. Это в какой-то степени видно из писем Александра Николаевича, но именно в какой-то, отнюдь не в полной, что, безусловно, не входило в задачу автора книги, и потребует несколько иного прочтения писем. Тут уж без того, что сделано в книге, никак не обойтись. Этим тоже полезна, ценна, значительна книга «Зрячий посох» и для меня, современного читателя, и для будущего.

То, что написано о последовавших затем «событиях», связанных непосредственно с Н. Ф. [1], потрясает — другого слова не подберу, — открывает глаза на другую сторону происшедшей «драмы».

К этим скорбным страницам и я могу добавить нечто меня тогда поразившее. Приезжает Н. Ф. в Новосибирск, заходит ко мне в редакцию и в разговоре о том, что бы мы могли еще напечатать из наследия Александра Николаевича, стала уверять меня, что статья «Разговор по поводу» написана по прямому заданию «сверху». А вот Коган, такой-сякой, не берет статью в «Избранное»... Я попросил Н. Ф. не позорить Александра Николаевича и больше никому не говорить об этом. Поняла ли она это — не знаю, но вспомнил я сцену сразу же, как прочитал о той старушке, которая отказалась принять «стойкого коммуниста» в холодную часовню. Мне стало жаль и Н. Ф., и старушек этих — боже, до чего же мы дошли!

В книге немало сцен в том «критическом ключе», в каком вся она «от автора» написана. Они воссоздают обстановку, передают состояние, настроение и чувства пишущего, и это не менее важно, чем то, что «заставляет» сейчас не принимать к печати книгу в том виде, в каком она есть. Понимаю также твой отказ идти на сокращение нынешнего текста.

Однако же, полежав некоторое время в портфеле автора, книга должна быть, по-моему, снова предложена журналу или издательствам. Пропуски в письмах, обозначенные тремя точками в квадратных скобках, некоторые изъятия из прямых оценок состояния современной литературы и ее любых «вождей» не есть капитуляция под натиском «рационально» мыслящего деятеля, потерявшего или никогда не имевшего совести, а стремление максимально сохранить то, что можно сохранить, тем более что Виктору Астафьеву удастся это сделать в значительно большей мере, чем кому-либо другому. Появление такой книги, даже в чем-то урезанной, все равно произведет сегодня свою необходимую работу по «очищению мозгов». А сочувствующий читатель, читатель-друг, увидит многое между строк по одному настроению писателя.

Если найдется предисловие К. М. Симонова, подошлите — буду очень рад. Я дорабатываю рукопись для «Сов. писателя», и мне пока «Зрячий посох» будет нужен, так что я несколько времени задержусь с высылкой обратно книги.

Да, чуть не забыл: мне думается, что даты во всех письмах сохранить нужно.

Марии Семёновне, Витеньке и всему семейству мой привет. А Ф. В. тоже что-то Марии Семёновне писала...

Берегите себя, милый Виктор Петрович, делайте все необходимое, чтоб в 1980 году чувствовать себя значительно лучше, чем в прошедшем.

Обнимаю и целую.

Твой Н. Яновский.

1. Наталья Фёдоровна, жена А. Н. Макарова.

* * *

1 марта 1980 г.

Дорогой Николай Николаевич!

Я все еще в больнице, но 7-го марта обещают выписать. Здесь, в больнице, я начал писать «Затеси» и сделал уже семь штук — на душе легче, а то ведь более года ничего не написал и все время в работе.

Совсем нечаянно М. С. нашла последнюю заметку К. М. Симонова — я дух перевел! Перечитал и еще раз удивился и восхитился поколением — в каком он состоянии диктовал все это, его бил непрерывный тяжелейший кашель с мокротой... А он успевал и торопился все сделать, всем помочь. И умно-то как, доброжелательно.

Вот и нравственный урок нам, живущим.

Поскольку Вы писали, что 17-го вернетесь из Москвы, то письмо как раз и придет — они сейчас медленно ходят.

Кланяюсь Фаине Васильевне. Обнимаю Вас.

Виктор Петрович.

* * *

14.III.1980 г.

Новосибирск.

Дорогой Виктор Петрович!

Я знал, что ты в больнице и боялся потревожить еще одним письмом, и вот твое с известием, что выписывают и с ожидаемым мною К. Симоновым (мой привет и горячая благодарность Марии Семёновне за перепечатку!).

Конечно, жаль, что письмо без окончания, но и в этом виде оно производит неизгладимое впечатление — органично и по-симоновски точно дополняет сказанное, изображенное тобой. Все это пришло кстати, потому что я работаю по «редакторскому заключению» «Сов. писателя». Был в Москве и там сказали, что я могу не торопиться (срок был до марта), можно прислать и в апреле и в мае. Видимо, планы у них изменились, книгу чем-то вытеснили... Мне к этому не привыкать, но в апреле я им ее вышлю. Добавляю кое-что, но ведь и сокращать поэтому надо. Словом, бьюсь, а мысли приходят все более «злые», а в заключении есть такая фраза: «Порой социологический аспект анализа оставляет в тени психологические и эмоционально-индивидуальные качества характеров в книгах В. Астафьева...»

А подтекст замечания, судя по приведенному затем примеру, в требовании смягчения в оценке нашей истории, фактов истории, о которых лучше умолчать: не в перегибах, дескать, дело, а в «бурной истории революционных преобразований». Ну, ловкачи! Что ни редактор — то му-

дрец. И самое главное, что в рукописи у меня и об этом есть (не раз я бит и терт — знаю, что «диалектичным» должен быть). Значит, не тот акцент — мудрю над акцентами.

Перечитал многое из того, что написано после того, как я книгу закончил. Конечно, лучшее из всего этого статья Е. Стариковой в «Новом мире» [1]. Мне, конечно, так не написать — другой у меня «уклон». А может, и хорошо, что иначе, с другим «уклоном», по-своему, хотя и без такого блеска. Но многое — особенно рецензии или авторефераты — дают маловато, чаще ничего не дают, даже полемизировать не с кем.

Думаю над оценкой Е. Стариковой главы «Соевые конфеты». Что-то заскребло при первом чтении, а вчитался — весьма и весьма субъективны ее доводы... Перечитал главу — нет, все акценты в ней отнюдь не лишние, важны не только в автобиографическом плане, а в плане всей атмосферы военной поры. Может, о профессоре-больельщике чуть больше, чем о нем надо для этой главы... Словом, обо всем этом еще написать надо, как и о некоторых рассказах, как, например, о рассказе, «обруганном» в «Коммунисте» [2]. Ничегошеньки автор в рассказе не понял, а пишет с апломбом.

Ну, утомил я своими размышлениями... Просто захотелось выразить благодарность и за Симонова, и за «Зрячий посох». Книга эта даст мне ключ к пониманию, которого у меня не было, да и многое другое, требующее осмысления.

Будь здоров!

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Старикова Е. Память (о «Последнем поклоне») // Новый мир. — 1979. — № 1.
2. Возможно, статья Е. Озерниной «Повесть о детстве» // Коммунист. — Череповец, 1976. — 6 марта.

* * *

27.IV.1980 г.

Дорогой Виктор Петрович!

Я, конечно, давно получил письмо К. Симонова об А. Н. Макарове, заботливо перепечатанное Марией Семёновной. Спасибо ей за это! Каюсь: не заметил, как пролетело время с момента, когда получил письмо, до сегодняшнего дня, так как по существу и не расставался с Вами — со всем семейством Астафьевых — все время было ощущение, что Вы где-то тут рядом...

Я перечитывал или впервые читал все, что было написано на тему «Астафьев» за последние два-три года, а потом сидел и «дотягивал» свою рукопись, согласно «редакционному заключению». Закончил только что, лишь чуть-чуть дав всему остыть.

«Зрячий посох» и письмо К. Симонова помогли мне, задали тон всему, что мне в рукописи недоставало.

Посылаю некоторые принципиально важные кусочки — вставки. Особенно меня беспокоит концовка, где речь идет по сути дела о «Зрячем посохе», хотя произведение я и не называю.

Не называю, потому что у меня на этот счет нет разрешения автора. А потом и большие выдержки из него я тоже могу использовать лишь опять-таки по твоему разрешению. Именно поэтому я и посылаю эти вставки.

Полемику с «Коммунистом» я написал не очень уверенный, что издательство ее пропустит (хотя у меня и был такой опыт — ничего, прошло!). Но и не написать эти страницы я не мог, ибо это означало бы, что я с автором молчаливо соглашаюсь. Буду их отстаивать.

Е. Старикову я цитирую, где она, по-моему, отлично пишет о стиле. А вот относительно главы «Соевые конфеты» мне было трудно согласиться. Но из всего потока литературы, посвященной В. Астафьеву, ее статья лучшая, больше того, она стоит рядом с работой А. Н. Макарова.

Просьбу Марии Семёновны я выполнил только наполовину. Специально написал о «Бабушкином празднике», тем более это совпало и с твоим замечанием — поподробней сказать о рассказах. Так и появился анализ двух рассказов («Падение листа»), помимо тех, что и раньше были прочитаны. Разговор о романе «Тают снега» убрал весь и кое-какие пересказы из «Затесей». Словом, предварительное чтение пошло, полагаю, на пользу.

Рукопись я высылаю в издательство, так как оно просило непременно сделать это к апрелю. А все могущие быть замечания я учту при редакции.

Так вот, пока я очухался от работы, подступили праздники. И первый из них — День Победы. Поздравляю Вас, дорогих мне фронтовиков, Марию Семёновну и Виктора Петровича, с Днем Победы! Ничто другое в нашей убывающей жизни с этим днем несравнимо. Ждешь его с необъяснимым и трепетным волнением. Хочется делать глупости, обнимать от радости весь мир... А делать этого, оказывается, нельзя — слишком дорого обойдется наша «глупость» и «радость» нашим детям и внукам...

Как здоровье, как самочувствие? Увы, и я время от времени выхожу из строя, но бог миловал и до больницы дело не доходило.

Ф. В. поздравляет Вас с праздниками и шлет весенние приветы. А вот наш весенний город. Какой-то фотограф-художник удачно снял театр, и тяжеловесный памятник Ленину занял на фото свое место. В действительности монумент заслоняет театр, не согласован с особенностями этой площади.

Поедете в Сибирь — не проезжайте мимо.

Обнимаю.

Н. Яновский.

(отв. 24.V.80)

13 мая 1980 г.

Николай Николаевич!

Прочел я присланное Вами. У меня лично никаких возражений нету, не знаю, как у «Коммуниста» будет.

Я не писал долго оттого, что был в Сибири, приземлялся и в Новосибирске, да в неловкое время — ранним утром — и звонить Вам не решился, нарушу, думаю, сон, выбью из колеи, а разговаривать по телефону не умею.

С местами было плохо (я летел из Перми), и я думал, что ежели утром, в 7.20 не улечу, до вечера уж томиться не стану, уеду из Толмачева к Вам, но помог инвалидный билет, втолкнули меня в самолет до Красноярска.

Был я там недолго. Занимался организационными делами. Получил квартиру в Академгородке и заказал себе маленькую избушку во дворе овсянского дома [1]. Будет, наконец-то, у меня уединение, такое место для работы, иначе мне уже ничего путного не написать — не хватит силенок после житья в «теплой» Вологде, которая так поглянулась М. С., что она вроде бы и уезжать отсюда не собирается, не понимая всех последствий (неизбежных для всех нас) от такого ее поступка.

Женщина с виду добрая и самоотверженная, она ни разу в жизни не поддержала меня в крутых изменениях и шагах решительных и крайне нужных, таких, как уехать из гиблого Чусового (я уехал, она осталась, я спасовал и вернулся в 1948 году)... Уезд на Высшие литературные курсы, переезд в Вологду — тут уже я проявил характер — и вот теперь снова да ладом — сопротивление, тонко рассчитанное на мою слабость — нездоровье...

А, в самом деле, не загнать бы бабу в гроб?! А себя, оставшись здесь? Себя мне начисто не жалко и все же жить мне уже не хочется, если б не роман, который я обязан написать. Перед богом и судьбой обязан, ради него родился и учился писать столько лет. Все, что я писал до сего времени, это лишь предисловие к главной работе, для которой, чувствую, я созрел, не только как ремесленник, но прежде всего как гражданин...

И вот «гражданин», способный уже и на творческий «подвиг» (ей-Богу, способен!), робеет своей бабы и перебранки домашней!

Как все же ничтожен человек!

Ну, ладно, а в Сибири я все равно буду. И скоро! В июне-июле, иначе запрезираю себя и не смогу еще долго ничего писать. Моя нынешняя продукция — 20 «затесей» — в активе, и столько же в «пассиве», то есть в черновиках, если учесть, что есть «затеси» по абзацу и по два — продукции мало и гложет тоска от безделья...

Вот пока и все. Поклон Фаине Васильевне.

Обнимаю. Виктор.

1. Семья Астафьевых переехала в Красноярск, в Академгородок, в июле — сентябре 1980 г. Годом ранее В. Астафьев купил дом в родной деревне Овсянке (см. письмо от 12.10.1980).

24 мая 1980 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Только что получил Ваше грустное письмо. Очень грустное, и пожалел, что не удалось повстречаться на новосибирской земле.

Мой телефон 66-69-30. Это на случай, если снова окажешься в Толмачево. И будить меня можно — мой сон давно уже стариковский, т. е. легкий и короткий. Раз перебираешься в Сибирь, то перелетать тебе Новосибирск придется еще и еще.

Я согласен: необходимо уединение для работы, душевное спокойствие, — надо делать то, что сердце подсказывает, иначе ведь ничего не сделаешь... Меня тоже частенько то в Москву тянут, то в Дома творчества, то еще куда-нибудь. А на кой черт мне нужны переездки, я здесь работаю — издательство под боком, одно «Лит. наследство» дает мне удовлетворение, и нигде в другом месте я его не добьюсь. Чтобы все это отладить, потребовалось пятнадцать лет жизни! Кто мне даст эти пятнадцать лет еще раз? И <в> Доме творчества мне часто просто скучно, на даче моей, на берегу Ини, в лесочке мне прелюбопытно думается...

А роман тебе писать надо. Думаю, когда ты за него сядешь, и дело как-то пойдет, все образуется, придет в свою норму, первые дни встряски, неизбежной при всякой перемене, пройдут. Время — лекарь, оно мудрее нас. Главное то чувство, которое владеет: «Я созрел...». Перед большой работой это чувство драгоценно: его надо беречь и тебе самому и всем, тебе близким людям. Другого решения в таком случае быть не может.

Я рад, что сохраняется рабочее состояние: драма в «Нашем современнике» [1], которую я на днях прочитал с большим интересом. Используются мотивы повести, но многое по-новому, именно то, что потребовал новый жанр. Смерть, разгуливающая среди солдат, — это отлично! Пишутся «затеси», обдумывается роман... Милый мой, это же счастье! А жить можно и на реке Москва, и Оби, и на Енисее — ведь это же все Россия, без которой мы никуда.

Мои дети и внучата живут далеко от меня. Признаюсь, бывает нелегко. Но если станет невмоготу, сажусь на самолет и — к ним. А у них своя жизнь, тоже не всегда легкая, но для них привычная, другой, как на них посмотришь, и не хотят. Разумеется, помогу и словом и делом, но случается, говорят: мешать нам не надо... Дочери в этом году — сорок, сыну — тридцать пять. Зрелые, самостоятельные люди.

Я понял так: написанное мной не вызывает возражения. Ну, слава богу. Теперь буду ждать реакции издательства: прислали письмо. Говорят, что рукопись получили, скоро приступят к редактированию.

Я все еще вожусь с книгой о Вяч. Шишкове. Что-то трудно она мне дается. Заключил с нашим издательством договор на книгу Вяч. Шишкова «Дикольче» (сатирические и юмористические повести и рассказы). Издана книга будет в 1981 году.

Марии Семёновне наш общий поклон.
 Ф. В. шлет привет и добрые пожелания.
 Я от души желаю благополучного и спокойного переезда.
 Обнимаю
 Твой Н. Яновский.

1. Астафьев В. Прости меня. Драма в 2-х действиях // Наш современник. — 1980. — № 5.

* * *

4.VI.1980 г.
 Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Сегодня получил твою посылку — два тома сочинений. Спасибо! Я при этом подумал: разве в 1965 году, когда мы повстречались, можно было об этом подумать-помечтать? Да ни в коем случае! Это же привилегия классиков или же правоверных охранителей. Словом, я рад и поздравляю тебя. Такое издание тобою заслужено и честно. Ни на какие компромиссы ты не шел и никогда не пойдешь — это ясно, и давно. Читаю и перечитываю с удовольствием и пользой. Это настоящая русская проза! Великая русская литература не скудеет. Развивается, обогащается. Радуюсь и горжусь.

Твое желание переехать в Сибирь — поддерживаю. Родная земля незаменима и всегда обогащает — что бы об этом ни говорили наши философы, живущие в Москве и собирающие русские иконы (в том числе сибирские). Жить надо там, где работается. Другого критерия у нас нет и быть не может. Русский Рерих избрал Индию. От этого выиграла только русская культура (кстати, будешь в Новосибирске, обязательно посмотри в нашей художественной галерее подарок Н. Рериха — его чудо-картины).

Я дружески желаю тебе здоровья, сил творческих для окончания романа, который давно задуман и который никто, кроме тебя, не напишет.

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

Марии Семёновне большой привет.

* * *

29.VI.1980 г.
 Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

По газетам я знаю, где Вы бываете, что говорите (об этом, правда, смутновато, но я-то знаю, что Вы говорите хорошо), а вот что на душе...

У меня, например, туман, тяжесть, какая-то неудовлетворенность... Не живешь, а коптишь, ужасное состояние...

Посылаю Вам книжицу — Вяч. Шишкова [1]. Может, она к вам попала, но лучше, если Вы получите ее от меня. Я ее выстрадал, я о ней мечтал, я в ней выразил нечто заветное. Многие издатели выбросили (неизвестно, почему), но сохранили и о «Ватаге», и ответ критикам повести «Дикольче». Это важно.

А повесть — сатирическую! — «Дикольче» я издаю — в будущем году получишь, под тем же названием целый том сатиры и юмора Вяч. Шишкова. Иногда он писал грубовато, но он был умен и замечал часто то, что и сейчас звучит злободневно.

«Зрячий посох» я перечитываю и нахожу в нем новые и новые мысли, которые греют мою душу. «Советский писатель» молчит. Но в августе я буду в Москве и все узнаю — когда оно планирует мою книгу.

Если что-то в книге В. Шишкова понравится, буду рад, потому что я отбирал самое ценное. Здесь он предстает не только как писатель, но и как человек удивительного обаяния.

Марии Семёновне наш привет.

Будь здоров. Обнимаю.

Н. Яновский.

1. Очевидно, «Воспоминания о В. Шишкове» (М., 1979).

* * *

Дорогой Николай Николаевич!

Слухи до меня доходили, что ты в странствиях, то Москве, то в Коктебеле, то еще где-то...

А я меж тем обживаюсь в Сибири. Переехал я сперва один, в июле, 16-го, багаж уже пришел, разгрузились, малость заселились, благо родни живой еще много. И хоть не все, но таскать тяжести еще могут.

До этого я ездил по Кавказу, много проехал, много видел и слышал, ну и пили, конечно, и подпростыли, конечно, а потом здесь, в жаре похватал сквозняков и слег.

Лежал в Овсянке, уж очень не хотелось обживать Сибирь в больнице. У нас в селе была выпускница мединститута, местная, она меня поколола, полечила и уехала по распределению в Абакан, а я оклемался. Погода мне подсобила и родной воздух, и пейзаж, и заботы родных людей. Хорошо себя почувствовал, а там, на гнилом Западе, наверное, нынешнем летом пропал бы.

В августе приезжала дочь с внуком. Внуку очень понравилась Сибирь, а дочь переселиться не хочет, вероятно, охота пожить самостоятельно. Стремление похвальное и полезное. Нам без внуков и без детей, с которыми мы никогда не жили порознь, будет тоскливо. Но Вы живете с Ф. В., и мы проживем как-нибудь.

Мария Семёновна приехала только месяц назад — родился у нас, у Андрея, Женечка — сын 30-го июня. Дождь, мозгло, холодно, побоялись ребенка простудить, домой выписали невестку с низкой температурой, долго длившейся. Уже после моего отъезда она заболела общим заражением крови, и М. С. там помогала и хлопотала. В связи с болезнью невестки я поинтересовался: «Что это такое? Что за бардак в род-домах?» — и мне порассказали такое, что у меня волосы зашевелились — идет истребление русского народа со всех сторон, а более всего он самоистребляется, но кто-то заинтересован же и в этом, не все же списывать на слабости нашего характера!

С приездом М. С. я освободился от домашних дел и перешел на огород, чтобы превратить его в садик. Таскал из лесу всякий лес, сажал, копал...

А потом читал верстку 4-го тома, читал долго, внимательно и, кажется, только сейчас немножко понял свою «Царь-рыбу», и отчуждение между нами помнилось. Надо бы быть ей еще резче и глубже, и если бы я жил в Сибири, так бы и вышло. Что здесь делается! А, батюшки мои! Какое самоедство!

Писать ничего, кроме «Затесей», не писал, часть из наиболее приемлемых напечатаны в «Смене» и «Огоньке», остальные ждут отработки, но напечатать их, наверное, будет невозможно, уж очень они расходятся с «направлением». Но мировоззрение пожилого человека — это сложный инструмент, и настройку, сделанную жизнью, уже не поправишь.

Николай Николаевич! У меня нету дома «Зрячего посоха», вышли, если есть у тебя экземпляр. Надо поработать, накопилось кое-что. Съезжу к дочери Александра Николаевича, полистаю, посмотрю бумаги и, думаю, многое удастся довести «до ума» в повести.

Поздравляю тебя и Фаину Васильевну с наступающим праздником.

Вот мой адреса:

660036, Красноярск, Академгородок, 14, кв. 56, тел. 5-95-6-05 (п/я 8708), но большую часть времени (до морозов уж точно) я живу в Овсянке — 663061, п/о Овсянка, ул. Щетинкина, 36.

Обнимаю, целую — Виктор

12 октября 1980.

* * *

17.X.1980 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Наконец-то я раздобыл Ваш адрес в Красноярске. И Ваше письмо и книги — том третий и «Посох памяти» [1] — я получил, а куда написать Вам, не знал, так как Вы все это сделали перед отъездом.

В «Посохе памяти» из «Зрячего посоха» лишь кусочек в самом начале. Я полагал, что будет больше. Но не в этом дело. Книгу эту я прочитал с истинным удовольствием, хотя многое, если не все, знал. Просто все вместе они производят большее впечатление.

Книга издана хорошо, но пожалели на портрет вклейку. В первом томе, по-моему, лучший Ваш портрет. И сделали там, в издательстве, его отлично. Так как моя книга «Виктор Астафьев» принята издательством «Советский писатель» и дело идет об оформлении, то я рекомендовал взять именно этот портрет из собр. соч. Если у вас есть что-то более Вам по «нутру», то шлите фото мне, и я его сразу перешлю издательству — сдавать в набор они будут в феврале.

С редактором я обо всем договорился. Полемику с «Коммунистом», конечно, убирают. Но я настоял на том, чтобы суть полемического анализа осталась без прямой ссылки на журнал, то есть из двух страниц полемики я убрал цитату из «Коммуниста» — один абзац строк на десять, а все остальное сохранилось. Получилось так: «Коммунист» высказал свое мнение, я свое, а читатель пусть разбирается сам... Разумеется, это так прошло на уровне редактора, что скажет «главный» и как он на это посмотрит — неизвестно. Встречаться я с ним буду нынче в декабре, когда приеду на съезд писателей РСФСР (сподобился я быть избранным делегатом). В эти дни будет согласован весь текст книги (у них были еще сомнения относительно «мрачного» окончания, взятого мною из «Зрячего посоха», дескать, не вытекает оно из «оптимистического» текста всей книги). Вот уж не ожидал, что факты нашей истории, нашедшие отражение в Ваших книгах и мною подчеркнутые, звучат только оптимистично. Но это пусть будет на их совести — бог с ними! Нам же лучше.

Во всяком случае, я чрезвычайно рад, что книга принята, что она готовится к печати — это наша общая победа. Конечно, пока она не будет у нас в руках, торжествовать не следует, но все же, все же... Первый этап пройден.

Жажду узнать, как Вы там, на новом месте, устроились? Как работаете? Как Мария Семёновна? Наш общий с Ф. В. большущий ей привет.

Книги и рукопись «Зрячего посоха» я постараюсь Вам доставить, теперь уже, конечно, в Красноярск. Если рукопись нужна, то я ее могу выслать ценной бандеролью.

Проездом или специально очень жду Вас в Новосибирске. Очень радуюсь, оттого что вы в Сибири.

Обнимаю
Ваш Н. Яновский.

1. Астафьев В. Посох памяти. Публицистика. — М.: Современник, 1980.

18.X.1980 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

В тот же день, когда я отправил тебе письмо, получил твое — очень меня тронувшее. Живу теперь под его впечатлением. Ну, право, что-то странное происходит в нашем мире. Если ты читал мою статью о Распутине («Прощание с Матерой»), то ты ощутил это мое состояние. Сам Валентин Григорьевич писал мне, что он читал статью с чувством растерянности и возмущения: «Да когда же кончится такое!» Он оговорился: «Читал, словно это не обо мне», но оговорка такого рода мне и дорога, в ней признание и моего значения в борениях нашего времени.

В Москве мы встречались (в сентябре), и я порадовался, что он в «форме». Хотел еще отдохнуть на Байкале и потом засесть вплотную за работу. Выбить такого человека из его рабочей колеи — это тоже преступление нашего века.

Это к твоим размышлениям о «самоедстве». Может, и это кому-то надо...

Как знал: книга «Зрячий посох» тебе нужна. Высылаю немедленно заказной ценной бандеролью. Книга эта не просто интересна, она значительна и отражает наше время не менее выразительно, чем роман «Царь-рыба», «Кража» и «Последний поклон». Хочу, чтоб она была завершена и увидела свет. Понимаю, что все обнародовать невозможно, но все, что возможно, должно прийти к читателю сегодня.

Поздравляю с праздником. Ф. В. шлет привет. Она, как и я, загорелась желанием приехать в Красноярск. Мы с нею были там, и город произвел на нас хорошее впечатление. Теперь же есть там и родная душа...

Обнимаю, целую
Твой Н. Яновский.

Дорогой Николай Николаевич!

Получил Ваше письмо. Ну, теперь и Вы мое, надеюсь, получили из деревни, где я все прочитал про свое житье-бытье.

Сейчас мы с М. С. уже в городе, на зимних квартирах, и она 10-го полетит домой, ко внукам, а я в Норильск, на премьеру «Царь-рыбы», а потом и на съезд собираться надо [1], где и увидимся, надеюсь.

Полечу я в Москву числа 5-го, ибо на 6-е намечена редколлегия «Нашего современника».

«Зрячий посох» жду. Он мне сделался нужен. А фото шлю другое, более «современное», а тому, что Вы облюбовали, уже лет 15 давность и нечего вводить в заблуждение разных девиц мнимой молодостью и подложной красотой.

Зимой собираюсь в Барнаул, есть у меня там дела и надобности. Помнится, и Вы собирались туда, на съезде договоримся о сроках поездки. Наверное, когда уже схлынут морозы. Боюсь я в слякоть и холода отрываться от дома, чуть чего и под лопатками ломота, болит голова и подавленность жуткая появляется, однако ж все лучше мне здесь, чем на Вологодчине, ведь до сегодняшнего дня стояла такая благодать, что даже контуженая голова поутихла и сквозь ослабшие шумы и звоны дошло: «Этак дело пойдет, можно и работать...»

Маня получила письмо от Фаины Васильевны, что-то смешное цитировала мне, а потом притихла, значит, пишет ответ.

С праздником Вас!

Ваш Виктор.

2 ноября 1980 г.

1. Премьера спектакля «Сон о белых горах» по книге «Царь-рыба» состоялась в Норильске в Заполярном драматическом театре им. В. Маяковского в начале декабря. V съезд писателей РСФСР состоялся 9—12 декабря 1980 г. в Москве.

* * *

10.XI.1980 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Я только что получил твоё письмо от 2.XI.1980 г. и изумился, узнав, что ты не получил рукопись «Зрячий посох». Я послал её ценной бандеролью 18.X.1980, квитанция № 280 на адрес в Академгородок. Если ты до сих пор не получил, то я немедленно начну розыск. Ах, какое безобразие. Я же <был> уверен, что ты рукопись уже получил.

А вообще, я рад известиям о тебе. На съезде СП я буду, как и все, 9.XII, но приеду в Москву я раньше — у меня там сын, вот его телефон 213-22-15. Ах, как бы я хотел тебя видеть!

В эти дни я окончательно буду договариваться со своим редактором в «Сов. писателе». Она — Руслана Петровна — хорошо относится и к тебе, и к моей рукописи, считает, что я шире, чем кто-либо, написал о В. П. Я её поддерживаю в этом убеждении, поскольку заинтересован в издании книги. Но о глубине анализа не говорю. Бог знает, сумел ли я понять все.

В Барнауле буду во второй половине декабря. Если в Москве и в Барнауле встретимся, то это будет превосходно. О лучшем я и мечтать не мог.

Фото отличное. Буду его предлагать «Сов. писателю». А Роману [1] привет. Славный он человечиче.

Марии Семёновне наш общий поклон.

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Очевидно, Р. Х. Солнцев (1939—2007) — поэт, прозаик, драматург.

* * *

(открытка)

Дорогой Николай Николаевич!

Рукопись получил, очень кстати. 10-го М. С. улетает ко внукам — я в Норильск-Игарку ненадолго и сажусь работать. Мне кажется, я доведу до дела и «Зр<ячий> посох». Чего ему лежать-то?

Поклон Ф. В.

Ваш Виктор П.

г. Новосибирск, ул. Восход, дом 18, кв. 23, Яновскому Н. Н.

Красноярск

В. Астафьев

* * *

21.XI.1980 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Поздравляю тебя с праздником. Я только после того, как послал рукопись на красноярский адрес, сообразил, что сотворил глупость — ведь ты же в Овсянке... Рукопись ценной бандеролью ушла на красноярский адрес 18 октября. Черт знает, как это получилось.

Если она к тебе попадет в ближайшее время — а она должна попасть — извести, пожалуйста. Беспокоюсь очень.

Продолжаю работать — дел уйма. А главное — я сам выбираю, случайного делаю мало. Есть внутренние обязательства, которые всегда на первом месте. В этом преимущества старости.

Вот «Енисей» печатает меня как «классика» — статью о Зазубрине, изданную раза три до того, статью о М. Ошарове, переизданную раз пять [1]. А я и знать не знаю об этом. Ну не «классик» ли?! Для меня это хорошо — все же какая ни на есть популярность, но хотел бы я опубликовать что-то новое... Но бог с ним, с «Енисеем», — раз им надо, пусть печатают. Жить хочется по каким-то новым измерениям — поскольку осталось немного...

Путь в Красноярск для меня будет, возможно, уже в 1981 году, и я буду рад повстречаться, поговорить. Работаю я сейчас над Потаниным [2], а в архиве Красноярска есть документы — непременно приеду. Договоримся, когда ты там будешь.

Слышал, М. С. уехала. Ф. В. ей написала письмо в Вологду.

Мы приветствуем тебя и желаем от души благополучия.

Обнимаю. Твой Н. Яновский.

1. В 1980 г. в журнале «Енисей» вышли статьи Н. Яновского: «Тема Сибири в творчестве В. Зазубрина» (№ 4), «Эвенкия в творчестве М. Ошарова» (№ 6).
2. Литературное наследство Сибири, тт. 6, 7 (1983, 1986) посвящены Г. Потанину.

* * *

25.XII.1980 г.

Новосибирск

Дорогие друзья, Мария Семёновна, Виктор Петрович!

Мы с Ф. В. поздравляем Вас с Новым годом. Хотим, чтоб он был для Вас лучшим, чем все предыдущие. И здоровья прежде всего. Очень хотим узнать, как дела у Марии Семёновны. Понимаем, что сейчас, быть может, не до писем — ну хоть маленькую весточку.

Мы вернулись из Москвы 17.XII, а 18-го были уже в Барнауле — там был до 21.XII семинар молодых, на котором я обещал быть давным-давно, и пришлось ехать в неудобное время.

Рады, что дома, понемногу очухиваемся, латаем всяческие дыры.

В Москве все кажется благополучно. Перед отъездом я снова был в «Советском писателе», подписал перепечатку-допечатку. Подтвердили, что сдавать книгу будут в феврале, так что хорошо бы фото, напомнили мне, подослать художнику где-то в январе... Однако же, думается, мне, дело это не к спеху, т. к. само утверждение о сдаче в набор будет не ранее февраля, а те сверхмедлительные темпы, каковые господствуют в изд-ве, не обещают оперативности. Полгода назад я сдал им книгу, мною составленную, а сейчас не мог узнать, где она, кто ее читал или читает. Зав. отделом давно болен, и <нрзб>.

Многострадальный ядринцевский том «Наследства» выходит — держал в руках сигнальный экземпляр. Эта многолетняя «ядринцевская эпопея» для меня пока закончилась. Теперь началась «потанинская». И в этот раз я из Москвы привез нужные для «Наследства» материалы.

А в № 11 «Сиб. огней» появилась глава о «Последнем поклоне» (заключительные главы) [1]. Я ее не послал, т. к. и у меня до сих пор нет номеров. Обещали оставить. Меня же в Новосибирске в ноябре и декабре, можно сказать, и не было.

Виктор Петрович! Я был рад встрече с тобой, пусть она и была мимолетной. И понятно — съезды всегда суеда, часто не очень упорядоченная. И повстречаться там мне со многими, с кем хотел, не удалось. Только после съезда я успел кое-что сделать, кое с кем поговорить.

«Сиб. огни» я вышлю на Красноярск.

Обнимаю

Ваш Н. Яновский.

1. Яновский Н. Завершение. О новых главах повести В. Астафьева «Последний поклон» // Сибирские огни. — 1980. — № 11.

* * *

17.1.1981

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

В Новом году рад был получить от тебя весточку, а то я уже начал беспокоиться. Свое письмо перед Новым годом я отправил в Вологду, и мы получили письмо от Марии Семёновны.

Чем порадовал Новый год? Меня вдруг обступили болезни — вероятно, из Москвы я все-таки привез какую-то заразу.

Но я и радовался в первые дни года, так как буквально в канун — 29.XII — получил том выстраданного мною издания «Лит. наследства». Это был сигнал, на который я долго не мог насмотреться. Вскоре том поступил в продажу, и вот я посылаю тебе его — сибиряку о выдающемся деятеле Сибири. Человек он чрезвычайно интересный, и я с удовольствием занимался его двухтомником. Задумал я его лет 15 назад и лет 5 работал над ним вплотную.

До сих пор Ядринцева «прорабатывают» как идеолога буржуазии, и Томский обком отказался от моего предложения увековечить его память в городе, где он учился, начинал свою литературную деятельность. Но это не мешает томским «ученым» делать карьеру, пространно доказывая, что Ядринцев был такой-сякой немазанный. Слава богу, что им теперь не дают ходу.

Итак, фотографии ты отправил. Буду ждать теперь известий о том, что рукопись сдали в набор. Как и предполагалось, полемика с «Коммунистом» полетела по «согласованию с начальством». Я предлагал снять ссылку, но оставить анализ положительный, но и этого убоялись. Со временем я все-таки где-нибудь это опубликую. Нужен только повод. Нельзя же передовицу в «Коммунисте» считать непререкаемой истиной. По «Матёре» выступила «Правда», послушать ее, так это реакционное произведение. В статье я не трогал «Правду», но вся она против такой оценки. Да и выяснилось теперь, что «Правда» ляпнула в колокола явно не по адресу. Так и в случае с твоим рассказом...

Желаю успеха в Новом году и здоровья.

Обнимаю. Твой Н. Яновский.

24.IV.1981 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Получилось так, что я долго тебе не писал — то болел, то работал, как конь, то был в отъезде. Когда был в Москве (март месяц), меня уверили, что книга сдана в набор и художник (из-за которого была задержка — он болел) — все необходимое сделал и теперь нужно ждать корректуру. Дай-то бог.

У меня запарка. Я работаю над шестым томом ЛНС, а это дьявольски трудное дело! Даже просто снять копии с необходимых материалов требует отдачи всех сил, я уже не говорю о комментариях, которые сегодня висят надо мной. Ведь это события столетней давности, и я должен во всеоружии встречаться со своими сибирскими предшественниками — славные были люди, разумеется, не все, но как идеально подчас смотрели они на наше время — для них далекое будущее. Знали бы они, в каких тяжких условиях мы живем! И все равно общение с ними обогащает. Это нам исторический опыт, мимо которого преступно проходить. Я вот недавно вычитал, что Маркс под влиянием Чернышевского склонен был считать, что в некоторых странах (в России в частности) возможно миновать капиталистический путь развития. Это означает, что многие наши деятели — народники, областники, веровавшие в крестьянскую общину, не были недоумками. Они были передовой культурной силой в России, в том числе в Сибири. А эта сторона взглядов Маркса последнего периода его жизни не изучалась, все делали у нас под давлением Ленина только в одном ракурсе — Россия не может миновать капитализма, а все остальное от лукавого и не научно. Честно сказать, когда я прочитал XIX том Маркса-Энгельса об этом, я воспрянул духом, я иначе взглянул на нашу историю. Я и раньше смотрел на историю России иначе, чем принято, теперь я получил подкрепление из того лагеря, из которого мне могли противостоять. А это чрезвычайно важно.

Вот над этим я сейчас и бьюсь, составляя шестой том «Лит. наследства Сибири» (пятый я тебе послал — получил ли?). Это чрезвычайно сложный том именно в этом идеологическом плане. Потанин, мой герой, ведь выступал против большевиков, и это осложнило мою работу по публикации его произведений.

У нас «события». Никульков [1] после осуждения «Сиб. огней» на бюро обкома вынужден перестраиваться, формировать новую редколлекцию, объявлять «новое» про-сибирское направление журнала. Сейчас он на всех перекрестках склоняет твое имя: «Астафьев — член редколлекции, Астафьев твердо обещал “Сиб. Огням” свое новое произведение...» В его подмоченной позиции — это козырь, и он им пользуется вовсю, как любой беспринципный прохиндей. Но бог с ними, пусть «Сиб. огни» процветают на той ниве, которую они избрали — нива туманная, если не

конъюнктурная, а точнее — именно конъюнктурная, жизнь развивается по другим, более жестким законам, и не дай бог быть на их поводе.

Что у Вас там — как ты живешь, работаешь, доволен ли новой обстановкой? Очень хочу приехать в Красноярск (меня на какую-то там конференцию приглашают), поработать в архивах, повидаться, поговорить, узнать, как дело обстоит с рукописью об А. Н. Макарове. Мне думается, ее обязательно надо опубликовать, даже если потребуются какие-то сокращения. У нее есть свой внутренний заряд, который не поддается никаким сокращениям — и в этом ценность твоей работы.

Я только что из Ленинграда. Это город моей юности — там я учился, там женился, там родился мой сын Лёва, которого я люблю больше всего на свете, хотя его уже нет. По городу я ходил с просветленным чувством, благо он в это время был ярко-солнечным. Боже мой, что делает с нами время! Моя юность бродила по тем же улицам и площадям, что сейчас нетленны, словно с ними ничего не произошло, а главное — и долго ничего не произойдет, они останутся такими же, как были.

Ну, извини, я наболтал много. Привет от нас с Ф. В. Марии Семёновне, привет тебе первомайский.

Обнимаю. Твой Н. Яновский.

1. Никульков А. В. (1922—2000) — прозаик, критик, публицист, главный редактор «Сибирских огней» (1976—1987).

* * *

Дорогой Николай Николаевич!

Мы тут наперегонки с М. С. взялись хворать, и оттого я не поздравил Вас с праздником. Делаю это пусть и с опозданием — с весной! С Победой Вас! Здоровы будьте!

Я полмесяца был в Москве, закрутился, устал — дела-то накапливаются, и убралась мы с М. С. в Душанбе, ближе к солнцу, но пробыли там тоже только полмесяца. Как-то я худо себя чувствую среди чужеземцев, этих самых «дружных народов» и хотя условия жизни у нас были хорошие и друзья исключительно приятные, и все же долго мы там выдюжить не могли и вернулись в Крас<ноярс>к, благо есть прямой рейс самолета. А тут теплынь! Благодать! И я доверился родному солнцу, начал распечатывать балкон, бегать на брег Енисея потный и началось обострение пневмонии, но я ей разгулентиться не дал, прихватил, полечил, однако ж почту и всякие текущие и текучие дела запустил. Пробую, хоть урывками, работать над «Зрячим посохом», и чем я его дальше работаю, тем меньше он делается годным для печати. Я посулил отвезти рукопись в «Н<овый> мир», когда поеду на съезд и хочется мне уже с нею развязаться. Написал я, кажется, недурно кусочек о К. Симонове и этим кусочком и его, Симонова послесловием теперь кончается книга, но в середине еще есть дело — хочу написать кусочек о Твардовском и Смелякове и даже придумал, где и как это можно сделать.

Очень звали меня в Новосибирск на конференцию новомирцы, а я как раз и слег и не смог поехать, и вообще на подъем тяжеловатый сделался, вот даже в деревню никак не выберусь. Марья Семёновна моя шибко сдала, и у меня сердце сжимается от боли за нее. И ведь знаю, что кто-то из нас первым умрет и кто-то останется один, но за ее доброту, самоотверженность и светлое житие надо, чтоб она пережила меня и помогла еще внукам и детям. Без нее развалится у нас все и мои дела останются. Я это знаю. Я даже нужные бумаги без нее не смогу найти. Ну, бог к нам все-таки был милостив и на войне, и после войны, авось и в старости не оставит своими милостями.

В середине июня приедет ко мне в Овсянку Валентин Курбатов [1] из Пскова, умный и цельный парень, великолепнейший собеседник. Может, я дам Вам знак и Вы подлетите хоть на несколько денечков? Марьи Семёновны, вероятно, тогда не будет, она, как подлечится и напечатает «Посох», поедет ко внукам в Вологду, и мы бы могли тут мальчишник изладить и по-мужицки потолковать?!

После долгих колебаний я Вам отправляю письмо Петра Еремеева. Не обращайтесь внимания на его дурацкий тон, а вот недочет какой-то, может, и исправите. Автора письма я уже отчитал как следует за неуважительность и прочее — вы с ним можете не связываться.

И не сердитесь на меня за то, что я согласился быть членом <редколлегии> «Сиб. огней» [2], дело не во мне и даже не в Никулькове, дело в литературе и в отношении к Сибири нашей. Может, что и удастся для них сделать, хоть маленько, кой кого-то напечатать из талантливых ребят.

Простите, что совсем уж разгулялся мой почерк — это я еще от болезни не отошел вовсе-то.

Поклон Фаине Васильевне от меня и Марьи Семёновны.

Обнимаю Вас — Виктор.

9 мая 1981 г.

1. Курбатов В.Я. (р. 1939) — критик, литературовед.

2. В составе редколлегии «Сибирских огней» В. Астафьев был с 1981 (№ 7) по 1987 (№ 6) год и с 1993 (№ 1/2) по 1996 (№ 5/6).

* * *

12.V.1981 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Посылаю Вам только что вышедшую книгу Вяч. Шишкова, составленную мною [1]. Знаю, что Вы любите Вячеслава Яковлевича, потому посылаю с особенным чувством. В большей своей части (по объему) произведения не переиздавались полвека и некоторые совершенно не известны читателю — они были погребены в периодике, а «Дикольче» еще и

уничтожена тогдашней критикой, да и после вплоть до нашего времени ее не жаловали за «идейную несостоятельность».

Что-то давненько я от Вас не получал вестей. Тут перед маем распространился слух, что Вы приезжаете в наш Академгородок (вместе с Граниным, Зальгиным, Айтматовым). Я обрадовался. Но был лишь Гранин и Зальгин да еще кое-кто из редакции «Нового мира». С Зальгиным виделся, а в городок не пошел — побоялся «водолейства». А май наступил — заболел, черт знает, что, видимо, из-за резких погодных изменений мое давление скакало то вверх, то вниз — ощущение скверное, состояние нерабочее.

В марте-апреле был в Москве, в Ленинграде, 13 дней прожил в Комарове. Эти дни чуть-чуть передохнул, хотя, конечно, бегал по ленинградским библиотекам и архивам, когда дней 5—6 жил в самом Ленинграде. Солнечным, приветливым был в те дни Ленинград, уезжать не хотелось, юность, проведенная там, вспоминалась...

Сейчас оклемался, начал понемногу работать. Книгу в «Сов<етском> Пис<ателе>», говорят, сдали в набор. Дай-то бог! Спрашивал о тираже — молчат, мнения тиражной комиссии ждут... Поживем — увидим.

Марии Семёновне наш большой привет.

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Шишков В. Дикольче. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1981.

* * *

18.V.1981 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Очень рад твоему письму и, конечно, огорчен, что ты болел, когда возможно было приехать к нам в Новосибирск. Я как получил известие о возможном твоем приезде, то все время справлялся всюду, не приехал ли, хотя и понимал, что если бы ты приехал, то позвонить-то обязательно позвонил, и мы бы встретились, как встретились мы с С. П. Зальгиным [1].

Итак, в июне ты меня извещай, когда приедет к тебе В. Курбатов. Если ничто не задержит, приеду обязательно, вволю наговоримся. Да и В. Курбатов мне интересен, так как он человек исключительно талантливый, если судить только по известным мне его работам.

Относительно редколлегии «Сибирских огней» ты прав: дело не в Никулькове, а в интересах литературы. Меня он под давлением Решетникова [2] тоже пригласил в члены редколлегии, но я отказался, так как работать с Никульковым не смогу. Я не в том возрасте, чтобы заниматься с ним полемикой буквально по всем проблемам его «литературной поли-

тики». На расстоянии куда ни шло, но ежедневно это не для меня, тем более, что он и не желал этого и в свое время кричал: «Помогите нам справиться с Яновским» (на бюро Обкома). В. Распутин тоже был лет пять членом редколлегии, но отказался, потому что рукописей ему не слали, а если присылали, то заведомо журналу ненужные. Со мной, когда я был членом редколлегии при Никулькове, поступали так же, давали читать мне всякую макулатуру, и я написал заявление, что читать ее не буду, а только ту, которую они рекомендуют в журнал. Ответ на это был один: меня исключили из членов редколлегии.

Учти эти обстоятельства и читай то, что они — редакция — готовят в печать, иначе и смысла нет быть членом редколлегии.

По поводу письма некоего товарища, письма злобного по тону, ты хорошо сделал, что прислал. Кстати, он знал, мог легко установить адрес редакции журнала и написать письмо не тебе, а мне, автору статьи, коль он меня начал критиковать. Интересно, почему он этого не сделал, не потому ли, что такой прокурорский тон (точнее, хулиганский) в научном споре неуместен? Все, что я по этому поводу думаю, я посылаю тоже тебе, раз уж так получилось. Извини, что загружаю в сущности ненужной полемикой. Товарищ попросту защищает столыпинскую идейку о процветании Сибири в годы переселенческого бума. Он «забыл», как в 1891—1892 году тысячи переселенцев, доехав до Тюмени, гибли от голода и эпидемий, как гибли они и в неурожайный 1911 год и тоже в изобильной Сибири, «забыл», как в 1908 году в Сибирь переселилось 665 тыс., а правительство было совершенно не готово к тому, чтобы расселить в Сибири такую массу народа, отправляло их на пустые земли, непригодные для пашни или без воды или с водой, не годной для питья. Снова тысячи гибли или попадали в кабалу купцов и других богатеев.

Ну, ладно, бог с ними с такими критиками, они еще не перевелись и в наше время.

Живу я сейчас одной работой, которой нет конца: готовлю том ЛНС, книгу воспоминаний о Вяч. Шишкове (второе издание). Тем и жив, хотя в последнее время чаще и чаще начинаю прихваривать. Тут уж никаких новостей: возраст!

Если М. С. мое письмо застанет — привет ей большущий, если нет, то я ей в Вологду напишу. А тебя обнимаю. Будь здоров!

Твой Н. Яновский.

Теперь по поводу письма товарища (если судить по тону, то господина), который уличает меня в незнании истории Сибири. Но, увы, суть в том, что он ее сам не знает, в том числе и сочинения Ленина, которые он мне предлагает прочесть.

Он (господин уличающий) не желает различать сибиряка-старожила (Сибирь к концу XIX века осваивалась триста лет!) от переселенца конца XIX и начала XX веков. Видно, что он не знает работ Ядринцева по переселенческим вопросам, не читал большого очерка Г. Успенского «Поездка к переселенцам» (1888), не знает статей Ленина по переселен-

ческим проблемам, которые остро волновали передовых людей России с 80-х годов XIX века и до начала войны 1914 года.

Вся переселенческая политика самодержавия, по Ленину, «насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего путаницу в новые земельные отношения...» (Соб. соч., т. 13, с. 388, 4-е изд.).

Крестьянин-старожил в Сибири жил лучше малоземельного крестьянина Центральной России. Что же касается переселенцев из России в начале века, то Ленин в статье «Значение переселенческого дела» приводит такие статистические данные: если в 1906 году обратно вернулось в Россию 6%, то в 1911 году уже 60%. Почему они вернулись? Потому, что не нашли в Сибири то, что искали — землю и возможности на ней работать. Что такое возврат 60%, если ежегодно переселялось до 500 тыс. населения? Это 300 тыс. крестьян. Разве это не бедствие и не разорение? «В Россию возвращалась беднота, самая несчастная, все потерявшая и озлобленная», — писал тут же Ленин (Соб. соч., т. 19, с. 47). В другой статье «Переселенческий вопрос» Ленин цитирует речь депутата Войлошников, который, опираясь на официальные данные, говорил: «В течение трех лет, 1906, 1907 и 1908 гг. за Урал было переброшено 1552439 душ обоюбого пола, наполовину нищих, завлеченных правительством рекламой в неведомые края, обреченных на произвол судьбы. Из них устроилось, как пишет переселенческое управление, — 564041 чел., вернулось обратно 284984 душ. Таким образом, известно по сведениям переселенческого управления о 849025 чел., куда же девались остальные? Где же 703414 чел.? Правительство отлично знает об их горькой участи, но оно об них не скажет; часть из них приписалось к старожильческим деревням, часть пополнила ряды сибирского пролетариата и ходит с протянутой рукой».

Мне, чтобы написать ту фразу, которая подверглась критике, не надо было обращаться к статистике и к работам Ленина. Мой дед приехал в Сибирь самостийно, у него было 6 сыновей и одна дочь. Никто ему земли не дал, первые годы он с оравой детей попросту побирался — «ходил с протянутой рукой», их прозвали в Камне «кусочниками». Старшему сыну было лет десять, второму сыну Николаю (моему отцу) было восемь, третьему Якову было семь лет, всех их дед отдал в батраки, то есть продал на полгода, и все они (плюс те, что подрастали) батрачили лет десять (мой отец до 18 лет), потом он пошел в «шпану», то есть в грузчики на пароходы Фуксмана. Зимой он был скотником в богатых семействах, в 21 год женился и заработал на лошадь, стал ломовщиком, а когда пошли дети, стал арендовать три десятины земли (ни деду, ни ему, никому из шестерых дядей земли никто не давал), следовательно, они относились к числу тех 703414 человек, о которых говорил Войлошников и на которого опирался Ленин. По цитатам из книг в Сибири жизнь крестьянина ах как хороша, а вот мы с отцом бедствовали, до 1924 года арендовали землю — пять десятин, потому что семья у нас увеличилась, в 1925 году мы получили свою — тоже пять десятин, которые нас с грехом пополам кормили, потому что засуха поражала раза три в пять лет. Дед по матери тоже не имел земли, и мать моя с десяти лет работала «кухаркой», сначала у местного

аптекаря, потом у попа, это продолжалось семь лет, потому что в 17 лет она вышла замуж. Дедушка говорил: приехали мы на вольные земли, а тут их нам никто не приготовил и обнаружился у меня «талан», плотничать, столярничать начал, прокормились, а то бы погибель, и ехать обратно не на что... У него был еще один «талан»: сказочника... Уже в институте, изучая фольклор, я обнаружил, что добрую половину сказок из собрания Афанасьева я знал, и первая моя студенческая работа была по фольклору.

Вот еще немного статистики, взятой у Ленина же.

В начале века у переселенцев было в наличии: одна рабочая скотина у 12%, ни одной лошади у 10%, ни одной коровы у 15%. Если в те годы переселялось даже не более 150 тыс. населения, то это означает, что почти у сорока тысяч не было возможности индивидуально поднять хозяйство. Критикующий товарищ не случайно упомянул Столыпина, потому что этот «обер-вешатель», по определению Ленина, тоже хвастался, что «переселенцы богатеют, улучшают свое хозяйство». Ленин, обличая это хвастовство, писал: «А данные о числе обратных переселенцев, — данные, столь предусмотрительно обойденные г-ном министром... показывают нам чудовищное увеличение числа обратных, до 30 и 40 процентов в 1910 году и до 60 процентов в 1911 году». Если учесть, что в 1910 году переселилось в Сибирь 316 тыс., а в 1911 — 183 тыс., то вернулось за эти два года 300 тыс., а сколько тысяч погибло на дорогах и не могло вернуться! Не могло вернуться из-за нищенского состояния и в большинстве своем пополняло ряды сельского пролетариата, т. е. батраков. Пусть этот товарищ почитает газеты того времени, почитает произведения Ядринцева, Наумова, Г. Успенского или того же чиновника по переселенческим делам Комарова, который прослужил 27 лет и добровольно оставил эту службу, потому что он, пишет Ленин, анализируя его работу, «не вынес того, что переселенческая политика наша означает полный разгром того, что именуется рациональным лесным хозяйством. Он не вынес такого государственного расхищения, вернее разгрома сибирских земель и лесов...». Таково реальное положение дел в Сибири тех лет, о которых я лишь упомянул. Что же касается заявления Столыпина о «вывозе сибирского масла», каковое «имеет не только местное значение», то я могу добавить, что наше барабинское масло шло на экспорт и почиталось за рубежом лучшим маслом в мире. Суть в том, что производством масла занимался не тот крестьянин, который имел одну корову. Во-первых, тот, кто имел стадо, хотя бы в 10 коров, у которого мой отец плюс тысячи, как мой отец, работали скотниками; во-вторых, перекупщики молока, имевшие средства на обзаведение маслодельческим оборудованием, у которых мой отец, и тысячи, как он, тоже работали, занимаясь извозом...

Товарищ, критикующий меня, начитался книг, в которых говорилось, как росло хозяйство Сибири, как Сибирь богатела. Он только забыл, что богатство это распределялось крайне неравномерно. У нас в Камне действовал купец Винокуров, он забрал в свои руки всю хлебную торговлю в крае. Чем больше хлеба производила Сибирь Алтайского края, тем больше он богател. А вот мой отец работал у него, но, сколько он ни работал, больше одной лошади и одной коровы заработать не смог. Почему бы

это? Пусть этот умный товарищ подумает на досуге, прежде чем заниматься такой критикой.

1. Зальгин С. П. (1913—2000) — главный редактор «Нового мира» (1986—1998).
2. Решетников Л. В. (1920—1990) — поэт, прозаик, критик.

* * *

(отв. 24.VII.81)
07.V.81.

Дорогой Николай Николаевич!

Огромное спасибо за Вяч. Шишкова. Все это очень интересно, достойно. Хотелось бы начать разговор о сатире 20-х гг. Добыл Эренбурга, в частности, его высказывание о судьбе сатирика (т. 2, Собр. соч., стр. 170—171 — «Смеяться легко, говорят они, легко описывать темные стороны современности. Но вы не видите всего величия нового класса. Поэтому вас не следует печатать. Это растрение душ и недопустимое расхождение бумаги...»). Буду рад, если пригодится.

Разумеется, я получил т. 4. Спасибо большое, и надеюсь в будущем на 6. Хорошо, что дело движется. Жаль, конечно, что не добрались до Питера. На днях я прибыл в <нрзб> и теперь в полном одиночестве.

Вчера был в <нрзб>, говорил со славным таким талантливым Абрамовым [1], по секрету от которого я послал статью в «Сиб. огни». Вл. Николаевич сказал, что в начале июня они решат. Но я немного еще подожду и пошлю еще куда-нибудь или в «Неву». Впрочем, может быть, сие обозначает авторское нетерпение.

Мои все на даче, Л. А. разрывается между <нрзб> и экзаменами, а я в городе, будем живы, махнем в Коктебель, там будет и Алеша <нрзб>. Так что Вам <нрзб> и сам бог велел. На днях спросил у Холопова о «Царь-рыбе», хотя там <нрзб> будет все-таки сказать обязательно и в целом об Астафьеве. Но это уже придется делать тотчас же, в июне. Ведь надо не позже января-февраля делать. После разговора пошло (весьма положительного) <нрзб>.

Вспоминаю о Вас с нежностью. Приятно знать, что несмотря ни на что <нрзб>, Ваша статья о Шишкове — тому доказательство. Учтите, пожалуйста, в дальнейшем, что, например, писал о «Роковых яйцах» Л. Ершов в своей книге о сатире 20-х гг. Черниченко, хваля меня, написал, что я верно говорил о тенденциях в литературе — болгаринско-софроновской и радищевско-овечкинской. В критике нашей все это <нрзб> отчетливо. Поэтому мне там дорого все, что Вы говорите об Астафьеве, Распутине, Зальгине, Л. Иванове, Л. Сейфуллиной, Н. Ядринцеве. Мысленно часто беседую с Вами.

Большой привет Фаине Васильевне, перед которой виноват — забил ее своими разговорами. От Ларисы Алек. привет. Всего доброго. Пишите — Ваш Астафьев.

1. Возможно, Абрамов Ф. А. (1920—1983) — прозаик.

* * *

12.X.1981 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Мы только что получили твою книгу и книгу М. С. Спасибо, наши дорогие друзья, за внимание и память.

Оказывается, «Падение листа» вошло в этот том — превосходно! А у меня это «место» благополучно выбросили под девизом: «Неубедительно!» До начальства добратся в «Сов<етском> пис<ател>е» мудро и кто писал «на полях», тоже не дознался, редактор же сказала: «Это общее мнение». Господи! Решил специально написать статью о «Затесях» и опубликовать в своей книге («Коммунист» называть не буду — просто изложу «свое мнение»). Черт с ними! Стена непробиваемая.

С удовольствием посылаю Вам книгу А. Новосёлова «Беловодье» [1]. Я бился с нею больше 15 лет. Господин Коптелов [2] написал, что сие есть «реакционное произведение» и не допустил печатать в Зап.-Сиб. изд-ве. Послали в Институт мировой литературы, те вообще ничего не ответили, хотя рукопись держали три года. Омский обком на запрос ответил: Новосёлов реакционный политический деятель 1917—1918 гг. и никакой не писатель, раздутая «величина» и т. п. Так и длилось много лет, и вот — такая книга! Представляете мою радость, мою победу... Почитайте «Беловодье» и «Мирская» — это превосходно, мы, сибиряки, можем гордиться такими писателями.

Приезжайте к нам — будем рады. Обнимаю. Твой Н. Яновский.

1. Новоселов А. Беловодье. Повести, рассказы, очерки. — Иркутск, 1981.
2. Коптелов А. Л. (1903—1990) — прозаик, очеркист, публицист.

* * *

16 октября 1981 г.

Дорогой Николай Николаевич!

Крутит и вертит меня жизненка, даже «вольное» письмо написать недосуг, все какие-то обязанности и обязательства.

Лето прошло в хлопотах и устройстве. Когда приезжал Валя Курбатов, я не вызвал вас потому, что полный развал был на дворе, начали строить гараж, дровяник, забор городили и делалось это все лето.

Лишь в сентябре, по приглашению <нрзб>, мы с М. С. съездили на Клинскую ярмарку, а после, во главе с Зальгиным и хорошей бригадой писателей, проследовали в Петрозаводск, Мурманск, где занимались лит. обсуждениями, выступлениями и т. д. и т. п., а потом залетели в Вологду, навестили детей и внуков. Домой вернулись первого октября и вот пол-

месяца уже разгребаем почту и хоз. дела — расплата за удовольствия, полученные в путешествии.

Несмотря на суету, я подготовил и сдал книгу «Затесей», вместе со старыми их теперь набралось сотня с лишним. Я их разбил на шесть тетрадок и книга получилась любопытная, но повозиться пришлось крепко. Из такой <нрзб> не так просто было делать книгу.

К концу идет и «Зрячий посох», осталось написать два кусочка, до которых я никак не доберусь. За роман мечтаю уж засесть глухой зимой, а пока очень заболели ноги, суставы. Не могу в обуви жесткой и ходить. Быть может, придется ехать на курорт, а я был на ем последний раз в 67-м году и писать меня на него не тянет.

В ноябре, если ничего не стряется, поеду с делегацией писателей в Австрию. Охота мне посмотреть моцартовские и штраусовские места, с детства, с «Большого вальса» охота, авось и утешу блажь свою.

У М. С. вышла в Кр<аснояр>ске книжка, напечатали ее повесть в № 8 «Москвы», а у меня в 12-м номере «Дружбы народов» идет цикл «Затесей», одна из которых написана была вчере в Новосибирске во время работы над «Кражей». Вот и все новости.

С наступающим тебя и Ф. В. праздником!
Обнимаю. Виктор.

* * *

4.XI.1981 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Вчера отправил верстки своей книги в «Сов<етский> писатель», удивили меня только, что художник, оформляющий книгу, другой, и я боюсь, что она не будет иллюстрирована, как предполагалось.

Письмо я Ваше получил, очень был рад отклику, но из него я не понял, получили ли Вы книгу А. Новосёлова, которую я послал 13 октября. Было бы жаль ее потерять. Книга получилась хорошая и издана со вкусом. Она из числа тех, которыми я, как составитель, горжусь.

Книгу М. С. и том IV твой мы получили. Радует меня раздел «Затесей» — в нем и «Падение листа», и «Паруня», и многое — лучшее в этом цикле.

Поздравляю Вас с зимним праздником. Наступила пора лыж, чему я очень рад — у нас выпал снег, хотя и неустойчивый пока. Думаю, что 8—10.XI уже можно будет отправляться в лес — в это время он особенно приятен.

Марии Семёновне наш поклон.

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

* * *

(отв. 02.XII.81)

Дорогой Николай Николаевич!

Новосёлова я покупал, но еще не листал, не читал, к сожалению, еще и <нрзб>, поглядываю на хорошие книги, как волк голодный, а читаю все текучку, да начитываю литературу о войне — для романа. Прочел вот в переводе, в рукописи, роман американца Трамбо «Джонни получает винтовку» и обалдел. Такого проклятия войне нет сильнее в литературе. Роман написан в 39-м году, известен во всем мире и экранизирован. Казалось бы, нам бы и напечатать его. Ан нет! Трамбо проклинает все войны, все оружие, всех безумных людей, «охотно жертвующих жизнями других» (его доподлинные слова!), а мы как бы и за мир, но за мир как выгодный и потому наш «бронепоезд все стоит на запасном пути»...

Прочел записки Гудериана — занятное и тяжелое чтение, много мне прояснившее в цене войны. Читаю сейчас записки одного нашего художника, бывшего на войне связником, читаю роман Елегечева о протопопе Аввакуме «Зима» [1] для «Сиб. огней» и начинаю понимать, почему его выселил Кольхалов из Томска [2] — просто Елегечев талантливей и умней его, а как это терпеть сов. писателю, да еще и <нрзб> наполовину!?

В № 12 «Дружбы народов» посмотри мои новые «Затеси» и обязательно прочти в № 10 «Искусство кино» сценарий «Не убий», ибо в кино от него могут остаться роман да <нрзб>. На первый случай название уже <нрзб>.

Поклон Ф. В. Обнимаю — Виктор.

1. Елегечев И. З. (1927—2011) — прозаик. Роман «Зима» (Воронеж, 1984).
2. Кольхалов Вл. А. (1934—2009) — прозаик.

* * *

2.XII.1981 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Получил твое письмо и обрадовался — во-первых, ты работаешь: и над романом думаешь (вокруг литературу читаешь) и печатаешься — все это я буду читать непременно (в «Дружбе народов», в «Искусстве кино»). Нам в нашем возрасте нельзя быть спокойными, неработающими. Активное воздействие на умы — наша стихия, поступаться не должны. Я радуюсь, что у тебя такой боевой заряд.

Приятно мне, что ты Новосёлова и «Дикольче» Шишкова поставил на полку желанных книг. В. Распутин писал мне, что я познакомил его с такой «высокой» литературой, Ф. Абрамов, почитав «Беловодье», называет повесть классикой, С. Залыгин вчера позвонил мне и сказал,

что я совершил «подвиг», открыв Новосёлова во всем его объеме. Мне, конечно, лестно это слышать, но ведь «виновники» мои существовали до меня, действовали, страдали, выражали самих себя, я лишь внимательный читатель их свершений — не больше того.

Относительно Елегечева я согласен с вами. У меня с ним установились хорошие отношения, он собирался широко поставить архивное дело в Томске, что касалось литературы, а потом «пришел» Кольхалов и все это заглохло. Увы, в «Сиб. огнях» его, Елегечева, тоже не жаловали, а некоторые повести прошли мимо журнала, о чем я очень жалел. Если сейчас что-то появится — буду только рад. Когда он уехал из Томска, я считал это потерей для Сибири.

В. Распутин пишет, что если я надумаю ехать в Красноярск, он охотно присоединится — это в ответ на мою просьбу, где мы смогли бы встречаться. Но сейчас у меня намечается поездка в Томск. И вот как только монография «Виктор Астафьев» появится в «Сов. писателе», я забираю энное количество экз. и еду в Красноярск... Но Господи! Когда это будет?!

Марии Семёновне наш общий с Ф. В. привет.

Обнимаю

Твой Н. Яновский.

* * *

(отв. 31.XII.81)

Дорогой Николай Николаевич!

Все я получил и Новосёлова тоже. За все спасибо большое. А я тут, ободренный хорошей, сухой погодой, какую втихую искал работать, за полчаса накатав черновик новой небольшой повести (написал рассказ).

Валя Распутин тоже начал работать, напечатал в «Сибири» рассказ, говорит, очень хороший, и пока не кончился запал, стремится в деревню еще пожить. Вот этому я рад, наверное, больше, чем своему творческому воскресению. От Вали еще много и много надо ждать. Дал бы бог ему здоровья!

Я подумал, а зачем тебе искать журнал, когда мне их прислали? И решил послать тебе на память, тем более что кино — это ох как длинно.

Как Валя испишется, устанет, так и приезжайте. Вплоть до марта я надеюсь быть дома — в марте пригласили в Академгородок ваш, давно, говорят, не виделись.

М. С. поехала в Москву и Вологду, послезавтра возвращается.

Вот пока и все. Поклон Фаине Васильевне. Обоих с Новым годом! Не хворать ни зимой, ни летом.

Кланяюсь, обнимаю, целую —

Ваш Виктор.

21 декабря 1981 г.

* * *

29.XII.1981 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Только что получил журнал «Искусство кино» и не утерпел, чтобы сразу же не прочитать сценарий «Не убий». Впечатление огромное. Читал залпом, не отрываясь, да и не мог оторваться до того, как увидел Андриюшу — Андрея Булыгина в музее. Такой финал не ожидал, он и верен и кинематографичен. Однако же такой сценарий чрезвычайно труден для режиссера, я не представляю, как его, фильм, делать — ведь в нем, словно бы совсем-совсем, мало действий, а если они есть, то носят внешне однообразный характер. Следовательно, вся суть во внутреннем переживании, нужен актер для роли Андрея редкостной силы, без этого не произойдет столкновения характеров и мировоззрений Андрей Булыгин — Хорст Бёггер. Ну и задачку Вы задали отважному режиссеру! А главное — ужас войны и не в символах, а в реальных столкновениях живых людей; вся трагедия в том, что Хорст тоже человек, хорошо, что свою нечеловеческую «работу» он делает под нажимом... Словом, тут есть что играть и есть, над чем задуматься...

Поздравляю с удачей!

Рассказ В. Распутина не читал. Кажется, он входит в его книгу, которая должна появиться в «Молодой гвардии», в ней одни рассказы и три новых. Тоже очень рад за него.

Новый год встречает не очень весело, хотя бы потому, что обещает разные трудности да много их, трудностей переносится на новый год, увы.

Секретариат «отчитал» «Наш современник» за № 11. Жаль В. Крупина [1], который высказал немало здравых мыслей, но их квалифицировали как «брюзжание при отсутствии авторской позиции...». О брюзжании можно поспорить, а позиция у автора ясная: нетерпим он к нашим крупным и мелким недостаткам. Это-то, видимо, и задело кое-кого...

Обратил я внимание и на то, что Вас нет в составе редколлегии, давно обратил, а спросить, в чем дело, не успел. Иль не угодили кому?

Ф. В. и я шлем М. С. и Вам большой привет и поздравляем с Новым годом. Здоровья Вам!

Обнимаю.

Ваш Н. Яновский

1. Крупин В. Н. (р. 1941) — прозаик.

(Продолжение следует.)

Владимир СЕДЫХ

В ЭКСПЕДИЦИИ

Об очерках В. Н. Седых, собранных в книгу «Таксаторы и Бичи. Первооткрыватели сибирской тайги», мы уже писали («Сибирские огни», 2014, № 10). Напомним, что автор рассказывает о 60-х годах прошлого века, о работе и быте таксаторов, ведущих описание и учет леса, но главное в его воспоминаниях — это не таежные бывальщины, а яркие человеческие типы, во всей полноте проявившиеся вдали от Большой земли. Мы предлагаем вниманию наших читателей новые очерки Владимира Седых — ученого, фотографа и подлинного летописца эпохи освоения природных богатств Сибири.

Редакция

Матушка Женя

Наша экспедиционная самоходная баржа «Колхозница», нагруженная таборным имуществом, продуктами, лодками, в конце мая пришла в Ханты-Мансийск и встала на пристани в его пригороде Самарово. Этот поселок испокон веков был известным речным портом на Иртыше. Самаровские люди со дня основания поселка безбедно жили на берегу большой реки, работая в порту и дополнительно к этому занимаясь промыслом стерляди на Иртыше и охотой в тайге. Сам Ханты-Мансийск с населением около 30 тысяч человек находился за горой в пяти километрах от Самарова.

Начальник экспедиции Евгения Васильевна Синюкова отправила шесть человек — капитана судна, механика, завхоза экспедиции и нас, троих таксаторов, — на проведение подготовительных работ к полевому сезону. Нам надлежало нанять дом под штаб экспедиции и жилье начальника, помещения для хранения таборного имущества и продуктов, камералку и жилье для командировочных, а также наладить с работниками лесхоза взаимодействие по нашей работе в тайге.

Евгения Васильевна тогда уже была личностью легендарной, о ее твердом волевом характере и таланте руководителя таксаторы постарше рассказывали молодым. Это она в первые послевоенные годы, организовав подготовительные ра-

**Евгения Васильевна
Синюкова**

боты на таежной территории, удаленной от базы на значительное расстояние, впервые высадила десант таксаторов и бичей из движущегося по снегу самолета Ан-2 на озеро с подснежной водой.

А дело было так. Лесоустроительной партии, начальником которой она была, предстояло провести инвентаризацию лесов в 200 км от райцентра Берёзово. На этом объекте планировалось провести работы в течение ближайших трех лет. В первый год ее партия должна была организовать одну из таежных баз со строительством трех изб для проживания ИТР и работы с аэроснимками, избу для хранения таборного имущества и продуктов, а также баню. Но чтобы сделать все это к первому полевому сезону, надо было двумя рейсами самолета Ан-2 высадить десять человек с таборным имуществом и продуктами на одно из озер, на берегу которого и должна была быть построена база. Партия в связи со всякими обстоятельствами задержалась в Новосибирске и прибыла в Берёзово только в конце марта. Это было самое неудобное время для высадки десанта. В эту пору вода уже выступила надо льдом и стояла тонким слоем под покровом снега. В этом случае самолет не может стоять на снегу. Вода при давлении на снег может выступить на поверхность лыжни, замочить лыжи, и тогда самолету не подняться, он останется на озере. Подходящего болота без воды для посадки вблизи не было. Возникла практически безвыходная ситуация, которую тем не менее надо было как-то разрешить в течение двух-трех дней, в противном случае будут частично сорваны полевые работы. Все это Евгения Васильевна изложила двум опытным таксаторам. А те недолго думая и не сговариваясь предложили выбрасывать грузы и «десантировать» людей из движущегося по поверхности снега самолета.

На следующий день парни улетели на разведку. Летчики на Ан-2 прошли по снегу со скоростью 40 км/ч, не продавив снег до воды, и пришли к выводу,

Самарово. Поселение возникло на Иртыше во времена Бориса Годунова как перевалочная база на пути в острог Сургут и в Восточную Сибирь по Оби, Кети и Касу

Первая группа десантировалась удачно, самолет пошел за второй

что десантирование возможно. Ну а готовы ли члены экспедиции на такой скорости выбрасываться на снег? Евгения Васильевна предложила таксаторам и бичам решать самим. Таксаторы вместе с рабочими решились на такую высадку, рассудив, что с ними ничего не случится при падении в глубокий снег. Евгения Васильевне в ту пору было тридцать лет, она, не сомневаясь в успехе такого рискованного дела, приняла этот вариант для исполнения, добавив, что надо будет сначала приземлить весь груз с продуктами, палатками и спальными мешками и только потом людей. При этом отметила, что людей надо будет десантировать на удалении не менее 30 м от выброшенного груза. В течение следующего дня таксаторы и бичи очень плотно укладывали все имущество в мешки, привязывая к ним веревки с флажками длиной метра по три.

К вечеру следующего дня все было готово к полету. Начальник партии и летчики обсудили еще раз всякие технические детали, и наутро первая партия отправилась на отчаянный прыжок. Евгения Васильевна сама руководила всем процессом выброски десанта, которая была проведена двумя рейсами. Вечером первого же дня таксаторы вышли на связь, доложили, что все в порядке, и начали обустриваться.

Сезон начинается

Итак, 1964 год, Самарово. Евгения Васильевна окончила в 1934 г. Томский лесотехнический техникум, и этот полевой сезон был ее тридцатым, юбилейным. Начинаясь он как всегда, по крайней мере завхозу не казалось странным полученное задание. А на наш взгляд, взгляд людей новых и непосвященных, распорядка ему были отданы совершенно необычные. Под штаб экспедиции и местожительство начальника он должен был нанять дом с высокой верандой, обращенной на восток. Но это еще не все. На веранде должен был стоять стол,

покрытый тяжелой цветной скатертью, с большим самоваром. Рядом с ним должна стоять хрустальная сахарница с колотым сахаром, миска с печеньем и сушками, заварной фарфоровый чайник и стаканы в подстаканниках типа тех, в которых подается чай в поездах. Кроме этого стола надо было поставить также еще один рабочий стол и разместить стульев десять вдоль стен. Хозяйка этого жилища должна была готовить постояльцам пищу, причем к завтраку обязательно подавать копченую стерлядь.

Завхоз с утра до вечера занимался поиском такого дома, а также наймом жилища для временного проживания таксаторов и складского помещения для хранения таборного имущества и продуктов. Мы же, таксаторы, пропадали в ханты-мансийском лесхозе, подготавливая всякие материалы лесоустройства прошлых лет для нашей работы.

Через два дня на гидросамолете прилетела Евгения Васильевна и с ней восемь таксаторов. Следом за ними на следующий день прибыли несколькими рейсами еще два таксатора и пятьдесят рабочих. В тот же день начальник экспедиции дала указания таксаторам подобрать на противоположном берегу Иртыша место для палаток и не откладывая разместить там прибывших рабочих, чтобы они не отирались в городе. Оттуда каждый таксатор будет отправляться со своими рабочими на участки экспедиционной самоходкой или вертолетом.

Устроившись в своем доме, наутро Евгения Васильевна пригласила всех прибывших инженеров и нас зайти к ней в штаб на совещание. Евгения Васильевна, тщательно причесанная, сидела за столом в каком-то азиатском ярком халате. Широким жестом она пригласила всех за стол. На столе было все — сушки, пирог с нельмой, копченая стерлядь, колотый сахар и большой фарфоровый чайник на самоваре. Попросила всех не стесняясь наливать себе чай и сопровождать его тем, что стояло на столе. Сама налила себе горячий крепкий чай в блюдце и приступила к чаепитию, как она привыкла у себя в Томске, — с сахаром вприкуску. Мы, молодые таксаторы, не видевшие ранее ничего подобного, сначала было растерялись, а потом стали общаться с начальницей, о которой ходили самые невероятные слухи. Но треп о ее экспедиционных выходах она воспринимала всегда со сдержанной усмешкой.

Рабочие-бичи ее очень любили и называли не иначе как Матушкой Женей. Она обязывала завхоза всем уволенным рабочим покупать авиабилеты туда, куда им надо было улететь, и, если в порту собиралось много отъезжающих из экспедиции, находила время лично сопроводить их до самого самолета. Когда отдельные неулетевшие, отсидевшие в милиции 15 суток, появлялись у нее в штабе, она, отчитав их по-матерински строго, принимала снова на работу, давая возможность заработать на билет. И уж в этом случае она обязательно проводила их до самолета, никому не доверяя эти проводы. Она это делала не из любви к бичам, а чтобы исключить всякую возможность ЧП в отношении даже уволенных рабочих, что могло бы стать помехой в ее работе.

Как характерный пример можно привести такой любопытный случай.

Базируясь в каком-то поселке на Ангаре, Евгения Васильевна шла в штаб с таксатором Полиной Касаткиной при больших деньгах в полевой сумке, полученных на почте. Проходя через центр поселка, они увидели двух дерущихся парней. Разъяренные, они кидались друг на друга, и некому было их остановить. Узнав в них рабочих, недавно уволенных ею, она передала сумку с деньгами По-

лине и кинулась разнимать. Она вцепилась со спины в лямки спецовки одного из рабочих (в ту пору, в пятидесятых годах, еще не было противоэнцефалитных костюмов) и попыталась оттащить его от напарника. Вдруг пуговицы кое-как застегнутых лямок отлетели, и весь наряд бича упал наземь, оставив рабочего в трусах и рубашке. Тот ничего не понял и только увидел, как Матушка Женя таким же образом оттаскивала уже его противника, и тот также остался без штанов. Посмотрев друг на друга, рабочие рассмеялись и прекратили драку. Они узнали свою начальницу и поспешно начали приводить себя в порядок. Улыбаясь, стояли они перед ней, удерживая штаны руками. Нисколько не смутившись от их вида, она тоже с улыбкой отчитала их понятными им площадными словами и приказала начальническим тоном прийти в штаб на следующий день утром.

Рано утром они сидели за столом, красные от стыда, и пили чай вместе с Матушкой Женей. Выяснилось, что, бичуя в аэропорту и дожидаясь своего рейса на Большую землю, они пропились, чего-то не поделили, стали громко ругаться между собой и их, пьяных, не взяли на борт. После этого, болтаясь без дела около магазина в центре поселка, они подрались. Матушка Женя, узнав, куда им лететь, послала завхоза купить билеты на самолет, а потом самолично отправила их на Большую землю — за свои деньги. Как рассказывали потом свидетели, рабочие со слезами и смехом благодарили Матушку Женю, пока не погрузились в самолет, уходящий в Красноярск.

Дав возможность всем попить чай и отведать пирог с рыбой и копченую стерлядь, Евгения Васильевна перешла к делу. Раздала всем сидящим указания, а заключила речь словами: «Распивать далее чай ни к чему, расходимся и готовимся к заброске на таксаторские участки завтра же».

Через два дня я на большой деревянной лодке с четырьмя рабочими и таборщицей, с таборным имуществом и продуктами ушел на свой объект в низовье реки Назым. Началась обычная работа, и я долгое время не видел начальника экспедиции, общаясь только с начальником партии. На моем участке в устье Назыма было много обских притоков, и я без напряжения добирался до лесных массивов на лодке и выполнял свои таксационные работы. Сезон шел, ничем не омрачаясь, пока в начале августа не случилась беда у одного из таксаторов.

Битва с огнем

Во второй половине июля стояли ясные и жаркие дни, свирепствовал паут, не давая расслабиться и спокойно работать. К комару мы уже привыкли, спасаясь от него мерзкой маслянистой жидкостью, называемой диметилфталатом. Утешала только надежда, что вскоре, недели через три, летний гнус спадет и постепенно к концу августа в тайге наступит курортный сезон, который позволит нагнать упущенное в работе. Мошку, которая будет появляться в сентябре, мы серьезной помехой не считали. Ясные дни шли за днями, вселяя в нас уверенность, что этот ад из липкой жары и гнуса, начавшийся с середины июня, в конце концов прекратится. Все остальное, что в эту пору могло быть в тайге, нас не тревожило. Не тревожила нас также и появившаяся легкая голубая поволока дыма, закрывающая на горизонте небо. Это указывало на то, что где-то далеко от нас, возможно в Восточной Сибири, идут пожары, ну а нам до них не было никакого дела. Нет такого лета в Сибири, чтобы где-то не шли пожары, дым

от которых обычно распространяется на сотни километров. Коль кругом леса, то лесные пожары воспринимаются как данность, которую местные жители исключить из своей жизни не могут и привыкают с самого детства.

Евгения Васильевна по рации ежедневно сообщала всем, что эти пожары идут где-то далеко от объектов экспедиции, но при этом строго требовала неукоснительного соблюдения правил противопожарной безопасности в лесу и крайне осторожного обращения с огнем. Прошла неделя. Несмотря на дожди в районе наших работ, дымка все более плотно укутывала небо, что говорило о приближении к нам одного из пожаров. И вот однажды Евгения Васильевна сообщила, что огонь приближается к таксаторскому участку Виктора Казанцева и всем нужно быть начеку, воздержаться от многодневных заходов и ждать ее распоряжений.

Участок этого таксатора располагался с левой стороны реки Назым далеко за поселком Кышик. Сосняки с лишайниковым покровом здесь занимали пологоувалистые поверхности, которые были самыми восприимчивыми к огню. В связи с этим была поставлена задача не только не допустить пожара к нашим объектам, но и от лесхоза и райисполкома поступило требование остановить огонь силами экспедиции — хотя экспедиция и не была повинна в его возникновении. После получения этого распоряжения местных властей Евгения Васильевна дала указание: всем таксаторам и рабочим, не находившимся в заходах, быть готовыми наутро вылететь вертолетом на участок Казанцева. И в тот же день тремя рейсами Ми-4 было доставлено на табор Казанцева двадцать пять человек с топорами, лопатами, граблями, палатками, спальными мешками и продуктами на неделю. Вместе со всеми прибыла и Евгения Васильевна. Она в первый же час разобралась в обстановке и приняла решение выдвинуться всем составом до места пожара, подготовить противопожарный разрыв и запустить встречный огонь. По аэроснимкам Виктор Казанцев показал лесные массивы, где идет пожар. От табора надо было идти на север километров семь. Евгения Васильевна наказала всем прибывшим выйти через час и быть в районе пожара не позже трех часов дня. При этом взять с собой все то, что обычно берется в заход на несколько дней. Через час все вышли. Евгения Васильевна в сапогах и экспедиционной одежде, с рюкзаком на спине и лопатой в руках замыкала отряд.

Через два часа мы были вблизи пожара. Горели сосновые леса с сухим лишайниковым покровом. Стояла безветренная погода. Пожар широким фронтом, не торопясь, границей шириною примерно в километр шел на юг, временно замирая в тех местах, где огонь упирался в массивы заболоченных сосняков, приуроченных к блюдцевидным западинам. Пока готовился чай, Евгения Васильевна наметила по снимкам места проложения разрывов, которые соединили бы между собой заболоченные сосняки. Прикинули, что сделать это лучше метрах в двухстах от границы пожара. Тогда разрыв будет готов на всем протяжении поздно вечером и уже ночью на отдельных участках можно будет запустить встречный огонь.

Евгения Васильевна дала указания таксаторам разместить всех прибывших по местам и начать делать полосу шириной метра три, убирая лесную подстилку, сухостой, кустарник, валеж. Сама начала учить неопытных рабочих, как готовить эту полосу. Лесную подстилку и порубочный хлам она заставляла убирать только на сторону идущего пожара, которая потом будет подожжена при пу-

ске встречного огня. Она показывала, как стыковать разрыв с заболоченными участками леса, и строго подчеркивала: главное, чтобы огонь идущего встречного пожара не перекинулся на другую сторону лесного массива по подсушенному багульниково-осоковому покрову. При этом особо отмечала, что если вдруг загорится этот покров, то тогда не удержать распространения огня в лесу, пока он не встретит участок без багульника и осоки. Евгения Васильевна обходила группы работающих людей и напоминала всем о соблюдении техники противопожарной безопасности.

К вечеру ветер совсем стих и уже со стороны пожара не слышно было треска горящих крон. Наступила северная серая ночь. Евгения Васильевна пригласила всех к чаю, который приготовила сама, сообщив, что после отдыха надо будет запускать встречный огонь в местах наиболее близко расположенных к идущему пожару разрывов. Расставив людей между двумя заболоченными сосняками, зажгли вал сгребенной подстилки. Потом зажгли второй участок разрыва и следующие — с обеих сторон. Граница запущенного огня медленно пошла навстречу полыхавшему впереди пожару, ускоряясь за счет усиливающейся тяги. Убедившись, что огонь не перейдет минерализованную полосу, Евгения Васильевна половину людей направила к месту ночлега, а остальных оставила контролировать движение встречного огня. Всех отозванных она заставила спать и сама также ушла отдыхать в свою палатку. К утру с места пожара прибежал рабочий и радостно сообщил о грандиозной стене огня, возникшей при встрече двух пожаров. Евгения Васильевна с улыбкой встретила это сообщение, потом всех разбудила, дала время перекусить и тотчас отправилась с ними к огню. Прибыв на место, она отпустила отдыхать дежуривших ночью людей. На черной поверхности, пройденной обоими пожарами, все дымилось, местами догорал валеж и лесная подстилка. Евгения Васильевна перекрестилась и послала пришедших пройти по краю гари и ликвидировать все дымящиеся участки с пнями и валежинами.

Восходящее солнце было закрыто тучами, и появился слабый ветер. В атмосфере все указывало на изменение погоды. Все разбрелись по границе гари и начали ликвидировать дымящиеся участки. Ветер усиливался, и это заставляло более ответственно уничтожать еще тлеющие источники огня. Общая протяженность границы, пройденной обоими пожарами, была огромной, и ее всю надо было держать под контролем. Но это была обычная работа, напряжение от возможного прорыва огня прошло. Евгения Васильевна ходила по гари, буквально потирая руки и не скрывая радости от удачно выполненной работы.

И вдруг к обеду случилось то, чего никто не ожидал. От трех человек, посланных контролировать боковую границу, прибежал рабочий и сообщил, что огонь неожиданно перекинулся в заболоченный лесной массив и, подгоняемый ветром, быстро пошел полосой шириной метров двадцать параллельно границе гари, сжигая подсохшую осоку, багульник, кассандру, карликовую березу, а потом остановился, упершись в чистое болото. Один из рабочих, не успев выскочить из этой полосы, обжег ноги. Идти он не может. Оставшийся сейчас с ним товарищ ждет помощи, чтобы вынести пострадавшего на табор. Евгения Васильевна, не расспрашивая прибежавшего вестника беды более ни о чем и не показывая своей досады, немедленно послала одного из рабочих к месту ночлега

за тентом, спальным мешком и вкладышем, а сама с тремя другими через гарь поторопилась к месту происшествия. Добравшись до пострадавшего, она тут же раздела его и увидела ожоги на ногах, полученные от сильного перегрева болотных сапог. Пострадавший улыбкой встретил Матушку Женю, стонал и просил пить. Через пять минут в фуражках принесли воду из ближайшей мочажины на болоте. Матушка Женя обильно смочила ожоги и дала ему напиток. Через полчаса прибежал посланный на табор. Рабочие сделали носилки, застелили их тентом и спальным мешком и быстро понесли своего товарища до места ночлега. Матушка Женя шла рядом, поправляя вкладыш, закрывающий ноги, и выговаривала всем идущим, уже не скрывая своей досады, о том, что она строго всех предупреждала особенно внимательно обрабатывать границу примыкания суходольного леса к заболоченному.

Дойдя до места ночлега, Виктор Казанцев прихватил еще четырех рабочих, и восемь человек почти бегом понесли раненого на табор к реке, меняясь по дороге. Матушка Женя еще не определилась, что надо будет делать на таборе. Пока шла, она лихорадочно думала, что до вечернего сеанса связи по радиции еще часов пять, но эта вечерняя связь ничего не даст для спасения рабочего. Вертолет, даже санитарный, ночью не ходит, он может прилететь завтра не ранее десяти часов. Состояние рабочего было очень тяжелым, он громко стонал, и Евгения Васильевна, чтобы облегчить его страдания, поднимала полог с ног, давая возможность проветрить ожоги со вздувшимися волдырями.

Матушка Женя принимает решение

Выйдя на табор, она еще раз смочила водой ожоги на ногах пострадавшего и все думала, что же делать. И совершенно неожиданно, может быть еще не отдавая отчета, для чего, спросила Виктора: в каком состоянии у него деревянная лодка и надежен ли мотор, пристегнутый на корме? Виктор спокойно ответил, что лодка и мотор в порядке.

Ветер усиливался, и, судя по всему, никого нельзя было снять с пожара. Сильный ветер может вызвать на гари в каком-нибудь месте огонь, который перекинется через полосу разрыва на прилегающие массивы леса. Матушка Женя распорядилась заправить мотор, поставить в лодку две канистры бензина, положить на дно запасной мотор, сняв его с рядом стоящей дюральки, и срочно сделать в лодке низкое укрытие из тента. Она легко зашла в лодку, опустила сапог мотора в воду, поставила скорость на нейтралку, провернула шнуром вал мотора, потом резко дернула вал, мотор зафыркал, но не завелся. Вторым движением еще более резко дернула вал, и мотор заработал. Погнав, она заглушила его. Выйдя из лодки, распорядилась в бардачок на носу положить три спальных мешка, котелок для чая, сухари, сахар. Приказала загрузить раненого на настил под шалаш, подстелив под него спальник. Виктору велела вернуться на пожар с рабочими, особо наказав контролировать границу гари при усиливающемся ветре. Одного рабочего оставила при себе, чтобы сидел на беседке рядом с пострадавшим и следил за его состоянием. Более ни о чем не рассуждая, начальница экспедиции, оттолкнувшись одним веслом от берега, развернулась, рывком завела мотор и быстро покатила вниз по реке. Мы стояли на берегу, глядя вслед удаляющейся лодке, ошарашенные и восхищенные поступком Матушки Жени.

Лодка шла быстро, и Матушка Женя рассчитывала за три-четыре часа добраться до Ханты-Мансийска

До Ханты-Мансийска от табора было километров сто, и Евгения Васильевна надеялась за три-четыре часа добраться до города — до наступления темноты.

Вскоре лодка прошла деревню Кышик, приближалось местоположение когда-то существовавшей на правом берегу реки деревни Назимово. Далее за этим местом начинался сор*, сплошь покрытый водой километров на тридцать до самого Ханты-Мансийска. Пройдя берег бывшей деревни, лодка выскочила на открытое пространство, где русло уже ничем не обозначалось. Волна на сору пошла крутая, и становилось опасно двигаться дальше. Понеслись навстречу первые капли дождя, мешавшие видеть горизонт. Укрыться было негде. Надо было или идти вперед, или вернуться в русло реки. Но Евгения Васильевна шла не сворачивая, кидая тревожные взгляды на укрывшихся под тентом.

Пошел дождь. Проскочили Сургутскую протоку и опять пошли по сору. Справа, где должен был появиться крутой берег Оби с маленькой деревней Слинчиха, ничего не было видно. Волна пошла еще более крутая, она могла залить и потопить лодку. Евгения Васильевна сбавила скорость, стараясь не под-

* Сор — широкий мелководный разлив реки, сильно меняющий конфигурацию год от года.

ставлять борт под навальную волну. Горизонт уже пропал, и одинокая лодка болталась в этом пустом серо-синем безбрежном пространстве, как-то борясь за свою жизнь. Теперь уже никак не перевалить эту стихию воды и придется только положиться на удачу. Нередко она спасает путников, если ей искусно воспользоваться.

И вдруг неожиданно она пришла. Впереди сбоку появилась большая тень. Евгения Васильевна, приблизившись к ней, увидела, что эту тень образуют заросли ивы высотой 4—7 метров, торчащие из воды, и отметила, что набегающая волна гасилась в них. Это было спасение. Она снизила скорость и, осторожно уходя от боковой волны, зашла в заросли с подветренной стороны. Матушка Женья глубоко вздохнула, улыбнулась себе и заглушила мотор. Развернув лодку носом к ветру, она сказала рабочему закрепить его у ствола ивы, а сама подняла мотор и тоже привязала веревками к ивам корму с двух сторон. Страх, который она видела на лице рабочего, когда шли по сору, прошел. Матушка Женья протиснулась под мокрый шалаш, пощупала пульс у раненого и губами прикоснулась ко лбу. Пострадавший все так же стонал. Матушка Женья стала гладить его руку, утешая его тем, что завтра он будет в больнице.

Стало темнеть. Дождь затихал, и, когда он перестал, Матушка Женья убрала мокрый мешок из-под раненого, а рабочий вычерпал всю воду из лодки. Потом разложили на дне лодки весла и беседки, постелили два сухих спальных мешка и стали коротать ночь на сильно качающейся лодке, тесно прижатые друг к другу. Стемнело. Пошел опять проливной дождь, а к утру он прекратился вместе с ветром. Матушка Женья сменила на ожогах мокрый вкладыш на сухой, погладила руку пострадавшему и вернулась к мотору. Рабочий освободил нос лодки, а Матушка корму, опустила сапог мотора в воду, налила бензин в бачок, дернула резко шнур, и мотор без капризов завелся. Рабочий и Матушка, цепляясь за тонкие стволы ив, выбрались из зарослей, и лодка понеслась на небольшой

При встрече Оби и Иртыша в паводок образуется гигантский лабиринт из протоков и озер, в котором неопытный лодочник может остаться навечно даже в тихую погоду

волне по какой-то полноводной протоке. Ее берега угадывались по редким шеренгам зарослей ивы, березы, осины, и это указывало, что скоро она доведет лодку до Иртыша. Но, выйдя из этой протоки, Матушка попала в другую, потом в третью и поняла, что она заблудилась в этом водном лабиринте.

Вода, еще не ушедшая в берега, заполняла низинные болота и луга, связав озера и лощины и образовав фантастическое переплетение водных артерий, из которого незнающему человеку выйти было практически невозможно. Но Матушка Женя, зная, что надо идти только на запад, упрямо продвигалась вперед, оставляя сзади полоску начинающегося рассвета. Вскоре одна протока стала расширяться, заросли ивы, торчащие из воды, стали пропадать, и вот родимый Иртыш расстелился перед лодкой играющей мелкой волной, подсвеченной ранней зарей. Повернув на юг и пройдя километра два по широкой воде, далеко впереди она увидела еще сверкавший огнями город.

Через час прибыли на пристань в Самарово и причалили к нашей самоходке. Постучав по борту, Евгения Васильевна подняла капитана и попросила его срочно вызвать «скорую помощь». Машина пришла минут через двадцать, и санитары перегрузили раненого в салон «скорой». Матушка Женя перед погрузкой подошла к рабочему, погладила его руку, улыбнулась и перекрестила его со словами: «Давай лечись, все в порядке, спасибо тебе за тушение пожара». Через три недели вылеченного бича выписали из больницы, и она самолично отправила его на Большую землю.

Оставшиеся в тайге бичи и таксаторы полностью погасили всё тлеющее и горящее, и через три дня после дождя вертолетом все были возвращены на свои объекты. Полевой сезон завершился, и более ничего примечательного не произошло. Но за этот сезон авторитет Матушки Жени среди бичей и таксаторов еще более возрос. Всех приводил в восторг рассказ о том, с каким мастерством она, сидя за мотором силой тридцать лошадей, провела деревянную лодку в шторм на огромном Обско-Иртышском сору и благополучно доставила обожженного бича в город.

Заключительное «совещание»

Полевой сезон завершился без чрезвычайных происшествий, то есть в тайге никто не был потерян или похоронен, и это было наивысшим показателем качества работы экспедиции.

И вот в один из дней Евгения Васильевна велела всем собираться для проведения производственного совещания вечером в пятницу в ресторане города Ханты-Мансийска. Она всегда отрицательно относилась к выпивающим инженерам и техникам, и для нас, молодых, это распоряжение было странным и неожиданным проявлением, как нам показалось, оригинальности Матушки Жени. Ну а старые таксаторы, работавшие с ней ранее, восприняли этот поступок как должное и с удовольствием. Оказалось, она давно уже после каждого полевого сезона, заверщенного без ЧП, приглашала за свой счет в ресторан. И когда мы, выбритые и в белых рубашках под куртками, прибыли в ресторан и зашли в зал, то увидели длинный сдвоенный стол, покрытый белой скатертью, с приборами, напитками, хрустальными рюмками и фужерами. Нас, молодых таксаторов, это привело в восторг. Мы поняли, что открываем для себя доселе неизвестный нам

вкус жизни старых экспедиционных зубров. Евгению Васильевну мы увидели в парадной голубой форме лесников, ловко сидевшей на ее статной фигуре. Она давала еще какие-то распоряжения служащим ресторана, а потом начала всех рассаживать за стол.

В это время из магнитофона приглушенно лилась музыка старого романса «Ямщик, не гони лошадей» в исполнении Юрия Морфесси, приводя всех в состояние умиротворения. Действительно, нам спешить было некуда. Официанты, разлив напитки по рюмкам и фужерам, отступили. Евгения Васильевна подняла рюмку с водкой и произнесла: «Ну, мужики, призываю вас выпить за удачное завершение нашей экспедиции, очередного полевого сезона и за тех таксаторов других экспедиций, кто еще в поле!» После этого тоста, понятно, все выпили до дна, а сама Евгения Васильевна только пригубила. Потом роль тамады она передала Юлию Котовскому, и производственное совещание пошло своим веселым чередом. У каждого накопилось много плохого и хорошего, и все пытались поделиться этим с Матушкой Женей, ставшей очень доступной на этом совещании.

Освоившись, я тоже подошел к Евгении Васильевне и спросил, как ей удастся (а мы это твердо поняли за сезон) получать вертолет в летном отряде по заявкам безо всяких проволочек одной из первых. Те, кто услышал вопрос, замерли в ожидании ответа. «Я появляюсь в вертолетном отряде только в этом костюме, в каком я сейчас, в звании полковника», — ответила она. Затем глянула на себя в зеркало, встала перед нами подбоченившись, играя черными глазами, и произнесла: «Ну как? Глядя на меня, вертолетчики ни разу не отклонили мою заявку». Евгения Васильевна всем улыбнулась, подошла с высоко поднятой головой к одному из старых таксаторов, и они легко закружились в вальсе по всему залу.

Вот так я открыл для себя удивительную женщину, проработавшую без перерыва 33 полевых сезона в отчаянно романтическое время освоения сибирской тайги.

(Окончание следует.)

Владимир НИКИФОРОВ

ПЛЕСК КЕМБРИЙСКИХ МОРЕЙ

О Геннадии Прашкевиче

Геннадий Мартович Прашкевич родился в 1941 г. в селе Пировское Красноярского края, являвшемся центром одноименного района, в котором и прожил все военные годы. Из промышленности в селе была лесопилка да кирпичный заводик. А еще гараж, конный двор, ну и школа, столовая, магазины, клуб, а раз районное село, то — райком, исполком, потребсоюз, военкомат, милиция. Не призванных на фронт мужчин гоняли на лесозаготовки. Жили натуральным хозяйством, держали коров, коз, свиней, гусей, кур, в огородах выращивали овощи, в тайге брали ягоды и грибы, мужики добывали дичь. Рядом речка Белая (там маленький Гена однажды чуть не утонул): «...по утрам выходил в лодке с отцом в протоку, поднимали сеть, заброшенную с вечера. Босиком все детство. Не голодали (свой огород), но всегда хотели есть». В редкий дом не пришла похоронная, но выжили, выросли, а детство — даже военное — все равно детство. Потом жил с семьей в Енисейске и Абалакове, на берегу великой реки: «Енисей — это больше, чем детство. Это весь мир».

В детстве у Геннадия Прашкевича было три мечты: заниматься наукой, написать несколько интересных книг, много путешествовать. «Причем последнее было совсем неосуществимо: в нашем селе дорога только одна — в столярный цех, где я какое-то время и проработал... Возможностей развлечься было немного: скажем, войти в компанию местных хулиганов или читать книги». Первой прочитанной книгой, как вспоминает писатель, была «Цыганочка» Сервантеса, это произошло в четыре года. Школьником Геннадий запоем читал научную литературу; например, в пятом классе проштудировал монографию Вильяма К. Грегори «Эволюция лица от рыбы до человека». И, конечно же, читалось то, что считалось тогда литературой: В. Ажаев, С. Бабаевский, М. Бубеннов, С. Сартаков (кстати, отец Геннадия, техник-строитель, и бухгалтер Сартаков работали в Енисейске в одной конторе — сплавной), К. Седых, кузбасские писатели А. Волошин и В. Попов; отец приносил из библиотеки журнал «Новый мир» в толстой картонной обложке...

К тому времени семья переехала в город Тайгу Кемеровской области, где будущий писатель окончил школу: «...бревенчатый домик на углу улицы Телеграфной и Кирпичного переулка, грунтовые дороги, зимой — морозы за сорок, летом — жара». Там же, в Тайге, он работал кондуктором грузовых поездов, электросварщиком и плотником.

У Геннадия Прашкевича рано проснулся эстетический талант: *«Я рос в провинции и долгое время не мог понять, почему жирная топкая грязь на проселочной дороге после дождя при лунном свете поблескивает так волшебно, так необыкновенно, а такой же отблеск на случайном стеклянном сломе сладко и печально щемит сердце. Меня не трогали цветастые ленты на платьях каких-то местных фольклорных баб, но до дрожи восхищал огромный рыжий бык — живое воплощение тупой силы и поразительной животной гармонии. Кудрявый лоб, крутые рога. К быку тянуло подойти поближе, но я боялся. Безумно боялся. Возможно, именно эта боязнь и определила мое отношение к истинной, не придуманной красоте. Я восхищался и был полон тревоги. Я любил озера, камыши, темный тальник, там чудились мне странные вещи, хотя на поверку часто не оказывалось ничего, кроме обыкновенных переплетенных стеблей, а иногда солнечной ряби, играющей на илистом дне, — но эта рябь сама по себе была миром. Другим миром. Я мог часами всматриваться в темную воду, пока она совсем не тускнела. Приятели крутили пальцем у виска, когда я любовался окаменевшими ракушками, выбитыми из мощных известняковых обрывов почти незаметной местной речушки. Приятели считали мои находки никчемными, неинтересными, они не слышали за ними плеска кембрийских морей, не видели блеска сырых песчаных девонских отмелей».*

Он увлекся палеонтологией, переписывался с известными учеными: Н. Н. Плавильщиковым, Д. И. Щербаковым, И. А. Ефремовым. Палеонтолог и писатель Иван Антонович Ефремов пригласил школьника в настоящую палеонтологическую экспедицию в западное Зауралье. Геннадию посчастливилось жить (вернее, ночевать) в музее палеонтологии, под чучелами мамонтов, и общаться с великим человеком, провожая его до дома. Геннадий Мартович вспоминает, что удивлялся его вопросам, они как-то не соответствовали масштабу личности. *«Помню, он спросил меня, например, чем там закончилась история в семье Карениных. А я ничтоже сумняшеся ответил: “Да все нормально, Анна Аркадьевна бросилась под паровоз, все занялись делами!” Иван Антонович даже остановился от удивления, а после, помолчав, попросил, чтобы я, вернувшись домой, внимательно перечитал роман. Видимо, для Ефремова это был очень важный тест. Видимо, он решил, что если я чего-то не пойму, то со мной дальше дела иметь не стоит».* И Геннадий открыл для себя смысл последних глав «Анны Карениной», размышлений Левина и написал об этом Ивану Антоновичу, и их дружба длилась до самой смерти мастера в 1972 г.

И. А. Ефремов был крупным ученым-палеонтологом, он создал тафономию — науку о закономерностях процессов естественного захоронения организмов, за что получил Сталинскую премию в 1952 г., а его влияние как писателя на умы советских подростков было колоссальным. Название его романа «Туманность Андромеды» (1957) звучало как пароль для пропуска в новый мир. И, конечно, это было чудом, что этот занятый самыми разнообразными делами человек ответил на письмо школьника из далекой Сибири, пригласил его в палеонтологическую экспедицию, а затем в Москву.

В школьные годы Геннадий был увлечен не только наукой, но также читал отечественную (А. Толстой, А. Беляев, А. Казанцев) и зарубежную (Г. Уэллс, А. Азимов) фантастику, писал стихи и рассказы. Один из них («Остров туманов») отнес в редакцию газеты «Тайгинский рабочий», и он, к удивлению авто-

ра, был опубликован 21 сентября 1957 г. Автору было 16 лет. Сюжет рассказа таков: *«Три геолога возвращаются домой после путешествия за Полярный круг, где им удалось высадиться на некий остров, который все время затянут туманом, причем особого свойства: из всех лучей он пропускает только ультрафиолетовые. А в ультрафиолетовом свете весь мир кажется другим, у него другой цвет: все светится ярко и необычно — камни, листья растений, графит карандаша... Конечно, как произведение художественное — рассказ, скажем так, невелик, но это был первый мой опыт активно-го вторжения в жизнь, а это переоценить никак нельзя».*

После окончания средней школы Геннадий Прашкевич приехал в Новосибирск с письмом от академика Д. И. Щербакова к известному сибирскому геологу Г. Л. Поспелову (кстати, многолетнему члену редколлегии «Сибирских огней») и начал работать в Институте геологии и геофизики СО АН СССР, располагавшемся тогда в самом центре города, на Советской, 20. В 1960 г. институт переехал в еще недостроенный Академгородок, и со временем здесь образовалась особенная культурная среда. Внешними проявлениями этой «особенности» были кафе-клуб «Под интегралом», выступления знаменитых поэтов, разговоры об искусстве под сухое болгарское вино и звон гитар.

В эти годы с Г. Прашкевичем приключились «неприятности» политического толка, в которые оказалась вовлеченной даже Ахматова. Позже в память об Анне Андреевне Геннадий написал «роман о романе» «Египтянка и скорпион» — об отношениях Ахматовой и Модильяни.

В 1965 г. вместе с женой Лидией Григорьевной Киселёвой, геофизиком по специальности, и дочерью Г. Прашкевич уехал в Южно-Сахалинск, где стал работать в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. *«Семь лет мы с женой и дочкой отдали Сахалину, это еще в бытность мою геологом. На острове жило много корейцев, и с одним из них, очень талантливым человеком, я был знаком. Ким Цын Сон редактировал газету на корейском языке и писал очень хорошие стихи. Однако после публикации, которую власти сочли антисоветской по духу, Ким Цын Сон был уволен с работы и закончил жизнь завхозом в районной столовой. Просто тихо, как свеча, сгорел... Мы с товарищем успели перевести его стихи (надо сказать, поэтом Ким Цын Сон был редкостным) и издали их в Южно-Сахалинске...»*

Кроме переводов Прашкевич занимался стихами и прозой. Первый сборник стихотворений «Звездопад», уже набранный в Южно-Сахалинском издательстве в 1968 г., так и не вышел в свет — по идеологическим причинам: не может герой одного из стихотворений, «советский» князь Святослав, воевать с братьями болгарами.

В 1971 г. Прашкевичи вернулись в Новосибирск, и Геннадий Мартович устроился на работу в Западно-Сибирское книжное издательство. Здесь мы с ним и познакомились в 1979 г., когда он готовил сборник прозы молодых авторов «Дебют», куда в самый последний момент включил мои рассказы.

За десять лет были изданы книги «Такое долгое возвращение» (Южно-Сахалинск), «Люди Огненного кольца» (Магадан), «Разворованное чудо» (Новосибирск), опубликовано несколько повестей в журналах «Звезда», «Дальний Восток», «Байкал» и «Уральский следопыт». В 1982 г. Прашкевич стал членом Союза писателей СССР. Геннадию уже пошел пятый десяток, зато рекомендо-

вали его в союз сам Валентин Катаев, сам Юлиан Семёнов и примкнувший к ним Владимир Сапожников.

Что собой представляла Новосибирская писательская организация? В Сибири она была самая старая, самая многочисленная и очень средняя. Ярких имен было немного. Поэты-фронтовики А. Смердов, Л. Решетников, И. Краснов, почтенная Е. Стюарт — кто знал их в Калуге или Брянске? Все еще коптел Коптелов, но из прозаиков всесоюзную известность получили лишь Илья Лавров (его романтический роман про девчонок, мечтавших стать капитанами дальнего плавания, напечатали в «Роман-газете» и даже экранизировали) да Виктор Лихонос, переехавший на Кубань. На подступах к славе были Анатолий Иванов («Тени исчезают в полдень», «Повитель», «Вечный зов»), Владимир Сапожников («Наш современник» напечатал его изумительно невразумительный роман «Счастливчик Лазарев»). Но даже этим счастливчикам чего-то не хватало. Илье Лаврову мешала его прежняя профессия актера, после Валентина Распутина («Вверх и вниз по течению») его рассказ «Печаль последней навигации» кажется не пережитым, а наигранным. Оглушительный же успех романов Иванова объясняется очень просто: это явление массовой культуры, наконец-то восторжествовавшей на земле Пушкина, Чехова, Булгакова.

И были Дедов, Жигалкин, Коньяков, Черноусов, Городецкий — со своими редкими удачами и прозрениями, так и оставшиеся провинциальными сибирскими писателями. Зато развивались сатира и юмор (Самохин, Треер, Чарушиков, Шалин), очерк (Кожевников, Золотов, Зеленский), критика (Яновский, Горшенин, Коржев, Постнов, Шапошников) и — фантастика. Если родоначальником жанра сатирического был Самохин, критического — Яновский, то фантастика началась с Михаила Михеева («Вирус В-13»).

В 1983 г. Прашкевич ушел из издательства на вольные хлеба, и во многом это было связано с цензурным запретом его книги «Великий Краббен». В это время менялось многое, кончилась льготная для писателей эпоха лауреата Ленинской премии по литературе Брежнева, началось непредсказуемое время похорон вождей и перестройки. Западно-Сибирское книжное издательство, работающее на пять регионов (Новосибирская, Омская, Кемеровская, Томская области, Алтайский край), прославившееся своей серией «Молодая проза Сибири», стало областным и еще более нетерпимым ко всему, что не укладывалось в рамки заданного формата. Помню, как Геннадий после заседания редсовета хватался за голову: «Скалы рушатся!» Речь шла о моей первой книге «Дом на большой реке», которую он редактировал и которую снова не включили в план, но теперь я понимаю, что переживания Прашкевича были связаны и с судьбой его собственных книг. Запрет на «Краббена» не поддается рациональному объяснению. Я на месте цензора скорее бы запретил Леонида Треера, чего стоит его «Происшествие в Утиноозерске»: Щедрин (Салтыков который) отдыхает!

Через запреты и уничтожение тиражей прошли многие советские писатели, и не только диссиденты и «западники». Этого ждали, к этому привыкали, с этим жили. Аркадий Стругацкий, которому Прашкевич пожаловался в приступе депрессии, посоветовал ни в коем случае не ввязываться в бесполезную борьбу за уничтоженную книгу, а писать новую! *«А пока ты пишешь, сказал он мне, — вспоминает Прашкевич, — один чиновник сопьется, другого выгонят, третий проворуется — а там, глядишь, и сам режим рухнет! Так и произошло».*

Со всей страной Прашкевич пережил перестройку, ГКЧП, развал Союзов (СССР и СП). За десять лет, прошедших со времени его ухода из издательства, мы встречались всего один раз — на конференции «Социология и литература», которую я проводил в 1986 г. в Доме ученых и на которую пригласил Геннадия Мартовича. В 1993-м мы встретились с ним снова, и он подарил мне свою книжку с замечательной фотографией на обложке и замечательными стихами:

**Все лучшее:
Стихи,
Плоды,
Зерно,
Сладчайшую усталость, для которой
Не надо отдыха,
Приносит осенью
И, холодно подчеркивая это,
Отбеливает землю
Белый снег.**

С литературными журналами у Г. Прашкевича отношения были напряженные: «Сибирские огни» его не печатали, на страницах «Нового мира» он появился только в 2010-м, в «Знамени» — в 2007-м. Зато ему везло с издательствами, в иной год он выпускал до десяти (!) книг. И как-то он приехал из своего Академгородка в Союз (уже на Орджоникидзе), чтобы рассказать и показать коллегам, как надо работать, чтобы не ныть и не вспоминать безбедные 80-е. Обернулось это скандалом: мы не привыкли, не умеем радоваться чужому успеху и учиться у тех, кто его достиг. А один из коллег сказал мне на ухо, что он никогда не считал Геннадия «настоящим писателем».

И в принципе, я с ним согласен: Геннадий не укладывался в рамки понятия «настоящий писатель», который сегодня должен быть беден, а лучше нищ и обозлен на всех. На гонорары прожить нельзя, во всяком случае, в Новосибирске: издательства гонораров не платят, за издание приходится еще и платить, а в единственном гонорарном журнале «Сибирские огни» платят мало и не всегда. Чтобы ежемесячно иметь хотя бы среднюю по региону зарплату, в год надо разместить здесь 400 (!) листов, что совершенно невозможно.

А Прашкевич даже тематически «вписался в рынок».

В 90-х он написал цикл «бизнес-романов» в соавторстве с томским бизнесменом Александром Богданом, который прекрасно знал «деловой» мир 90-х и был интересным и умелым рассказчиком. Из этих бесед родились романы-детективы «Противогазы для Саддама», «Человек Чубайса», «Русская мечта», «Поражение». Лучшим романом в серии Прашкевич считает «Пятый сон Веры Павловны», написанный на основе реальной истории: *«Некий человек, получивший деньги и возможности, выкупил все в тех же 90-х исправительную колонию в Кузбассе, в глухом уголке, причем вместе с заключенными. Они сидели там и работали, а он был хозяином этих “крепостных” душ!»*

В начале нулевых Прашкевич издал цикл исторических романов «Секретный дьяк», «Носорукий», «Ставшие ветром», «Пес Господень», что никого не удивило: Прашкевич все может! Но оказалось, что работа над ними заняла несколько десятилетий, роман «Секретный дьяк» — о том, как русские люди шли через всю Сибирь к Тихому океану, — был начат в начале 70-х. Материалом для романов служили не только архивные документы, но и сказки: юкагирские,

долганские, ламутские, корякские, чукотские, керекские, камчадалские, собранные в свое время В. И. Иохельсоном и В. Г. Тан-Богоразом. Прашкевич опубликовал их под названием «Сендушные (от слова «сендуха» — тундра) сказки».

В середине 2000-х Геннадий стал соучредителем и главным редактором издательства «Свиньян и сыновья». Я побывал на нескольких презентациях и купил его исторические книги, читая которые упивался языком, а все остальное — сюжет, исторические подробности — меня не привлекало, как в свое время исторические романы Алексея Толстого: я только помню вкусный язык, яркие картины голых девок и т. д. Я понимаю, что я не прав, но почему я должен принуждать себя? Тем более что исторические романы Прашкевича читают, они получили замечательные отзывы, стали частью нашей истории и культуры, и для самого автора они часть его жизни, часть его самого.

В конце 2000-х гг. — новый поворот в жизни и творчестве Прашкевича. Он уходит из издательства «Свиньян и сыновья», чтобы всецело погрузиться в писательскую работу. И вот плоды многолетнего погружения: биографические книги о Герберте Уэллсе, Жюле Верне, братьях Стругацких, Станиславе Леме, Толкине, Рэе Брэдбери.

Конечно, для Прашкевича эта серия биографий стала этапной, он погружался каждый раз в новый мир, и для писателя, живущего в Новосибирске, стать автором книг о великих фантастах — это небывалый успех, удача! Вместе с тем не надо забывать, что 99 % биографий — это компиляции, и кто знает их авторов? Большие писатели редко работали для этой серии (книги Тынянова, Шкловского, Чуковского, Форш и т. д. — писались не по заказу). Тем более сейчас, когда заказы выдаются своим, родным и близким, кого надо поддержать материально. Иной раз эти имена тоже звучат, но фальшивым и пустым звоном: Быков, например. Прашкевич сделал то, что может быть главным результатом его участия в ЖЗЛ: он своим именем и качеством работ поднял жанр до высот настоящей литературы.

В 2014 г. в серии «Классическая библиотека приключений и научной фантастики» вышли новым и полным изданием «Записки промышленного шпиона» Прашкевича. На мое восторженное послание: «Читаю “Записки”. “Счастье по Колонду” — просто фантастика. Хотелось бы узнать, как этот рассказ возник, на какой волне?» — Прашкевич ответил коротко: «*На волне советских газет, которые к середине 80-х превратились в нечто совершенно бесформенное. Иначе сказать было невозможно*». Напомню, что в основе сюжета «Счастья по Колонду» лежит реализованная в отдельно взятой стране Альтамире идея управления поведением людей как «самоорганизующихся систем» путем устранения всякой неопределенности: в единственной газете «Газетт» печатается то, что было, есть и будет с погодой и людьми, а телевидение показывает только картинку с текстом «Соблюдайте спокойствие».

И все же наибольшим достижением Геннадия Прашкевича как писателя я считаю три повести, напечатанные в журнале «Знамя»: «Упячка-25» (2012, № 3), «Иванов-48» (2014, № 6), «ЗК-5» (2015, № 6).

«Упячка-25» — это ироническая повесть о том, как создается репутация великого художника. Как говорит сам автор, он пытался показать то, что любит, за что боится и что не хочет потерять. Но предоставим слово рецензенту:

«Талантливый художник Пантелей Кривосудов-Трегубов страдает легкой формой аутизма, его можно назвать человеком на грани гениальности и помешательства. Тут Геннадий Мартович точен: веришь автору, что такой человек действительно может жить и существовать в своей отдельной вселенной. И начинается фантазмагория: Первый секретарь, только что гонявший абстракционистов, влюбляется в выставленную художником на вернисаже коровью лепешку на листе картона размером тридцать на тридцать, а Генеральный секретарь листает книгу «Малая Земля» с собственным двуглавым изображением...»

Главный герой повести «Иванов-48» — начинающий писатель Иванов, автор книжки о знаменитом машинисте Николае Луние, мечтающий о Сталинской премии, неожиданно в сорок восьмом году получает от «органов» важное задание — определить авторство повести контрреволюционного содержания. Прашкевич точен исторически и географически: Н. А. Лунин (1915—1968) работал во время войны в Новосибирском депо, стал Героем Соцтруда и лауреатом Сталинской премии; Иванов проживал в бараке № 7 по улице Октябрьской, к тому же он — не вымышленное лицо, а дядя автора. И тем неожиданнее развязка: автором «вредной» повести оказывается сам Иванов, который посылал ее частями товарищу Сталину в надежде, что вождь оценит ее по достоинству, ведь там шла речь о светлом будущем, которое наступит, когда все нынешние языки переименуют в один — сталинский, а неприглядные фамилии и названия — в радостные и светлые...

В отличие от двух предыдущих, в повести «ЗК-5» нет интриги, практически нет сюжета, зато само название несет в себе почти не искаженное представление о нашей новейшей истории: в соответствии с ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению особых мер в создании и распространении объектов и мероприятий культуры и о внесении соответствующих изменений в некоторые законодательные акты» в России было выделено семь специальных «зон культуры» (ЗК), в том числе на территории Алтая. Задачи ЗК: «осуществление деятельности по организации особых мер в создании и распространении мероприятий культуры, организации издательских дел, распространения, подписки, театральной деятельности и других видов указанной продукции... выявление, запрещение и пресечение деятельности лиц, осуществляющих указанную деятельность без получения специальных лицензий». Спасут ли гибнущую культуру ЗК и «Закон о защите прошлого», который разработал герой повести чиновник от культуры Салтыков? Ответ как будто очевиден: нет, но...

Многие сегодня пытаются определить место Прашкевича в литературе в целом, возводя его в число лучших фантастов, критиков, биографов. Для меня же Прашкевич — это явление, корни которого, как выразился один из учеников Геннадия Мартовича, «не только в его профессионализме как писателя, но, более всего, в самой его личности, которая за многие годы впитала и аккумулировала бесценный опыт тонкого наблюдателя окружающей нас жизни, умеющего подмечать в качестве важных, ключевых моментов многое из того, что не сразу и не многим бросается в глаза, а затем, отсеяв массу мелких и случайных деталей, выстроить нить повествования в очень яркий и убедительный, неповторимый по волшебству красок сюжет».

ИЗДАНО В СИБИРИ

== Красноярский край ==

Писатели Енисейской губернии и Красноярского края: справочник / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края; [авт.-сост. К. Похабова, Е. Сироткина; авт. вступ. ст. Г. Спиридонова]. — Красноярск: РАСТР, 2015. — 312, [7] с.

Цель, которую поставили перед собой авторы-составители сборника, — рассказать об авторах, создававших и создающих сегодня красноярскую литературу, дать основные сведения об их творчестве. Помимо писателей, постоянно проживающих на территории региона, в справочнике представлены имена авторов, родившихся в крае, начинавших здесь свой путь в литературе, а также тех, кто длительное время жил на его территории, в том числе репрессированных.

В сборник вошли справки о 266 писателях, разных по масштабу таланта, по количеству и качеству созданных ими произведений. О каждом авторе в книге дана краткая биографическая справка, фотография и список книг автора с указанием основных выходных данных и сведений о переизданиях. Источниками для составления библиографии послужили каталоги различных российских библиотек — в первую очередь ГУНБ Красноярского края, а также Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки и др. Издание вышло при поддержке краевой грантовой программы «Книжное Красноярье».

Нерассказанный сон: сб. фантаст. рассказов / [сост. М. Стрельцов, А. Силаев, М. Успенский]. — Красноярск: Класс Плюс, 2015. — 501, [2] с.

Идея создания сборника фантастических рассказов принадлежит известному

красноярскому писателю-фантасту Михаилу Успенскому. Именно он с грустью констатировал тот факт, что уже очень давно в Красноярском крае подобных изданий не было. Одной из последних книг такого рода, изданных в крае, стал сборник научно-фантастических повестей и рассказов «Страна Гонгури». Было это в 1985 г. С того момента многие красноярские авторы уехали и стали известными писателями (С. Павлов, Л. Кудрявцев, А. Лазарчук, Е. Попов, Р. Сенчин, С. Федотов и др.).

Идею собрать под одной обложкой фантастические произведения «бывших» и «нынешних» красноярцев поддержали многие авторы. Издание книги стало возможным при финансовой поддержке краевой грантовой программы «Книжное Красноярье». В сборнике представлены произведения 29 авторов. Помимо рассказов книга содержит краткий биографический справочник. Издание посвящено памяти М. Успенского.

Анучин, В. И. Сибирский сборник сказок, сказаний, рассказов / предисл. Е. Рудова. — Красноярск: Тренд, 2015. — 286, [1] с.

Сборник включает избранные произведения сибирского писателя и ученого Василия Ивановича Анучина. В. И. Анучин родился в 1875 г. в селе Базайском Енисейской губернии и значительную часть своей жизни прожил в Сибири, занимаясь научной и общественной работой. Литературную деятельность В. И. Анучин начал в 1896 г. Его произведения написаны в основном по материалам его путешествий и экспедиций по Сибири и первоначально публиковались в краевых газетах. Впоследствии они вышли от-

дельными книжками в Санкт-Петербурге: «По горам и лесам», «Рассказы и сказания», «Рассказы сибиряка», «Сибирские легенды», «В стране черных дней и белых ночей». Большинство книг автора не переиздавалось в Советской России.

Составители данного сборника поставили своей целью вернуть из забвения имя сибирского писателя и познакомить современных читателей с его многообразным творческим наследием. В книге можно найти сказки, сказания, рассказы, повести, очерки, а также драму «Красноярский бунт» (она интересна тем, что работу над пьесой автор начинал еще вместе с В. И. Суриковым). Издание приурочено к 140-летию со дня рождения В. И. Анучина.

Певцы и песни авамской тундры: музыкальный фольклор нганасан / сост. О. Э. Добжанская; пер. с нганас. Н. Т. Костёркина и др. — Норильск: Апекс, 2014. — 223 с.

Книга является продолжением работы музыковедов, лингвистов, фольклористов по собиранию и изучению нганасанского фольклора, итогом которой стал песенный сборник аборигенов Таймыра

«Песни нганасан», изданный в Красноярске в 1995 году. За прошедшие годы коллекции музыкального фольклора нганасан, собранные разными исследователями, значительно пополнились. Новый сборник включает 50 песен с нотами, текстами, комментариями. Представлены личные, иносказательные, застольные, детские, шаманские песни, эпические сказания, а также звукоподражания голосам животных. Тексты песен записаны на нганасанском языке и переведены на русский.

На сегодняшний день сборник «Певцы и песни авамской тундры» — наиболее полное издание произведений музыкального фольклора нганасан. Книга дополнена исследовательскими статьями о музыкальной культуре и музыкальных инструментах нганасан, а также биографиями фольклорных исполнителей.

В 2014 г. это издание стало лауреатом всероссийского конкурса на лучшую научную книгу.

*Подготовила Ксения Похабова,
заведующая сектором отдела
краеведческой информации
Государственной универсальной научной
библиотеки Красноярского края*

== Республика Хакасия ==

Культура Хакасии в архивных документах: [сб. арх. док.] / М-во культуры Респ. Хакасия, Гос. каз. учреждение Респ. Хакасия «Нац. арх.»; [сост. Ю. А. Орешкова, Н. В. Фёдорова; под ред. И. М. Мироненко]. — Абакан: Бригантина, 2015. — 187, [1] с.: [8] л. ил., табл., портр., факс.

Сборник включает в себя документы, хранящиеся в ГКУ РХ «Национальный архив», освещающие становление и развитие первых органов управления культуры, создание первых учреждений культуры и их дальнейшую деятельность. Хронологические рамки документов, включенных

в сборник, охватывают период с 1924 по 80-е годы XX столетия.

Основной целью издания является распространение исторических знаний, популяризация архивных сведений среди широкого круга читателей, побуждение к изучению культуры Хакасии.

Документы расположены в сборнике в структурно-хронологической последовательности. Основная их часть публикуется впервые. Тексты передаются с сохранением стилистических и языковых особенностей. Каждый документ в публикации сопровождается легендой, содержащей поисковые данные документа.

Рекомендуется историкам, политическим, государственным и общественным деятелям, архивистам, культурологам, аспирантам, студентам, краеведам и широкому кругу читателей, интересующихся историей Хакасии.

Реутов, Е. В. Общественно-политические процессы в автономиях Южной Сибири (1985—1991 гг.): монография / Е. В. Реутов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова». — Абакан: Бригантина, 2015. — 165 с.: табл.

В монографическом исследовании осуществлен сравнительно-исторический анализ, показана специфика общественно-политических процессов на территории автономий Южной Сибири. Выявлены причины, определившие особенности становления общественно-политического плюрализма в регионе.

Адресовано специалистам в области отечественной истории, а также всем читателям, интересующимся российской историей.

Печерский, В. А. Советская юстиция в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): на материалах Хакасии: [монография] / В. А. Печерский, М. Г. Степанов. — Абакан: Бригантина, 2015. — 139 с.: табл.

В работе раскрыты особенности функционирования и развития органов юстиции Хакасской автономной области в военный период, осуществление ими уголовного, гражданского, политического правосудия.

В исследовании был использован значительный комплекс исторических

источников, в том числе извлеченных из региональных архивов России. Основной массив источников монографии составили документы из фондов архивов Абакана и Красноярска.

Исследование адресовано специалистам в области российской истории военного периода, а также широкому кругу читателей, интересующихся актуальными проблемами Великой Отечественной войны.

Абдина, Е. А. Культура питания хакасов. Рецепты хакасской народной кухни = Хакас чонның кибірігі чинсазырал ондайлары / [Е. А. Абдина, У. С. Идимешева]. — Абакан: [Дом литераторов Хакасии], 2015. — 103 с.: цв. ил., портр.

Книга содержит рецепты приготовления блюд традиционной хакасской кухни и описание традиций приема гостей.

Рецепты собирались по разным районам Хакасии, среди разных слоев населения, у представителей различных этнических групп (сагайцев, качинцев, шорцев). Выбирали наиболее популярные в народе блюда, а также те, приготовление которых возможно в современных условиях.

В хакасской кухне большое значение придают порядку подачи блюд, возрасту женщин, подающих праздничный обед на свадьбе или в особо торжественных случаях, а также знанию ритуалов. Поэтому авторы книги сочли нужным рассказать о традициях хакасского застолья, об оформлении блюд.

*Подготовила Светлана Ходякова,
заведующая отделом государственной
библиографии Национальной библиотеки
имени Н. Г. Доможакова
(Республика Хакасия)*

Свет материнской любви: сб. стихов и прозы новосиб. авт. — Новосибирск: Ред.-изд. центр «Светоч» правления Новосиб. обл. обществ. орг. «О-во книголюбов», 2015. — 206 с.: ил.

С 2014 г. Новосибирская областная общественная организация «Общество книголюбов» издает новую серию мини-атюрных книг новосибирских авторов — «Достойные имена». В сборнике «Свет материнской любви» собраны страницы-воспоминания, посвященные образу матери в стихах и прозе. Сборник включает произведения Ю. М. Магалифа, М. Л. Гусарова, Е. Ф. Мартышева, А. А. Верина, а также работы консультантов и активистов Общества книголюбов.

В книгу вошли избранные работы художника В. М. Гранкина и фотографии из личных архивов авторов.

Ваганов, А. С. Овтины Ямки: ист.-биогр. очерк / А. С. Ваганов. — Новосибирск: Совет. Сибирь, 2015. — 192 с.: ил.

Историко-биографический очерк «Овтины Ямки» — результат исследовательской работы новосибирского краеведа Анатолия Степановича Ваганова. В книге дана развернутая картина жизни и деятельности жителей сибирской деревни, расположенной на правом берегу Оби, в конце XIX — начале XX в. Первое название деревни — Овтины Ямки, впоследствии — Северная Замка (с 1900 г.), ныне — Ворошиловка (с 1938 г.). Очерк составлен на основе архивных документов и рассказов старожилов деревни, история которой неразрывно связана с историей Колыванского района Новосибирской области. В книге приводятся фотографии, документы из личных архивов, карты, родословные схемы.

Затронуты вопросы административного деления в границах Колыванского района, описаны революционные собы-

тия, первые годы становления советской власти и ее деятельность по восстановлению разрушенного хозяйства.

Издание подготовлено к печати оргкомитетом «Победа» при финансовой поддержке правительства Новосибирской области.

Новосибирск сатирический. Над чем смеялись в Новосибирске в последние сто лет / [сост. Е. В. Вишневский, К. А. Осеев]. — Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2015. — 239 с.: ил., факс.

Сборник впервые показывает историю Новосибирска через призму сатирических и юмористических материалов из книг, газет и журналов с начала XX в. до наших дней.

Составители выбрали самые яркие обличительные произведения новосибирских писателей, а также наиболее интересные тексты, передающие дух эпохи. В материалах сборника сатирически высмеиваются актуальные и сегодня проблемы: «глупость и твердолобость начальства», «агрессивный карьеризм», «желание урвать себе кусок послаще за счет другого». Издание предваряет статья Г. Селегея «Предыстория города Н-ска». Большое познавательное значение имеют сведения о периодических изданиях Новониколаевска-Новосибирска, публиковавших сатирические произведения. Отдельный раздел составляют карикатуры новосибирских художников. О большинстве авторов помещены биографические справки.

Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2016 год / Новосиб. гос. обл. науч. б-ка, Гос. арх. Новосиб. обл.; [сост. Е. Г. Войтушенко и др.; ред. Е. Е. Лурье и др.; отв. за вып. Е. В. Саженина]. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. обл. науч. б-ки, 2015. — 237 с.: ил., [21] л. цв. ил.

Ежегодное издание содержит уникальный массив информации о Новосибирской области: ее истории, экономике, культуре, зарубежных связях.

«Календарь» — итог совместной работы специалистов Новосибирской государственной областной научной библиотеки и Государственного архива Новосибирской области. В отборе дат и подготовке текстов принимали участие историки, писатели, педагоги, работники музеев, библиотек, архивов, специалисты в области промышленного производства, науки, медицины, искусства, спорта.

Новый выпуск краеведческого ежегодника содержит статьи и справки о таких датах, как 300-летие города Бердска, 170-летие утверждения герба Кольвани, 70-летие Центрального сибирского бота-

нического сада СО РАН, 60-летие Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, 25-летие с начала регулярного вещания первой в Новосибирске независимой частной телекомпании «Мир». В «Календаре» нашли отражение юбилеи — 100 лет со дня рождения кардиохирурга, академика РАМН Е. Н. Мешалкина, 80 лет со дня рождения члена корреспондента РАН, академика РАСН В. А. Ламина, 75 лет со дня рождения писателя, поэта, переводчика Г. М. Прашкевича и многое другое. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей края.

*Подготовила Елена Войтушенко,
главный библиограф отдела краеведения
Новосибирской государственной
областной научной библиотеки*

== Алтайский край ==

Серия «Алтай. Судьба. Эпоха» (АСЭ) издается в рамках Губернаторского издательского проекта, который посвящен выдающимся личностям Алтайского края. С Алтаем связаны судьбы многих известных людей, внесших значительный вклад в российскую историю и культуру, науку и технику. Поэтому задуманная серия обещает стать ценнейшим краеведческим источником полной и достоверной информации о знаменитых личностях. В ближайшие пять лет в рамках серии планируется выход книг о Валерии Золотухине, Иване Пырьеве, Роберте Рождественском, Георгии Гребенщикове, Василии Шукшине и других знаменитых уроженцах и жителях Алтайского края. А первые четыре книги «АСЭ» уже увидели свет: три из них были презентованы публике в Год литературы, четвертая будет представлена в начале 2016 года.

Теплякова, Н. В. Алексей Скурлатов / Н. В. Теплякова; [предисл. Е. В. Демчик; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу]. — Барнаул: Алт. дом печати,

2014. — 321 с., [15] л. ил., портр.: ил., портр. — (Алтай. Судьба. Эпоха).

Изданием, открывшим серию, стала книга об Алексее Ивановиче Скурлатове — алтайском прообразе «Алёши», как называют известный на весь мир памятник русскому солдату-освободителю в болгарском Пловдиве. Для автора, журналиста Натальи Тепляковой, издание стало литературным дебютом. Ее герой Алексей Скурлатов, казалось бы, ничего значительного не совершил. Его биография весьма традиционна и похожа на биографии тысяч ветеранов Великой Отечественной: прошел войну, был ранен, вернулся с фронта, после чего растил детей и трудился в совхозе. Но тем сложнее была задача, которую успешно решил автор: показать, что наш земляк воплощает ключевые черты нашего народа и достоин быть символом русского освободителя.

Используя официальные документы, воспоминания самого героя книги, его родных и знакомых, Наталья Теплякова создала полноценную комплексную биографию Алексея Скурлатова и представила

читателю целостный образ, не оставляющий сомнений в том, что алтайский «Алеша» заслуженно воплощен в монументе, чья смысловая и визуальная мощь неизменно приковывает всеобщее внимание.

Сомов, К. К. Герман Титов. Позывной «Орел» / К. К. Сомов; [Упр. Алт. края по культуре и арх. делу]. — Барнаул: [б. и.], 2015 (Воронеж: Макс-Принт). — 329 с., [11] л. цв. ил.: ил. — (Алтай. Судьба. Эпоха).

Герман Степанович Титов, «космонавт № 2», стал героем второй книги из серии «Алтай. Судьба. Эпоха». Журналист и писатель Константин Сомов представил многогранную личность своего героя, которому досталась невероятно сложная судьба — быть дублером, «вторым номером». Проследившая жизнь космонавта, посвященную служению великой идее покорения космоса, читатель видит не только профессиональную сторону выдающейся личности, но и ее государственную и общественную значимость. В книге открыта и домашняя, частная сторона жизни героя, показанная через отношения с родными и друзьями, благодаря чему Константин Сомов сделал в буквальном смысле космических масштабов личность Германа Степановича близкой широкому кругу читателей.

Муравлёв, А. С. Михаил Калашников / А. С. Муравлёв; [Упр. Алт. края по культуре и арх. делу]. — Барнаул; Воронеж: Макс-Принт, 2015. — 382 с., [20] л. цв. ил., портр. — (Алтай. Судьба. Эпоха).

Третья книга серии посвящена Михаилу Тимофеевичу Калашникову — человеку-легенде, создавшему самое распространённое в мире стрелковое оружие. Биография знаменитого конструктора долгое время была полна секретов, и Анатолий Муравлёв, журналист и автор многих книг, постарался убрать многие белые пятна и раскрыть некоторые тайны частной жизни создателя знаменитого

«калаша». Читатель узнает немало интересного о детстве и юности Михаила Тимофеевича, о его любви, борьбе с болезнью. Анатолий Муравлёв сумел создать биографию масштабной личности, показав ее связи как с историей страны, так и с малой родиной.

Шипилов, В. Н. Митрополит Макарий (Невский). Апостол Алтая / В. Н. Шипилов; [Упр. Алт. края по культуре и арх. делу]. — Барнаул: Алт. дом печати, 2015. — 288 с. — (Алтай. Судьба. Эпоха).

Русский священник, проповедник, святитель Макарий (Невский) является героем четвертой книги, изданной в конце 2015 г. в рамках серии «Алтай. Судьба. Эпоха». Посвятивший жизнь краеведению, автор издания Виктор Шипилов рассказывает о человеке, которого при жизни называли апостолом Алтая и живым русским святым. Читатель познакомится с полувековым миссионерским подвигом святителя, совершенным на труднодоступных территориях Алтая. Бесценным вкладом стала работа патриарха алтайского миссионерства по переводу духовных книг на алтайский язык и составлению алтайско-русского букваря. Активное возведение храмов способствовало не только укреплению православия, но и инфраструктурному и социальному развитию: рядом с храмами непременно строились больницы и школы. Повествуя о пути великого старца, автор книги отмечает, что успешному служению святителя в немалой степени способствовало обаяние его светлой личности. Виктор Шипилов смог показать, как митрополит Макарий стал одним из величайших духовных подвижников Отечества, которого на многотрудном пути не сломали ни болезни, ни лишения, ни презрение властей.

*Подготовила Екатерина Пушкарская,
специалист по связям с общественностью
Алтайской краевой универсальной
научной библиотеки им. В. Я. Шишкова*

Григорий ГАПОНОВ

ГРИГОРИЙ ГУСТАВОВИЧ ЛИКМАН

В январе текущего года в Новосибирском государственном художественном музее завершилась длившаяся два месяца выставка работ известного новосибирского художника Григория Ликмана (1904—1991). Куратором выступил новосибирский коллекционер Григорий Гапонов, очерк которого о жизни и творчестве художника мы представляем вниманию наших читателей.

Редакция

Григорий Густавович Ликман родился 25 января 1904 г. в Ревеле (ныне Таллин). Детские годы будущий художник провел в Санкт-Петербурге, куда его семья переехала в 1907 г., и в Москве, где с 1911 г. его отец, Густав Карлович Ликман, преуспевающий эстонский помещик, работал представителем французской фирмы мужской кожгалантереи. Мать Григория Густавовича, Екатерина Ефимовна Ликман, всецело посвятила себя воспитанию детей, которых в семье

было пятеро: Григорий, его брат Гордей и три сестры — Лиза, Зина и Маня. Семейство Ликманов не принадлежало к интеллигенции, однако родители Григория были людьми весьма культурными и хорошо образованными: отец говорил на пяти языках, играл на скрипке и флейте, мать тоже была натурой музыкальной, хорошо пела и играла на фортепьяно. Поэтому и детям с малых лет старались дать разностороннее образование. Шести лет от роду Григорий Ликман в первый раз

Григорий Ликман (слева). Москва, 1921 г.

посетил Оперный театр Зимина и услышал «Травиату», а с семи лет стал осваивать семиструнную гитару и даже сочинять музыку. Тогда же он почувствовал тягу к рисованию, следствием чего стало его поступление в 1916 г. в Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище, которое, однако, юноше пришлось оставить через два года из-за тяжелой

болезни. В то время в Строгановке преподавали известные русские художники: Сергей Арсеньевич Виноградов — живописец, член Товарищества передвижных художественных выставок, один из основателей Союза русских художников, действительный член Академии художеств; Александр Васильевич Куприн — член объединения «Бубновый валет», впоследствии член-корреспондент Академии художеств СССР; Роберт Рафаилович Фальк — живописец-авангардист, один из основателей объединения «Бубновый валет». Параллельно с обучением живописи Ликман занимается музыкой и подрабатывает в кинотеатрах в качестве тапера.

После Октябрьской революции жизнь семьи резко изменилась. Филиал французской фирмы, где работал Густав Карлович, закрылся. В Москве начался голод. Спасаясь от неустроенности, Екатерина Ефимовна с детьми переезжает в 1918 г. в Челябинск, где жила ее родная сестра. Отец остался в Москве и умер в 1920 г. от тифа.

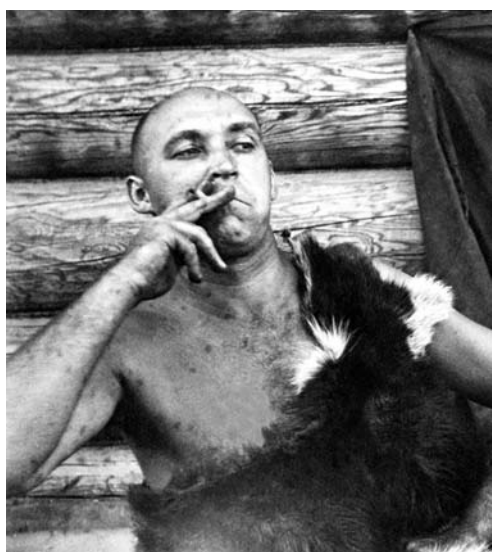
В Челябинске Григорий Ликман продолжает учебу в художественных студиях, которыми в то время руководили художники, получившие столичное образование и вернувшиеся на малую родину. В период Гражданской войны студии становятся самой распространенной формой художественного образования в провинции. В Челябинске их было три. Это студия И. К. Мрочковского и А. Н. Самохвалова, студия Н. А. Русакова и студия Д. Ф. Фехнера и Н. Д. Лебедева. Вполне вероятно, что принципы преподавания в них соответствовали методикам тех учебных художественных заведений, выпускниками которых были их руководители. А. Н. Самохвалов и Н. А. Русаков окончили Московское училище живописи, ваяния и зодчества, первый — в мастерской проф. И. Машкова, второй — К. Коро-

вина. Н. Д. Лебедев был представителем киевской школы живописи. Такое разнообразие художественно-педагогических манер привело к своего рода стилистической специализации художественных студий: конструктивизм у А. Самохвалова, авангардизм у Н. Русакова и реализм у Н. Лебедева.

Все эти направления в той или иной мере повлияли на творческое развитие молодого художника, но решающим следует признать влияние Николая Афанасьевича Русакова, в студии которого Ликман занимался два года. Русаков обладал незаурядным талантом живописца и одновременно педагогическим даром. В 1913 г. он окончил живописное отделение Казанской художественной школы, где занимался под руководством Н. И. Фешина, а следующие четыре года учился у К. А. Коровина в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. На протяжении всех лет учебы он зарабатывал на жизнь преподаванием рисования, а в Челябинске в 1920—1923 гг. заведовал губернской школой-студией изобразительных искусств Губпрофобра. Впоследствии ее называли «Академией Русакова». Обучение в ней велось по программе четырехлетнего курса художественного училища. Сторонник новых тенденций в искусстве, Н. А. Русаков был центром притяжения для молодых художников, увлеченных авангардными течениями. В одной из ранних работ Ликмана мы можем заметить некоторые признаки манеры и пристрастий Русакова. В 1919 г. Григорий Густавович становится свидетелем кавалерийского сражения между красными и белочехами, что и запечатлевает в работе «Отступление белочехов. Челябинск». В этой работе влияние учителя проявилось в экспрессивной пластике, переданной не совсем умелой ученической кистью, а также в обращении к технике акварели,

которой в совершенстве владел Русаков, иногда предпочитая ее живописи.

Самых талантливых учеников преподаватели студий отправляли для завершения художественного образования в столицу. В 1921 г. Григорий Ликман получил направление на рабфак при ВХУТЕМАСе, который посещал в 1921—1922 гг. В разное время во ВХУТЕМАСе преподавали А. Е. Архипов, В. В. Кандинский, Д. Н. Кардовский, Н. А. Ладовский, Л. М. Лисицкий, К. С. Мельников, А. М. Родченко, В. Е. Татлин, В. А. Фаворский. Вхутемасовская молодежь находилась в самом центре тогдашней культурной жизни. Постоянно устраивались диспуты и выставки художественных произведений ведущих мастеров живописи. В 1921 г., в самый разгар всеобщего художественного брожения, непрерывной генерации новых форм, Ликман увлекается авангардными направлениями — кубизмом, лучизмом, супрематизмом. Он хорошо знает поэтов — футуристов и имажинистов (Маяковского, Бурлюка, Каменского и др.), чьи выступления в Большой аудитории Политехнического музея часто посещает. На пиджаке молодого художника появля-

Григорий Ликман. 1928 г.

ется нарисованная им самим футуристическая эмблема. Однако его пребывание в этом бурлящем котле идей продлится недолго. В 1922 г. из-за обострения болезни Григорий Ликман возвращается в Челябинск, а в 1923 г. вся семья переезжает в Томск, где молодой живописец устраивается работать художником-декоратором в Томский драматический театр.

В 1924—1925 гг. в качестве клубного художника он служит добровольцем в 4 полку связи Красной армии в Томске. Наверное, именно с этого времени Григорий Ликман начинает скрывать свое происхождение. В автобиографиях он пишет, что происходит из бедной крестьянской семьи. Позже, в Новосибирске, куда художник переезжает в 1926 г., он только по счастливой случайности избежит репрессий. Впоследствии, во времена, когда авангардные манеры будут преданы анафеме приверженцами «большого стиля», о ранних футуристических увлечениях Ликмана не будут знать даже близкие художника, хотя хранить работы этого периода он будет всю оставшуюся жизнь.

Начиная с 1926 г., когда Григорий Ликман становится членом новосибирского отделения Ассоциации художников революционной России (удостоверение № 55), он участвует практически во всех региональных выставках, сотрудничает в качестве художника в газетах и книжных издательствах: в «Красноармейской газете» штаба Сибирского военного округа, в редакциях «Красноармейской звезды», «Советской Сибири» и др. Коллеги называли его «сибирским Ефимовым».

В 1928—1929 гг. художник работает в жанрах политической карикатуры и плаката в ежемесячном журнале «Настоящее», который стал издаваться в Новосибирске с февраля 1928 г. По оформлению он представлял собой совершенно новый тип журнального издания. Чи-

тателей привлекали броские заголовки, заставки, карикатуры, обилие иллюстраций, резкая фельетонная сатира. (К слову сказать, в 1934 г. даже появится идея издать альбом карикатур Ликмана, но по причине отсутствия бумаги все ограничится благим намереньем.) В журнале сотрудничали лучшие художники-графики Сибири. «Настоящее» издавался в Новосибирске одноименной литературной группой совместно с Сибкрайиздатом и газетой «Советская Сибирь». Организатором литературной группы и редактором журнала был журналист и партийный работник Сибкрайкома ВКП(б) А. Курс. «Настоящевцы» стояли на позициях т. н. «литературы факта», почти полностью отрицая необходимость собственно художественности в литературном произведении. Уже в середине 1928 г. на страницах журнала развернулась критическая кампания против многих российских писателей — Шолохова, Катаева, Булгакова, Пильняка и даже М. Горького. Однако уже в декабре 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького». Большинство сотрудников журнала подверглись репрессиям. 1 февраля 1933 г. Вощакин, Липин, Никулин, Пакшин были арестованы. Ликмана спасло только то, что он не числился в штате журнала, а работал с ним сдельно.

С 1933 г., когда Григорий Ликман становится членом Союза художников СССР, живопись уже является основным делом для художника, хотя занятий графикой он не оставил: он так же работает в редакциях газет, сотрудничает с издательствами, иллюстрирует книги.

Сюжеты его полотен 1930-х гг. вполне в духе времени: «В подшефный колхоз» (1930), «Клепка котлов на КМК» (1931), «На конспиративной квартире» (1934), «Товарищ В. М. Молотов на

В редакции «Советской Сибири». 1933 г.

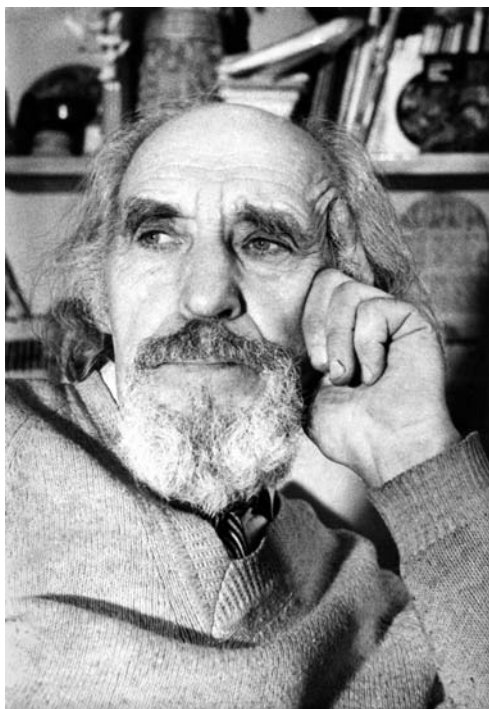
партактиве Новосибирска в 1928 году» (1937), «Маевка в Нарыме под руководством В. В. Куйбышева в 1912 году» (1939), «Побег И. В. Сталина из Нарымской ссылки в 1912 году» (1939). Картина «Товарищ В. М. Молотов на партактиве Новосибирска в 1928 году» была показана на Первой областной выставке живописи и скульптуры сибирских художников и скульпторов в клубе им. Сталина в Новосибирске в 1937 г. Судьба этого произведения красноречиво отражает реалии художественного процесса в те годы. Позже художник вспомнит о нем: «Молотов на собрании партактива в 1928 году. Написана в 1937 году. В президиуме Эйхе, которого переписал на Грядинского, Грядинского на Шварца. Потом нашли нужным уничтожить. По политическим соображениям уничтожена».*

В 1941 г. Григорий Ликман становится председателем Новосибирского союза советских художников. В годы Великой Отечественной войны он входил в редколлегия «Окон ТАСС». Уже на второй день войны, 23 июня, Новосибирское бюро Союза советских писателей поставило перед Новосибирским

* Эйхе, Грядинский, Шварц — последовательно сменявшие друг друга первые секретари местного крайкома, так же последовательно приговаривавшиеся к высшей мере наказания.

союзом советских художников вопрос о совместной агитационно-пропагандистской работе среди населения. Было принято решение общими силами возродить опыт «Окон РОСТА» — сатирических и агитационных плакатов, выпускавшихся в годы Гражданской войны. Обком ВКП(б) поддержал эту инициативу и утвердил редколлегию в составе писателей И. Мухачёва, Н. Алексеева, С. Кожевникова, Е. Березницкого, А. Смердова (ответственный редактор) и художников Г. Ликмана, М. Мочалова, В. Титкова, А. Иванова. 24 июня уже был готов первый выпуск четырех плакатов художников Ликмана, Титкова, Огородникова со стихотворными подписями поэтов Мухачёва и Смердова. С начала войны до сентября 1942 г. было выпущено 264 комплекта «Окон ТАСС» тиражом 13 тысяч экземпляров. «Окна» выставлялись в двадцати пунктах города и области. Всего за годы Великой Отечественной войны было выпущено 500 плакатов.

Во время войны Г. Ликман не оставляет работу и над большими полотнами: «Атака» (1941), «На родные места» (1942), «Колхозники передают самолет Красной Армии» (1943), «Тяжелая утрата», «На трудовом фронте» (1944—1945). В послевоенные годы Григорий Густавович оканчивает курсы повышения квалификации при Всесоюзной школе при руководстве Б. В. Иогансона и продолжает активно работать, постоянно участвуя в областных, зональных, республиканских и всесоюзных выставках. В 1953 г. в Москве на Выставке произведений художников РСФСР картина «В мастерской художника» получила высокую оценку академика АХ СССР Павла Петровича Соколова-Скаля и была приобретена государством для музейного фонда СССР. Работа была опубликована в ведущих художественных изданиях страны и вошла в золотой художественный фонд СССР.

**В мастерской.
Новосибирск, январь 1979 г.**

Григорий Ликман был необычной и загадочной личностью. Футурист, талантливый карикатурист, выдающийся живописец. Мастер в прикладной резьбе. Он пережил Гражданскую войну, голод, трижды болел тифом и чудом избежал репрессий. Он спал по шесть часов в сутки в течение всей своей долгой жизни, сохраняя при этом невероятную работоспособность. Он создал огромное количество живописных станковых произведений, отдав должное всем существующим жанрам: от политических и исторических полотен до пейзажей и натюрмортов. Соответствовавшие принципам социалистического реализма, они украшали клубы и дворцы культуры городов Сибири, их приобретали музеи, в то время как его футуристические работы мы только начинаем открывать для себя. И думается, впереди еще много открытий, связанных с личностью и творчеством этого неординарного художника.

АВТОРЫ НОМЕРА

Гапонов Григорий Анатольевич родился в 1975 г. Коллекционер, галерист. Образование высшее юридическое и экономическое. Дипломированный эксперт по антиквариату. Владелец антикварного салона «Золотой век». Член экспертного совета по культуре и искусству при губернаторе Новосибирской области. В 2013 г. совместно с Игорем Кузнецовым основал галерею «Фактор». С 2009 г. регулярно проводит выставки в Новосибирском государственном художественном музее, занимается исследовательской работой. Живет в Новосибирске.

Коновалов Евгений — поэт, литературный критик. Доцент Ярославского государственного университета, кандидат физико-математических наук. Стихотворения и критические статьи публиковались в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия» и др. Автор двух книг стихотворений. Живет в Ярославле.

Ломов Виорель Михайлович родился в 1946 г. в Москве. Окончил Московский энергетический институт. Работал в новосибирских вузах и НИИ, на Новосибирском заводе химконцентратов, в Новосибирском областном краеведческом музее. Печатался в журналах «Сибирские огни», «Октябрь» и др. Член Союза писателей России.

Некрасова Марина Сергеевна родилась в Чите в 1971 г. Окончила областное музыкальное училище, факультет журналистики Забайкальского государственно-

го университета. Работала журналистом. Преподавала русский язык в университете города Сямынь (КНР). Рассказы печатались в литературных журналах Забайкальского края. Живет в Чите.

Никифоров Владимир Семёнович родился в 1943 г. в поселке Подтесово Красноярского края. Работал матросом несамоходного судна, слесарем, шкипером рейда, диспетчером в управлении пароходства, начальником смены в речном порту. Окончил Новосибирский институт инженеров водного транспорта. Кандидат технических наук, профессор. Автор восьми книг прозы. Член Союза писателей России.

Седых Владимир Николаевич родился в 1935 г. Ученый, доктор биологических наук, много лет занимается изучением лесов. Участвовал во множестве изыскательских, лесоустроительных, научных экспедиций в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке, в США и Канаде. Автор многих научных работ, в том числе десяти монографий, и очерковой книги «Таксаторы и Бичи. Первооткрыватели сибирской тайги». Живет в Новосибирске.

Тюрин Вячеслав Игоревич родился в 1967 г. в п. Усть-Нера Оймяконского района Якутии. Публиковался в журналах «Знамя», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. Обладатель Гран-при литературного конкурса «Илья-премия» за 2001 год. Автор поэтической книги «Всегда поблизости». Живет в п. Лесогорск Иркутской области.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

Верстка: *О. Н. Вялкова*

Корректурa: *М. Н. Долгов*

630048, г. Новосибирск, ул. Вертковская, 10, оф. 315,

тел.: (383) 344-92-94

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Сдано в набор 19.02.2016 г. Подписано в печать 14.03.2016 г.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7.

Тираж 1500 экз.

<http://книгосибирск.рф>

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.